

Министерство образования и науки Российской Федерации

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Институт филологии и журналистики

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Межвузовский сборник научных трудов

ВЫПУСК 16

Под редакцией профессора *М. А. Кормилицыной*

Саратов
Издательство Саратовского университета
2016

УДК 808.2-085.5(082)
ББК 81.2Р-7
П74

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Е. А. Елина*
доктор филологических наук, профессор *С. А. Рисинзон*

Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб.
П74 науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. – Вып. 16. – 148 с.

В данном выпуске сборника представлены результаты исследования тенденций изменений в языке и его функционировании в разных сферах коммуникации. Сделан акцент на то, что способствует эффективности коммуникации или, наоборот, снижает её. Уточняются многие языковые факты, большое внимание уделяется ранее выявленным тенденциям, под влиянием которых происходят изменения в современной речи, а затем и в языке.

Сборник рассчитан на лингвистов и может быть использован в вузовском преподавании.

Редакционная коллегия:

проф. *М. А. Кормилицына* (отв. редактор), проф. *О. Б. Сиротинина*,
проф. *А. Н. Байкулова*, доц. *Е. В. Уздинская*,
проф. *З. Л. Новоженова* (Гданьский университет, Польша),
доц. *А. В. Дегальцева* (отв. секретарь)

УДК 808.2-085.5(082)
ББК 81.2Р-7

Работа издана в авторской редакции

ISSN 1812-1810

© Саратовский государственный
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

<i>Сиротинина О. Б.</i> Что даёт изучению развития лексической системы внимание к «странным» фактам окружающей речи? ...	4
<i>Кормилицына М. А.</i> Содержательная неопределённость современных медиатекстов как результат нарушения в них баланса стандарта и творчества (на материале печатных СМИ)	16
<i>Шестак Л. А.</i> Коммуникативные акценты в современной русской речи	27
<i>Милёхина Т. А.</i> Тенденции огрубления телевизионной речи в общественно-политических ток-шоу	35
<i>Мякшева О. В.</i> Активная лексика и семантические лакуны в лексиконе современного школьника	48
<i>Андреева С. В., Сорокина Т. А.</i> Дискурсная специфика речи в Интернете	56
<i>Санджи-Гаряева З. С.</i> Актуализация одного типа оценочных прилагательных в современной речи (на материале печатных СМИ)	66
<i>Матяшевская А. И.</i> Употребление сниженной лексики в газете «Новая версия»	75

2. ОТДЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ

<i>Викторова Е. Ю.</i> Специфика русской научной речи сквозь призму употребления в ней дискурсивов (опыт сравнения русского и англоязычного научного дискурса)	83
<i>Дегальцева А. В.</i> О некоторых речевых реализациях событийных пропозиций	101
<i>Яхина Д. И.</i> Образная оценка внешнего вида человека в сфере неофициального общения (на материале метафор и сравнений)	112
<i>Наумова Е. В.</i> Особенности речи одной неординарной женщины России	125
<i>Вороновская И. А.</i> Всегда ли частица <i>же</i> тематична?	137
<i>Сведения об авторах</i>	146

1. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

УДК 811.161.1'271

О. Б. Сиротинина

ЧТО ДАЁТ ИЗУЧЕНИЮ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВНИМАНИЕ К «СТРАННЫМ» ФАКТАМ ОКРУЖАЮЩЕЙ РЕЧИ?

Под «странными» фактами в статье понимаются разного типа отступления от кодифицированных норм. Доказывается, что иногда это свидетельство изменения узуальной нормы, иногда даже языковой системы; часто – закономерно обусловленное изменениями условий жизни человечества обогащение языка, но, к сожалению, нередко – его обеднение. Специально с этих позиций рассмотрено употребление в речи новых заимствований, дан анализ причин и следствий «странных» употреблений, обоснована необходимость кодифицирующего нормирования речи.

Ключевые слова: язык, речь, обогащение лексики, обеднение лексики, узуальная норма, кодифицированная норма.

O. B. Sirotinina

WHAT GIVES THE ATTENTION TO «ODD» FACTS OF THE SPEECH AROUND US TO THE RESEARCH OF LEXICAL SYSTEM DEVELOPMENT?

«Odd» facts are thought of as all kinds of deviations from standard norms. The article proves that sometimes they mean the change of the usual norm, sometimes – the change even of the language system; they often mean the enrichment of the language which is determined by the changes of human life conditions, but in many cases, unfortunately, they mean the language impoverishment. From these positions the article analyses the use of new borrowings, examines the reasons and consequences of «odd» word usages, justifies the necessity of codified language standardization.

Key words: language, discourse, vocabulary enrichment, vocabulary impoverishment, usual norm, codified norm.

Так сложилось в моей жизни, что ещё в детстве я узнала о конкурсе в Англии на изобретение совсем нового слова. Я страшно удивилась, по-детски решив, что в этом нет ничего сложного.

Ещё больше удивилась, узнав, что никто ничего не изобрёл, что все новые слова появляются, если не заимствуются из другого языка, в результате изменения значения или путём словообразования. Но именно это происходит чуть ли не каждодневно, однако, как правило, незаметно для говорящих, хотя наращивание лексикона в 70–80-х гг. XX в. даже фиксировалось в ежегодно издаваемых «Словарных материалах», в которых помещались слова из текстов СМИ, отсутствующие в словарях. И их количество за год достигало десятков тысяч (помню, в одном из них оказалось 70 тысяч новых слов). А раз в 10 лет создавался словарь новых слов. Теперь этого нет, но пополнение картотеки Академического словаря продолжается, тем более – национального корпуса (как русского, так и в других странах корпусов своих языков).

Естественно, что язык живёт, т. е. изменяется, и в основном в сторону обогащения из нужды как-то назвать что-то познанное или созданное.

Но чаще всего это происходит на базе уже имеющихся в языке слов: расширение значения или его терминологическое сужение, появляется разграничение терминов, которые раньше свободно заменяли друг друга (*язык и речь*), в номинации цвета и его оттенков: *красный, алый, багряный, багровый, бордовый* (в последнем случае путём морфемной адаптации к русскому языку заимствованного обозначения). Второй путь обогащения – словообразование: первоначальная конкуренция русских названий новых профессий *лётчик – летун* и современная – русского *летчик* и заимствованного *пилот*. Но в любом из этих случаев новое возникает на базе старого (своего или заимствованного). Потребность в новых номинациях существует всё время: люди что-то изобретают, усовершенствуют (новые приборы, машины, блюда), что-то познают: закономерности, состав (межзвездного вещества, пищевого продукта, геномов живых существ). И всё созданное, открытое, познанное должно быть обозначено и в быту, и в общественных, геополитических отношениях, и в каждой из всё более разветвляющихся наук.

В истории человечества языки совершенствуются, их системы усложняются (хотя иногда на первый взгляд упрощаются), а лексиконы, несмотря на выход из употребления устаревших по каким-либо причинам слов, всё увеличиваются в своих объёмах. В процессах изменений языка особенно заметны изменения лексиконов: их пополнение заимствованными словами из того или иного языка, результаты конкурентного сосуществования с род-

ным обозначением (*подросток – тинейджер* в сторону вытеснения одного из них, *убийца – киллер* в сторону разведения значения, образования синонимических отношений), разные способы (из письменной или устной речи) включения заимствованного слова в русский лексикон (*консультация* и современное *консалтинг – консалтинговый*) и даже создания своего слова со своим значением на основе заимствованного (*коворкинг* – ‘организация, вид бизнеса’ из заимствованного ‘совместная работа’ на основе далёкого от точной передачи английского звучания *coworking*) или заимствованного суффикса (*пехтинг, маргелинг* для обозначения процесса, действия даже от имени собственного).

В отношении включения в лексикон чего-то заимствованного внимание к фактам, первоначально воспринимаемым как странные, а потом наблюдаемым всё чаще и чаще, помогает осознать появление (образование, выработку) в процессе коммуникации на русском языке новых закономерностей в формировании создающихся в системе новых парадигматических и синтагматических отношений. Так, например, совершенно ясно, что суффикс *-инг*, уже не только в составе заимствованных лексем типа *лифтинг, консалтинг, краудфандинг* и т. д., но теперь уже словообразовательный суффикс в русском языке.

Настало время искать причины укоренения в русском языке одних заимствованных слов (*киллер, бой-френд*), постепенного вытеснения других воскрешенными русскими (*тинейджер*) и образования фактически русских, но на основе заимствованного (*консалтинговый, рейдерство*): почему, в каких сферах общения, зачем, нужны ли (*спикер* при возможном *председатель, вице* при возможном *зам* и т. д.)? Происходит это из-за глобализации мира, роли английского языка в мире или срабатывает и что-то ещё? Почему отдано предпочтение иноязычному *-инг* при обозначении нового явления, хотя есть для создания отглагольных существительных свои суффиксы?

Но дело не только в заимствованиях и их внедрении в русскую лексическую систему. Многое происходит и с собственно русской частью лексикона. Во-первых, это включение в лексикон литературного языка ряда слов из нелитературных страт (диалектов, просторечия, жаргонов), сдвиги в границах литературного (*схожий* имел в толковых словарях квалификацию *просторечное*, а в 2016 г. получил помету *разговорное* [Морковкин, 2016]), есть различия в отнесении к сферам книжности – нейтральности – разговорности в рамках литературного языка, в соотношениях общерусского и терминологического значений. Всё это нередко

квалифицируется по-разному, как, например, словарные толкования слова *компетенция* (ср. [Крысин, 2005; Шведова, 2007]).

Нужно ли внимание к речевым ошибкам и «странным» сочетаниям (*процесс пошел* в речи М. С. Горбачёва, *отливается в гранит* у Д. А. Медведева, *продвинутый автомобиль*, *крайне полезно*, широко распространившиеся *достаточно* без указания для чего даже в таких сочетаниях, как *достаточно много преступлений* или *достаточно единичны*; *сильно ослаблено* и т. д.). Что это: элементарная речевая ошибка; степень допустимости? А ведь они фиксируются не только в спонтанной устной речи в Интернете, но и в газетах, и даже в статьях лингвистов в уважаемых научных журналах. Как относиться к господству глагола *одеть*, фактически уже вытеснившего *надеть*? В моём мониторинге речи в СМИ только осенью 2016 г. в телерекламе появилось *фуражку надел* и в повседневной речи окружения, даже речи филологов не зафиксировано, кроме случая с «фуражкой», ни одного *надеть* там, где нормативен только этот глагол.

Безусловно, норма не только объективно формируется, но и навязывается, при этом не всегда успешно: насколько мне помнится, в нормативных словарях до 1977 г. кодифицировалось только ударение *фОльга*, а я ни разу в жизни ни от кого его не слышала, хотя росла в культурном окружении. Выявление реального соотношения в речи тех или иных употреблений – слишком дорогое удовольствие. Проводилось в СССР только один раз. На основе его результатов была выпущена коллективная монография [Граудина и др., 1976], сформулированы и изданы «Правила орфографии и пунктуации» 1956 г., по которым мы жили до 2007 г., когда Институтом русского языка РАН на основе многолетней работы орфографической комиссии были изданы уточненные варианты нормы. Но споры о нормативности / ненормативности тех же ударений и написаний (*включИть* или можно и *включИть*; *розыск*, но *разыскной*) продолжают до сих пор. М. А. Кронгауз и М. Королёва – члены Совета по русскому языку при Президенте РФ даже готовы считать нормирование речи советским пережитком (телепередача «Тем временем», 27.09.2016). Так нужно ли нормировать литературный язык? В Законе о государственном языке РФ чётко прописано, что им является только литературный русский язык, существенными признаками которого считались и считаются его кодифицированная нормативность (в отличие от узуальной, свойственной и диалектам) и многофункциональность. Надо ли отказываться от этого постулата?

Современная практика использования языка – следствие разрушения школьного образования (отсутствие сочинений, ЕГЭ вместо устной речи), сыграли свою роль и утрата привычки к чтению художественной литературы, замена реального общения на общение через Интернет, создающее новую, третью формацию языка – интернет-речь [Интернет-коммуникация, 2012], объединяющую реактивную спонтанность устной со зрительным её восприятием.

Несмотря на все строгости законодательства, требующего использования в СМИ только литературного языка, карающего за грубость и оскорбления, в СМИ (конечно, не в такой степени, как в 90-е годы XX века, когда джинн мата был выпущен из бутылки на свободу) далеко не всё литературно нормативно, особенно на сайтах СМИ в Интернете, где пользователи в своих комментирующих репликах с запретами не считаются, но и речь самих журналистов и тем более «гостей» пестрит, если не прямым матом, он заменяется свистом, а в газетах точками или указанием в скобках (*нецензурное слово*) или (*слово не для печати*) без самого обсценизма, то грубой лексикой постоянно.

Внимание к речи помогает увидеть усиление в XXI веке процессов к диффузии многих слов, что позволяет расширять возможности их употребления. Пожалуй, особенно ярко это видно на очень распространившемся использовании коммуникатива *хорошо* вне положительно оценивающего значения, а сравнительно давно уже используется как знак приёма информации (характерна обида ученика на учителя, реагирующего на его ответ словами *Хорошо, а что именно?* Или *Хорошо, и что?*, а ставит «двойку»). Или (в последнее время зафиксированном уже неоднократно) во вспомогательном дискурсивном употреблении ‘как бы уступки, ответа на прогнозируемое возражение адресата’ (*провала, хорошо, неудачи*). Тут и уступка, и смягчение, и знак приёма прогнозируемого возражения, но уж никак не положительная оценка. Явное выветривание положительного значения фиксируется и в предлоге *благодаря* (распространенное *благодаря простуде мне пришлось пропустить урок; благодаря пожару я потерял и дом и имущество*) вместо диффузного (и для хорошего, и для плохого следствия) предлога *из-за*. Аналогично обстоит дело со следующим газетным фактом, где ощущаемое положительное значение слова *благоприятно* приходит в противоречие со следствием влияний ветреной и сырой погоды: *ветреная и сырая погода наиболее благоприятно влияют на распространение респираторных заболеваний* (МК, 01.10.2016). То же противоречие в *сильно ослаблено*. Все примеры

из моего мониторинга СМИ и повседневной речи в моём окружении, т. е. в речи культурных людей.

Синкретизм однозначности слова, передающего основную информацию текста и одновременно выполняющего функцию дискурсива, типичен и для газетных, и для научных текстов: см. синонимичные употребления *сначала* (обстоятельство времени) и *во-первых*; аналогично *начну* / *начнём* (сказуемые); *во-вторых* и *затем*; *можно сомневаться* и *может быть*, *возможно* / *видимо*; *не вызывает сомнения* и *очень вероятно* / *несомненно* / *безусловно* (см. [Викторова, 2015, 2016]), причём *вероятно* может употребляться и при наличии сомнения.

Недаром в одной из заглавных статей журнала «Вопросы языкознания» В. М. Алпатов провозглашает, что современный этап развития лингвистики – набор новых фактов, которые могут привести к коренному пересмотру многих положений [Алпатов, 2015], и мой многолетний мониторинг заставил меня многое увидеть по-новому, а кое-что пересмотреть (но об этом уже в другой статье).

Конечно, новые факты – это не только усиление ненормативности, хотя, как показал мой мониторинг, процесс «самоочищения» речи СМИ продолжался всего два года, сменился новой «волной» деструкции норм [Сиротинина, 2015], был результатом повышения коммуникативной компетентности журналистов, получивших опыт журналистской работы (В. Соловьёв, С. Сорокина) или прошедших специальную филологическую подготовку в отличие от раскованных, но не имеющих ни такого опыта, ни такой подготовки журналистов 90-х годов. (К началу XXI века, по свидетельству зам. министра по печати, только треть журналистского сообщества имела высшее образование, но и то в большинстве не специальное). Способствовал этому, видимо, не только Интернет, но и общая обстановка в стране, вызвавшая накал эмоций, особенно ярко проявившийся в прямом эфире ток-шоу с плохо контролируемым (или даже совсем неконтролируемым) поведением участников, в подавляющем большинстве нежурналистов. Всё это повлияло на массы (плохой пример заразителен), породило новую моду на ненормативное поведение и на речь. Появилась свобода выражения, а не только мнения (разных точек зрения у журналистов и у гостей передач). И даже одобрительное отношение к этому некоторых лингвистов. Моё отношение к такой «свободе» остаётся принципиально негативным. Считаю, что насаждение ненормативного – это не свобода мнений, которая необходима, а показатель низкой культуры человека. А поскольку СМИ

воспринимаются как эталон публичного поведения и речи, это очень опасно и для языка, и для общества в целом.

Но не всё так ужасно. Внимание к фактам позволяет заметить и тенденцию к борьбе с ненормативным. Я увидела это в регулярном проявлении борьбы с одновременным криком, бесконечными перебиваниями в пылу полемики в репликах самих участников: *Я Вас не перебивал; Дайте мне договорить* – и ведущего ток-шоу. Правда, пока эти реплики не действуют, но раньше их не было. Неприятие такого поведения появилось и в радиопередачах типа «Служба русского языка», особенно ярко проявляется в саратовской передаче, фактически превратившейся в своеобразный клуб активных любителей правильной русской речи. Они наблюдают, отмечают как неприемлемое всё ненормативное с их точки зрения (иногда при этом ошибаясь).

Следует также добавить, что многие «странные» явления – следствие непоследовательности / противоречивости системы. И радиослушатели, подметив это, нередко спрашивают, почему у некоторых глаголов (*победить, пылесосить*) нет нормативной формы I лица ед. числа. Причин, видимо, несколько: у части таких глаголов это было бы нескромным (*победить*), в других основная причина – оставшийся в прошлом процесс фонетических изменений согласных, сохранившийся только как регулярность фонетических чередований (*пылесосу*). В некоторых глаголах это следствие неосознаваемости самого действия, выраженного глагола (*стонать*).

Многое возникает по законам моделей словообразования (*оязыковление, оязыковлённый* – аналогия с давно образованными *овеществление, овеществлённый; обьизвествление, обьизвествлённый*, но вынуждена отметить, что нередко при этом *л* пропадает, так как элевое смягчение перестало быть живым процессом несколько веков назад: есть *л* в существительном *капля*, в поговорке *над нами не каплет*, но спрягаем мы глагол *капать* без появления *л* после губного согласного (*капаю, капаешь, капает*). С точки зрения современных чередований звуков слушателям непонятно, почему *крик – кричать, полдник – полдничать, умник – умничать*, хотя *толкать, искать, пишикать, пиликаать* и т. д.

Закономерно образовано наречие *смыслово* (в одной из статей В. В. Красных) аналогично отношениям *хороший – хорошо, плохой – плохо, образцовый – образцово* и т. д., но воспринимается как по меньшей мере странное, если не как явно ненормативное, видимо, из-за его непривычности.

В другой статье лингвиста (Т. М. Николаевой) непривычно употреблено слово *конвой* («*Это конвой изолированного высказывания, без которого по-настоящему понять его смысл невозможно*» [Николаева, 2015: 16]). Конечно, слово *конвой* употреблено не в соответствии со словарным толкованием ‘сопровождающий вооружённый отряд’, и даже не как распространившийся в последние годы *гуманитарный конвой* вместо *караван, автоколонна* (отголосок времени Отечественной войны, когда американские отряды кораблей, везущих нам танки, грузовики и еду, сопровождаемые военными кораблями охраны, для простоты, экономии обозначения именовались *конвоями*). И сейчас *гуманитарные конвои* практикуются там, где воюют, даже если это автоколонны грузовых машин без военного сопровождения. В статье Т. М. Николаевой это именно ‘сопровождение’, но, конечно, не военное, не только контекстное, но и экстралингвистическое (кто, кому, зачем, в каких случаях). Можно спорить об удачности и даже допустимости такого употребления. Меня оно в первый момент шокировало, но я его приняла как условный термин и стала употреблять, но в кавычках со ссылкой на авторство. Других оно возмущает. Станет ли такое употребление «узуальной» лингвистической нормой, покажет время. Не всякая узуальная норма становится кодифицированной. Узуальную норму создают говорящие на данном языке люди, кодифицируют и, следовательно, навязывают специалисты, но чтобы в процессе кодификации уменьшить неизбежную из-за необъятности, необозримости всех речевых проявлений субъективную относительность решений нужно:

- 1) собирать как можно больше фактов, учитывая, что проведение миллионного анкетирования стоит дорого;
- 2) теперь использовать национальные корпуса;
- 3) договариваться, опираясь на познанные отношения факта к системе, причины появления нового с учётом условий его употребления и типа адресанта (уровня его речевой культуры).

«Странные» факты изобилуют в речи детей, осваивающих систему языка из окружающей речи с её «конвоем», именно в этом простая разгадка многих неожиданностей. Так, например, произошло у меня в коммуникации с маленькой когда-то дочерью. В ответ на упрёк *Если они добрые, это не значит, что надо брать всё, когда угощают конфетами*, она возмущённо воскликнула: *Какие же они добрые, они хорошие!* А дело было в том, что накануне мы с ней были в цирке. И она пугалась, когда слон поливал водой клоуна. Я её успокаивала и говорила, что слон доб-

рый. А у неё в сознании «недобрые» действия слона связались со словом *добрый*. Подвёл ситуативный «конвой» моей речи в цирке.

В других случаях системные связи, уже усвоенные ребёнком, побеждают ещё не освоенные нормы. Вот и получаются ненормативные формы, подсказанные системой: *я хóчу* (ведь *хочешь, хочет* с ударением на первом слоге), *я не вряю* (ведь от *играть* – *играю* значит *врать* – *вряю*) и т. д.

Но фактически то же самое наблюдается в речи взрослых, для которой форма глагола III лица мн. ч. реальна уже только *чтут*, поскольку нормативная форма *читут* противоречит системе. Можно ли на этом основании отказываться от кодификации норм (к сожалению, иногда такие предложения звучат в эфире, а не только в научных дискуссиях)? Думаю, что борьба с нормами – безумие. В любом языке существует вариативность в произношении – следы диалектного прошлого, ещё заметнее вариативность лексико-семантическая, которая очень мешает эффективной коммуникации. Помню, как во время командировки в Красноярск вынуждена была купить кошелёк (свой забыла дома), но в универмаге на вопрос *Есть ли у Вас кошельки?* получила ответ *Нет*, увидела их под стеклом прилавка: *А вот же* и в ответ: *Это гаманки, а кошельков у нас нет*. И к своему удивлению, прочитала напечатанный на торговом ярлыке *Гаманок женский*.

И такие примеры не единичны. Затрудняет ли это коммуникацию? Безусловно. Единство страны обеспечивается общностью языка, без чего вряд ли можно говорить о полном единстве страны (взять хотя бы проблемы франкоязычного Квебека в Канаде). В СССР не было государственного языка (материалы сессий Верховного совета СССР печатались на 15 языках союзных республик), но литературный русский язык был языком межнационального общения, изучался в школах всех республик, и это обеспечивало возможность общения всех народов СССР. По сути он и тогда был государственным. Как следствие, в отличие от некоторых языков народов СССР, не имевших литературного языка, он был и остаётся полифункциональным, благодаря чему мог и может сейчас обеспечивать общение во всех сферах жизни человека: в управлении, в обучении, информировании (СМИ), словесном искусстве (художественная литература, кинофильмы). Именно полифункциональность литературного языка (а не только нормативность) обеспечивает его использование и за пределами повседневной жизни в отличие от диалектов, просторечия, которые в принципе монофункциональны, как и любой жаргон, ограниченный возрастом общающихся (молодёжный), профессией, объеди-

няющей «социальные группирования», бесписьменные языки малочисленных народов.

Но полифункциональность неизбежно порождает функционально-стилевую дифференциацию литературного языка, которая, естественно, представлена не только художественным стилем, но и научным, официально-деловым, публицистическим, разговорным, каждый в свою очередь в нескольких разновидностях. В последнее время стало принято выделять ещё и религиозный стиль, но у меня это вызывает большие сомнения, поскольку по своей основной функции воздействия он является или разновидностью публицистического стиля или иным языком (в православии – церковнославянским, в католицизме – латинским, в исламе – арабским).

Конечно, функционально-стилевые различия не только лексические, но именно они больше всего бросаются в глаза. Насыщенностью терминами и обобщённо-отвлечённой лексикой отличаются научный и официально-деловой стили, при этом в последнем денотативной или конкретной точностью. В художественном и разговорном преобладает конкретная и эмоционально-оценочная лексика. В каждом стиле свои нормы соотношения узкостилевого и нейтрального (общелитературного), а «странные» факты – нарушения этих норм – свидетельство низкого уровня речевой культуры адресанта. Беда научного текста – возможность разного понимания адресантом и адресатом использованных в тексте терминов. Это порождает терминологические споры вместо дискуссий по существу вопроса и замедляет развитие науки. В лингвистике до сих пор есть разное понимание терминов *разговорная речь*, *предложение* (его односоставности и двусоставности), *высказывание*, широкое или узкое понимание *дискурсивов* (*метатекстовых средств*), *парцелляция* и многих, многих других. Мне уже приходилось приводить конкретный пример разного понимания использованного в статье О. Кафковой и Кв. Кожевниковой в журнальной дискуссии о разговорной речи термина *проявления* и, как выяснилось в разговоре с О. Кафковой, моё и Е. А. Земской понимание этого термина было неверным в равной степени [Сиротина, 2015]. В результате они от него отказались.

К сожалению, лингвистическая терминология – одна из самых неразработанных (см. в той же статье). При разработке терминологических систем других наук решающую роль играет лингвист-терминолог. В языкознании у лингвиста не может быть «взгляда со стороны», невозможна роль третьей стороны. В результате все попытки упорядочивания лингвистической термино-

логии оказываются нерезультативными, хотя этот факт очень вредит развитию науки о языке и речи. Выход только в обязательном указании значений всех употребляемых в исследовании, но необщепринятых терминов, как это сделала в одной из своих статей В. В. Красных [Красных, 2015].

В юриспруденции возможность разного понимания приводит к неработающим законам, отсюда в законодательстве существует практика своеобразных словарных преамбул к закону и издания их популяризаторских сопровождений в виде отдельных брошюр, поскольку незнание закона не освобождает от наказания, но разобраться в юридических текстах из-за массы уточнений и огромного их количества (в РФ за неделю публикуются тысячи новых законов, уточнений к ним и разного рода постановлений) сложно даже юристам. Что уж говорить о рядовых гражданах. Потому во многих городах практикуются так называемые юридические клиники, где студенты юридических вузов дают бесплатные разъяснения, на ГТРК-Саратов раз в неделю проходит «День профессионала», где работники прокуратуры и налоговики отвечают на вопросы радиослушателей. Выпускаются специальные брошюры с более популярным, чем в самих законах, их разъяснением. Например: о пенсионном законодательстве, о налогах на недвижимость и т. д.

В актуальной коммуникации одинакового понимания достичь проще благодаря «ситуативному конвою» и возможности переспроса, но риск неправильного понимания адресатом сказанного адресантом всё же остаётся [Рискогенность, 2015], возникают обиды, и от этого нередко рушатся семьи, а соседи ссорятся.

«Странные» факты коммуникации – это отступления от её норм, в основном из-за недостаточной компетентности в том, что нормативно, и малого объёма активного лексикона. Нередко они становятся узуальными (*одеть*, *достаточно* в ненормативном употреблении; *довлеть* в значении ‘подавлять’, *аккурат*, *чтят*), иногда даже кодифицируются (*схожий* получил в [Морковкин, 2016] помету *разговорное*, ударение на первой слог в глаголе *включить* в [Каленчук, 2012] и т. д.).

Выбор более диффузного слова из синонимического ряда (*прикольно*, *продвинутый*, *схожий*) связан со стремлением к диффузации (*сильно*, *больно*) активно употребляемых слов, поскольку она экономит умственные усилия адресанта.

Противоположная тенденция к точной передаче информации, поиску нестандартного выражения тоже наблюдается: воз-

рождается *довольно*, увеличивается частотность *принципиально*, *категорически*, *кардинально*, появляются и «странные» *дико довольно*, *безумно новые* без коннотации осуждения (см. [Сиротинина, 2015]).

Первая тенденция очень опасна, так как ведёт к обеднению лексикона, уменьшению возможностей русского языка передавать тончайшие оттенки смысла и добавочных к нему коннотаций.

Библиографический список

Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание? // *Вопр. языкознания*. 2015. № 3. С. 4–21.

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов : Изд. центр «Наука», 2015. 404 с.

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса : проблемы выделения и специфики функционирования : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016. 617 с.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. 2-е изд. М. : Наука, 1976. 455 с.

Интернет-коммуникация, 2012 – Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : Флинта ; Наука, 2012. 328 с.

Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия *Человека говорящего* // *Жанры речи*. 2015. № 1 (11). С. 9–14.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2005. 944 с.

Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М. : Словари XXI века, АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // *Вопр. языкознания*. 2015. № 4. С. 7–20.

Рискогенность, 2015 – Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А. Н. Байкулова [и др.] ; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

Сиротинина О. Б. «Волны» изменений // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр.* / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 4–23.

Сиротинина О. Б. Медиалингвистика или медиастилистика? // *Медиалингвистика : междунар. науч. журнал*. 2015. № 2 (8). С. 17–22.

Шведова, 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

М. А. Кормилицына

**СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ
СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ
НАРУШЕНИЯ В НИХ БАЛАНСА СТАНДАРТА И ТВОРЧЕСТВА
(на материале печатных СМИ)**

В статье анализируются факты нарушения одной из важных составляющих коммуникативной компетентности журналиста – баланса стандарта и творчества. Эти нарушения приводят к неинформативности, содержательной неопределённости медиатекстов, что мешает выполнению основных функций СМИ – информативной и воздействующей, увеличивает дистанцию между обществом и властью, делает медиакommunikацию менее эффективной. Подчеркивается зависимость дисбаланса от ряда факторов, в том числе от жанра публикации.

Ключевые слова: медиатекст, стандартизованность, клишированность, новояз, творческое своеобразие, выразительные средства.

М. А. Kormilitsyna

**INFORMATION UNCERTAINTY OF MODERN
MEDIA TEXTS AS A RESULT OF IMBALANCE BETWEEN
STANDARDIZATION AND CREATIVITY
(on the basis of the print media)**

The article analyses the violation of one of the most important components of the journalist's communicative competence such as the balance between standardization and creativity. This violation leads to the information uncertainty and the lack of information content, which hinders the implementation of the basic – informative and persuasive -media functions; increases the distance between society and government, making media communication less effective. The article also emphasizes the dependence of imbalance on several factors, including the genre of the publication.

Key words: media text, standardization, cliché, newspeak, creativity, expressive means.

Одной из важных составляющих коммуникативной компетентности журналиста считается соблюдение баланса стандарта и творчества [Костомаров, 2005]. Соблюдение этого правила делает коммуникацию в СМИ эффективной, способствует выполнению основных функций СМИ – информативной и воздействующей. Однако в современных СМИ довольно часто этот баланс нарушается. В новостных сообщениях, информационных заметках, интервью, особенно с представителями власти, наблюдается про-

цесс обезличивания информации о событиях и фактах, обезличивания оценок. Публикации всё больше напоминают ушедший «канцелярит», новояз советской эпохи с его штампованностью, неопределенностью, обилием неясных высказываний, размытостью смысла. Новояз, как отмечали его исследователи, отличала «высокая степень клишированности, эвфемистичности, нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализованное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса» [Земская, 1996: 31]. Для него было характерно обилие опасных «идеологических фантомов», слов-призраков, за которыми в реальной жизни ничего не стояло [Норман, 1994].

Новостные рубрики современных газет («Сего дня» и «Non-stop» в «Московском комсомольце», «События и мнения» в «Литературной газете», «Экономика», «Политика», «Подробности» и др. в «Российской газете») изобилуют стереотипными клишированными конструкциями. Мы видим в подобных высказываниях столь свойственные официальному языку чиновников формальные неопределенные характеристики предлагаемых «мер»: *В социальном блоке правительства сейчас обсуждается широкий набор возможных мер в этой сфере, оценивается их эффективность с учётом бюджетных возможностей* (РГ, 20.09.2016). Журналистам приходится «переводить» для массового читателя сказанное представителем власти: *«В случае если бы наблюдался дефицит на продовольственную пшеницу 3-го класса, цена бы росла на это зерно и поднялась выше 10,5 тыс. рублей за тонну» – заверили в ведомстве. Переводя с птичьего языка на русский: «мы не знаем: какие у нас запасы муки высокого класса. Просто смотрим на ценник»* (АН, 06.10.2016). Журналистов, тиражирующих подобные высказывания, не останавливает даже тот факт, что, такие фразы затрудняют восприятие информации с первого прочтения, способствуют денотативной размытости передаваемой информации. Они формируют так называемые «неясные высказывания», делают информацию несодержательной, «пустой», плохо понятной, а поэтому и неинтересной читателю. Многие такие конструкции представляют собой устойчивые терминоподобные идеологические или экономические штампы.

Порой сами журналисты сетуют на обилие в новостных материалах о деятельности правительственных структур общих слов и фраз, таких как *смягчение региональной поляризации, сокращение дифференциации по уровню доходов: Если читать не*

только красивые общие слова, но и приведенные в приложении перечни конкретных мероприятий, то сначала создается впечатление какой-то огромной проделанной работы. Но если обращать внимание еще и на указанные там же объемы выделяемых средств, то контрасты уж очень разительны (ЛГ, 2009, № 12–13). «Красивые общие слова» служат порой для сокрытия истинного положения дел и, в конечном счете, для манипуляции читателем. В бесчисленных высказываниях с номинализированными конструкциями исчезает субъект, агенс того, о чем говорится, и все процессы приобретают безличный облик. Чаще всего подобные конструкции привнесены в текст извне, из других идеологических текстов. Об этом писал в своих работах П. Серию. Субъект устранен, и возможны дальнейшие уже чисто идеологические манипуляции с поименованными сущностями [Серию, 1999]. Передаваемая информация становится непонятной массовому адресату, вызывает затруднения при её восприятии. Особенно нежелательны многокомпонентные, громоздкие, «тяжелые» стандартные штампы, состоящие из длинных цепочек конденсированных номинализированных или метонимических конструкций.

Наши наблюдения свидетельствуют о широкой распространенности в современных СМИ подобных клишированных, стандартных конструкций «новояза», усиливающих содержательную расплывчатость медиатекста. Их частое использование при передаче информации является не только показателем недостаточно высокого профессионального уровня речевой культуры журналиста, но и сознательного стремления манипулировать сознанием читателя. С помощью подобных высказываний журналист получает возможность не указывать главное действующее лицо события или по незнанию, или из-за неуверенности в достоверности имеющихся у него сведений о деятеле, или потому, что по каким-то причинам не хочет его называть, или считает просто несущественным при описании события, коммуникативно избыточным. Он представляет деятеля или как обобщенное лицо (власть вообще и люди вокруг нее, власть и ее свита), или как неведомую силу, назвать которую не представляется возможным: *В списке претензий регулятора уже ставшие привычными в таких случаях нарушения банковского и отмывочного законодательства, неадекватная оценка рисков (у Росинтербанка она привела к полной утрате собственных средств), просрочка по обязательствам перед кредиторами (РГ, 20.09.2016).* Общественно-политические процессы подаются как не зависящие от воли человека, помимо-вольные.

Немало в современных газетах и предложений с метонимическими переносами. Это типичная для СМИ, ставшая уже штампом, метонимия преимущественно по модели «предмет → человек»: *Что касается крупных акционеров, то решение о ликвидации энергохолдинга было predetermined, поскольку инициатор реформы электроэнергетики – государство – заранее заявило о положительном решении* (МК, 31.10.2008); *Минфин тут явно напал на золотую жилу, от усиленной разработки которой по собственной воле не откажется ни при каких обстоятельствах* (АН, 06.10.2016). Если человек уходит из сферы как деятель, то автор наделяет «настоящего героя» этой сферы своими качествами. В этом причина типичности подобных переносов в газете. *При существовавшем построении дела денежные средства по дороге к организациям, оказывавшим непосредственные услуги, «усыхали» и не всегда доходили до непосредственных исполнителей. Неудивительно, что у них возникали трудности с выплатой заработной платы и организацией качественной работы. <...> Процедура «расшивки» долгов за предыдущие годы путем оплаты причитающихся денежных средств напрямую субподрядчикам не может идти безболезненно* (МК, 31.10.2013). В этом фрагменте присутствуют безагентивные предложения разных типов, в том числе предложения с номинализированными, метонимическими конструкциями. Интересны в этом отношении приводимые журналистом размышления В. Шукшина по поводу происходящих в стране событий: *И за десять лет до того, как прозвучало с «самого верха» незабываемое: «Что это такое, граждане, мы с вами построили?» Шукшин учуял: Не построили, а произошло. Не мы действуем, а с нами происходит. Не наша это воля, а «что-то», подставляющее нам цели-воли и прочие миражи, и это «что-то» – не над нами и не вне нас, а именно внутри нас... что-то, что с нами «происходит». А что-то ведь и впрямь по-прежнему «происходит» и под родными осинами, и во всем человечестве, изверившемся за XX век в «светлом будущем». Происходит – независимо от того, где, как и почему. Независимо от военных и политических систем и блоков, от деспотий и демократий, от религий и теорий. Беснуются толпы, взрываются пояса, вспыхивают разноцветные революции, гнутся и рвутся границы* (ЛГ, 2009, № 30).

Клишированная речь различных чиновников регулярно тиражируется журналистами на страницах газет. Вероятно, это уже о процессе, который условно можно назвать «бюрократизацией»

языка СМИ. Особенно заметен он в информативных жанрах, для создания которых порой используются почти дословно переданные, не адаптированные для массового читателя пресс-релизы с решениями властных структур. Они изобилуют канцеляризмами, стереотипными конструкциями, формальными неопределенными характеристиками предлагаемых «мер», столь свойственными официальному языку чиновников. Приведём несколько образчиков такой «бюрократизации»: *В кризисные времена локомотивом экономического роста становится промышленность. Именно поэтому задача властей в том, чтобы провести новую индустриализацию, существенно увеличив долю обрабатывающих производств в структуре ВПК. «С этой целью необходимо принять долгосрочную государственную промышленную политику, а также проводить меры законодательного, финансового и организационного обеспечения промышленного роста», – заявила руководитель Совфеда (РГ, 02.03.2015). Вот ещё одно опубликованное в «АиФ» мнение В. Матвиенко: Ситуация в ряде регионов непростая. Положение в этих регионах стабилизируется. Правительство РФ, Совет Федерации, органы власти субъектов продолжают работу над совершенствованием государственной политики. <...> Предлагаются меры стимулирования активности регионов (АиФ, 2016, № 43). Особенно это характерно для региональной прессы: Главной целью месячника стало повышение конкурентоспособности и информированности граждан с инвалидностью, обеспечение их занятости, оказание социальной и психологической поддержки, а также расширение взаимодействия службы занятости населения со структурами, занимающимися проблемами инвалидов (Саратовская областная газета, 21.11.2013). В том же духе построено всё интервью.*

Рассмотренные нами примеры увеличения доли стандартных конструкций в новостных сообщениях и многочисленных интервью с представителями власти демонстрируют сдвиг в сторону стандарта, штампованности, что снижает эффективность подобных медиатекстов. Эти нарушения делают такие тексты не всегда понятными массовому адресату, снижают качество передаваемой информации, а следовательно, и её воздействующий эффект.

Обратный процесс – сдвиг в сторону излишней субъективности, подчеркнутой демонстрации журналистской позиции, эпатажности, иногда неоправданного «украшательства» выразительными средствами – наблюдается в информационно-аналитических,

публицистических текстах, авторских колонках, эссе, основной целью которых является убеждение читателя в справедливости авторской позиции. Это тоже нарушает необходимый баланс стандарта и творчества. «Творческое своеобразие предполагает новизну и оригинальность, неожиданность, небанальность, что может касаться как смысловой, так и стилистической стороны речи» [Хорошая речь, 2007: 245]. Критериями оценки фактов речевого творчества обычно считаются новизна, неожиданность, оригинальность, полезность, целесообразность, выразительность, запоминаемость, легкость для воспроизведения и некоторые другие [Копнина, 2012]. К выразительным средствам обычно относят прецедентные феномены, различные тропы, языковую игру, повторы, а также разнообразные экспрессивные синтаксические конструкции: необычные, непривычные сочетания слов, восклицательные и некоторые типы вопросительных высказываний, вопросно-ответные единства, риторические вопросы, разговорные, парцелированные, прерванные конструкции и др. [Сковородников, 1981; Кормилицына, 2003]. Нужны серьёзные причины, позволяющие журналисту изменять значения слов, их сочетаемость, использовать наращения смысла, трансформировать фразеологизмы. Ситуация конкуренции, в которой находятся СМИ, особенно газеты, очень часто заставляет журналистов искать какие-то броские, необычные языковые средства для выражения своих мыслей, позволяющие им выделиться из круга похожих изданий, любой ценой заставить обратить на себя внимание. Но поиски необычного в условиях беспредельной свободы при недостаточном уровне коммуникативной компетенции приводят порой к ухудшению качества передаваемой информации (к её неопределённости, неточности и даже недостоверности), фамильярности, развязности тона, ёрничанью даже в изложении серьёзных, а порой и трагических событий: *Экс-президент не в шутку занемог* (РГ, 20.09.2016). Так озаглавлено информационное сообщение о госпитализации экс-президента Жака Ширака в «Российской газете». Журналист не учёл или забыл, в каком контексте использована эта фраза в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, и неудачно, не подумав, как представляется, просто ради пустого украшательства использовал её в тревожном сообщении об ухудшении состояния здоровья бывшего президента Франции. Употребление этого прецедентного выражения могло вызвать этическое неприятие, раздражение читателя.

Конечно, выразительность медиатекстов – необходимое условие выполнения ими воздействующей функции. С одной стороны, журналисту важно в процессе передачи информации не только обеспечить ее качество (точность, достоверность, определенность, приемлемость и др.), но и установить контакт с массовым адресатом публикации, привлечь его внимание, заинтересовать (а порой и заинтриговать) обсуждаемой проблемой, убедить в ее значимости. С другой стороны, нельзя при этом забывать, что целесообразность использования разнообразных выразительных (экспрессивных) средств определяется тем, насколько они способствуют решению этих задач и действительно создают «эффект новизны, который помогает привлекать читателей, поражая, удивляя их способами обновления речевых форм» [Дускаева, Карпова, 2009: 244]. Нужно быть очень осторожным, чтобы в погоне за выразительностью не нарушить не только речевые, но и этические и эстетические нормы. Стремление к выразительности не может быть достигнуто ценой разрушения норм вообще, так как это может привести к разрушению традиций и целостности культуры. Желание заинтересовать читателя любыми средствами приводит зачастую к обратному результату – раздражению, недоумению, обманутому ожиданию, что, безусловно, никак не способствует гармонизации отношений между автором и читателем.

В последнее время изменился и сам набор выразительных средств, и их источники, и способы введения в текст. Реже, например, в качестве источника прецедентных феноменов выступают ситуации, отраженные в художественной классической литературе. Это связано прежде всего с культурным кругозором массового читателя. Журналисту приходится быть очень осторожным, отбирая для своего текста такого рода прецедентные феномены, иначе все его усилия пропадут даром. Приведем ещё один пример неудачного, на наш взгляд, использования целой группы прецедентных феноменов в одной из колонок Л. Радзиховского «Странности любви». Вряд ли он будет понятен и оценен по достоинству рядовым читателем: *Красавица-бесприданница Украина сочинила себе образ ЕвроПаратова («я его слепила из того, что было») – и отчаянно влюбилась. <...> А действия, которые мы наблюдаем, – это Гоголь. От «Женитьбы», когда Янукович буквально выпрыгнул в окно накануне подписания «ассоциации с ЕС»; и до самых последних «соглашений» в Москве – когда читаешь комментарии к ним, то невольно вспоминаешь «Игроков»* (РГ, 18.12.2013).

Все чаще появляются широко употребительные в неофициальном межличностном общении прецедентные феномены, источник которых – масс-культура, представляющие собой слова и строчки из известных песен, кинофильмов, телепередач, анекдотов, рекламы. В основном их причиной является создание иллюзии близости позиций автора и читателя, журналист акцентирует мысль о том, что он входит «в общий круг» с читателем. Такую же роль играют и феномены из политического дискурса, политические лозунги, высказывания популярных политических деятелей, еще более «кратковременные», чем приведенные выше.

Выразительные средства журналист чаще всего использует в самых сильных позициях текста и, прежде всего, для заголовка: он пытается сделать заголовок «ловушкой внимания» читателя (термин В. Г. Костомарова), вызвать интерес читателей, желание узнать ответ на заявленную в публикации проблему и тем самым «заставить» его прочитать статью. Вот некоторые примеры заголовков, в которых использованы разнообразные выразительные средства: *И, выходит, без воды – и ни туды, и не сюды*; *Водителям вышибут пробки*; *Путин пощупал финансовое сердце* (МК); *Русский вопрос на фоне Берлинской стены*; *Армия вышла из округов*; *Бомба на проводе*; *Боярышник вне закона* (Изв.); *Ампутация совести* (РГ) и др. Как видим, в заголовках часто используются метафоры и трансформированные прецедентные высказывания. Погоня за «броскостью» заголовка зачастую ведет к эффекту обманутого ожидания или, что еще хуже, к непониманию и, как следствие, к нежеланию знакомиться с так озаглавленным текстом (См. многочисленные примеры неудачных заголовков с эффектом обманутого ожидания в [Уздинская, 2007]). В некоторых газетах, например в «Московском комсомольце», такие заголовки составляют больше 50%. К плачевным результатам приводит погоня за экспрессивностью, «новизной» во что бы то ни стало, «украшательство» при недостаточном уровне коммуникативной компетенции.

Метафоризация – еще один распространенный способ реализации творческого потенциала автора публицистического текста, очень активный в современной газете. Даже новейшие политические метафоры в газетном тексте в основном берутся из старого «метафорического фонда» и просто переориентированы. Их новизна порой достигается трансформацией старых, которая и вызывает новые ассоциации у читателя: *На простое возражение: ну, не полезет и не пролезет русский медведь в датско-*

голландское игольное ушко, следует столь же банальный ответ – а куда же он денется! <...> И попробуй-ка – отбери! Даже коммунисты об этом не заикаются. Западные вирусы встроились прочно в наш организм (РГ, 31.05.2005). Тем не менее изменение реалий вызвало к жизни и целый ряд новых (скорее, наверное, все же обновленных, потому что использован старый источник) метафор, с помощью которых журналист дает социальную оценку общественных явлений и событий. На основе развернутой метафоры он порой строит не только заголовки, но и большие фрагменты публикации, а иногда и весь текст.

Для понимания текста, включающего такие метафоры, читатель должен привлечь фоновые знания, связать их с оцениваемым явлением, приложить определенные интеллектуальные усилия для адекватного понимания замысла автора текста. Иной раз, как признаются и сами журналисты, читатели так и не могут понять смысл сказанного. О таких результатах погони за экспрессивностью журналист обязан никогда не забывать.

Перенасыщенность текста разнообразными тропами может серьёзно ухудшить качество информации, привести к ее неточности и неопределенности, а непонимание из-за незнания рождает раздражение. Такие тексты ухудшают коммуникативное сотрудничество с массовым адресатом, к которому всегда стремится современный журналист, а иногда просто затемняют содержание: текст становится непонятным адресату, вызывает его недоумение, недовольство. Так же обстоит дело и с использованием некоторых трансформированных прецедентных высказываний, которые могут восприниматься как стремление журналиста к «новизне» во что бы то ни стало.

Ещё совсем недавно некоторыми авторами широко использовался такой сильный прием экспрессивизации, как включение в текст парцеллированных конструкций (сейчас это явление встречается гораздо реже). С их помощью можно акцентировать внимание адресата на характере логических отношений между именуемыми ситуациями, уточнить, прокомментировать наиболее важные детали сообщаемой информации, дать оценку каких-либо фактов. К сожалению, чувство меры порой мешает некоторым авторам, которые не очень умело, на наш взгляд, пользуются парцелляцией для создания собственного стиля. Неумеренное употребление парцеллированных конструкций, когда парцелляции подвергаются фактически любые отрезки предложения, значительно снижает качество публикаций. Эти конструкции воспринимаются

в таком случае как аномальные, грамматически неправильные, а текст, перенасыщенный подобными конструкциями, утомляет, а иногда просто раздражает: *Нашли лазейки. Оставленные то ли по недомыслию. То ли сознательно. Нашими депутатами. Каковые, замечу, проявляют редкое единоедушие* (Изв., 15.12.2010). Вместо того чтобы облегчить восприятие адресатом информации, такая парцелляция затрудняет его, а неоправданно широкое, часто неуместное использование этого выразительного средства воспринимается просто как оригинальничание автора.

Стремлением к «оживлению» текста, его экспрессивизации можно объяснить большое количество в публикациях самых разнообразных разговорных выражений, характерных прежде всего для дружеской неофициальной беседы: *Конечно, было бы классно потусоваться с Шубертом или Моцартом. Но у нас есть выбор только из живых, а среди них – очень разные люди* (МК, 06.08.2016); *Где-то в интернете что-то нарыл, сослался на источник – и гори оно все огнем, с меня взятки гладки* (Изв., 15.12.2010). Конечно, эти средства привлекают читателя своей эмоциональностью, но перенасыщение текста просторечными словами, жаргонизмами, как мы это видим в приведённых примерах, снижают качество медиатекстов и мешают СМИ выполнять их просветительскую функцию – позитивно влиять на речевую культуру общества.

Выразительность текста усиливают эмотивные вопросительные предложения и риторические вопросы. Обращенные к читателю, призывающие его к совместному решению проблем общества, они становятся ярким экспрессивным убеждающим средством, позволяют автору не просто оценить факты и мнения, но и привлечь на свою сторону читателя, апеллируя к его мнению: *Существует вера. Христианская вера, которая очень многих спасает и удерживает. Какой тебе ещё идеал нужен, если ты всерьёз этим вопросом озабочен?! Да и классику никто ещё не отнимал – ищи идеалы там!* (АиФ, 2016, № 32). Порой авторы используют прием нанизывания вопросов: задается целый ряд вопросов, близких к риторическим, предполагающих однозначный ответ, который не всегда вербализуется. Этим эффективным средством усиления экспрессии текста охотно пользуются журналисты: *Разве наша экономика, государственное управление и гражданское общество не топчутся на месте последние 6-7-10 лет? И разве наши политики, министры, депутаты при каждом обострении экономической, социальной и международной ситуа-*

ции не пытаются вместо реальных реформ подбросить нам «уточненные» светлые планы на будущее? (АиФ, 2016, № 26). Обилие различных типов вопросительных предложений в публикациях отдельных журналистов делает узнаваемыми их тексты, создаёт их идиостиль. Например, особенно часто вопросительные предложения для выражения эмоциональной оценки использует в своих колонках в газете «АиФ» В. Костиков (см. об этом подробнее в [Кормилицына, Сиротина, 2014]).

Конечно, выразительные средства усиливают воздействующую силу медиатекста, но только в том случае, если используются для улучшения передачи и понимания сообщаемой информации. Иначе они могут не только снизить воздействующую силу текста, но и привести к коммуникативным рискам неполного, неточного понимания содержания журналистской статьи. А это значительно снижает эффективность коммуникации с массовым адресатом.

Наши наблюдения над фактами нарушения баланса стандарта и творчества в журналистских текстах свидетельствуют о том, что следствием подобных нарушений может стать содержательная неопределённость, неинформативность медиатекстов. Негативным следствием этого может быть нежелание читать и тем более выписывать газеты с такими публикациями. Печатные СМИ из-за этого теряют своих читателей.

Библиографический список

Дускаева Л. Р., Карпова Т. Б. Речевой эпатаж современных российских СМИ : функциональное и дисфункциональное // Этика речевого поведения журналиста. СПб. : Астерион, 2009. С. 243–267.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопр. языкознания. 1996. № 3. С. 23–32.

Копнина Г. А. Риторические приёмы современного русского литературного языка : опыт системного описания. М. : Флинта ; Наука, 2009. 576 с.

Кормилицына М. А. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной прессе // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 56–64.

Кормилицына М. А., Сиротина О. Б. Идиостиль журналиста. Статья первая // Медиалингвистика : междунар. науч. журнал. 2014. № 2 (5). С. 40–48.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии : Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.

Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура : сб. докладов. Киев, 1994. С. 53–60.

Серво П. Русский язык и анализ советского политического дискурса : анализ номинализаций // Квадратура смысла : Французская школа дискурса. М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 337–383.

Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 254 с.

Уздинская Е. В. Неудачные заголовки в современных печатных изданиях // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 86–105.

Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

УДК 811.161.1'271

Л. А. Шестак

КОММУНИКАТИВНЫЕ АКЦЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В статье анализируются основные тенденции развития современного русского языка, в том числе тенденция к логизации речи и к дистинктности (точности). Рассматриваются новые способы выделения топика и ремы высказывания: вертикальная сегментация и вертикальная парцелляция.

Ключевые слова: системность, закон традиции, аналогии, экономии усилий, аналитизм, предикативная осложненность, точность (дистинктность), логизация, демократизация, идиоматизация, слияние, горизонтальная сегментация топика и парцелляция ремы, вертикальная сегментация топика и парцелляция ремы.

L. A. Shestak

COMMUNICATIVE ACCENTS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article analyses main tendencies of development of modern Russian language, including the tendency to logication and distinctness (precision). Considers new ways to select a topic and rheme of the utterance: vertical segmentation and vertical parcelling.

Key words: consistency, tradition, analogy, effort-saving, analytism, predicative alonenot, accuracy (distinctness), logication, democratization, idiomaticity, merging, horizontal segmentation and parcelling, vertical segmentation and parcelling.

Тенденции развития языка имеют сложный, нелинейный характер. В каждый конкретный исторический период в языке действует комплекс тенденций внешнего и внутреннего характера, инновационного и охранительного плана, обусловленных структурой языка или условиями его функционирования [Журавлев, 2004; Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 159–160].

Факторами влияния на современный русский язык являются: переидеологизация и формирование новых ценностей (семантика); аналитизм, многократно усиленный воздействием международного английского языка (структура); тенденция к экономии речевых усилий (структура); потребность в информационном акцентировании (структура и семантика); тенденция к дистинктности (семантика и структура); синтаксическое слияние средств связи, субъектных сфер текста как отражение установки постмодернистского мышления «мир есть хаос» (структура); распространение разговорных конструкций (функционально-стилевой аспект). Действие многих факторов динамики русского языка (информационные войны, речевая и стилевая раскованность Интернета) усиливает ещё и проблемность современного текста, требующую выделения предмета речи и резюме.

Тенденциями развития современного русского языка являются системность; закон традиции, аналогии, экономии усилий; аналитизм, точность (дистинктность); логизация; демократизация; идиоматизация и слияние [Акимова, 1990; Валгина, 2003; Покровская, 2001; Русский язык конца XX столетия, 1996]. Эти разнонаправленные тенденции отражают разные стороны речевого акта: адресанта (системность языка, традиция, аналогия, логизация, идиоматизация), языкового материала (системность), адресата (точность, логизация), ситуации общения (демократизация), стилевые особенности времени – в терминах В. Г. Костомарова «языковой вкус эпохи» (демократизация, слияние).

Системность проявляется в формировании новой парадигматики (появления у лексемы новых ЛСВ) в силу изменения сочетаемости. Так, слово *радикальный* ‘1. Решительный, коренной, наиболее действенный; 2. Придерживающийся крайних, решительных взглядов’ [Большой толковый словарь, 2000: 1056] в современной речи стал употребляться и в значении ‘острый’: *Тмин придает этому соусу радикальный характер* (TV, 16.03.2012, канал НТВ).

Тенденция к сохранению *традиционного* написания, произношения и употребления, обеспечивающая непрерывность прогресса, сохраняет старую форму при измененном содержании

(*корабль* в средние века и в XXI в.), способствует деэтимологизации лексем (*бесталанный, шаромыжник*) и фразем (*лясы точить, шерочка с машерочкой*) – превращению фразеологических единств в сращения. Традиция охраняет словарные написания (*собака, капуста*), архаические формы в написании компонентов ФЕ (*ничтоже сумняшеся, притча во языцех, ищите и обрящите*), с целью фиксации приоритета в открытиях и типологиях сохраняет некоторые первоначальные термины: «морфологический принцип русской орфографии», «морфологический способ словообразования» (В. В. Виноградов), «ближайшее и дальнейшее значение слова» (А. Потебня), хотя современными терминологически наименованиями являются «морфемный способ словообразования», «морфофонематический (морфематический) принцип русской орфографии», «значение и понятие слова».

Аналогия, являющаяся формой проявления тенденции к экономии, способствует выравниванию акцентологической и морфологической нормы. Так, в рамках общей тенденции XX века в языках с нефиксированным ударением к переносу ударений на корневую часть [Зиндер, 1979] ударение в глаголах на *-ить* перемещается к началу слова: *Он вАрит кофе на кухне; Сейчас он вкЛючит свет*. И хотя норма требует ударного окончания (*Земля манит – рядом «Магнит»*, реклама продажи земельного участка), практика устной речи свидетельствует об активности процесса перехода (*Вам подарок сразу врУчат; А может быть вручАт...* – мультфильм «Пластилиновая ворона»). Выравниванием по аналогии являются также морфологические формы по продуктивным моделям: *Помахай дяде ручкой!*; *Над нами не капает*; *Кошка мяукает*.

Ведущая среди внутренних факторов развития языка тенденция к **экономии** усилий проявляется на всех уровнях. В словообразовании – это универбы и превербы, нулевая аффиксация и усечение (*безличный расчет* → *безналичка, безнал, оптовая продажа* → *опт*; *кинобалет, телебалет, видеобалет*; *рассыл, прикид, наив, интим, неформал, негабарит, конструктив, криминал; алик, опер, азер, калаш, фан, мерс*). В лексике это обобщающие номинации (*адаптогены* – ‘вещества, ускоряющие и облегчающие приспособление организма к условиям окружающей среды’; *силовики* – ‘представители армии, МВД и спецслужб’). В морфологии это нарушающее норму вытеснение материального окончания нулевым (*пять килограмм апельсин, сто гектар пашни*), в синтаксисе это аналитизм: *Помощь от «Пенталгин»: сни-*

мает боль и спазм (TV, 23.10.2016, первый канал), компрессия: «Землю – крестьянам, деньги – водителю» (надпись в маршрутке) и редукция: *Летим мы туда, где посреди тайги возникает новое русское чудо – космодром «Восточный»!* Он – чудо потому, что возводится он решительно, стремительно и **вопреки** (Завтра, № 26, июль 2015: 3).

Аналитизм, охватывающий «словоизменительные» уровни – морфологию и синтаксис, является формой проявления тенденции к экономии. В морфологии он вызывает увеличение числа несклоняемых лексем – сотен существительных и десятков прилагательных: *У современного молодого человека есть весь набор для практически неограниченного **реал-тайм** общение со всем современным миром* (Завтра, № 23, июнь 2015: 2); *Ваша одежда становится сегодня явным хитом **streetstyle-образов**. Что вы скажете людям, которые утверждают, что **streetstyle-культура** зашла слишком далеко?* (Metro, 17 марта 2–24: 11), рост именных вербализаторов категории состояния: *Не **факт**, что это получится* (Уст. речь), вытеснение косвенных падежей прямыми: *Покупайте в «**Магнит**»* (19.10.2016, TV, Россия 1); *В этом и заключается сила «**Доместос**»* (TV, 03.09.2009, первый канал). В синтаксисе аналитизм проявляется как лексикализация синтаксических единиц: *Это не про мировую экспансию, не про подрыв устоев и не про **детижесмотрят*** (Завтра, № 27, июль 2015: 2) и бессоюзное присоединение в форме номинатива: *После Италии президент Медведев едет в Испанию – **традиционно близкая нам страна*** (TV, 11.03.09, Россия 1).

Противоречивым явлением, объединяющим структурную экономию с точностью выражения смысла, является **предикативная осложненность** [Валгина, 2003]: *Для чиновников это путинское повышение – не деньги, а непонятно с чего сдача* (Ведомости, 09.10.2003: 7); *«Зенит» не гоняет мяч в темпе «**торопыжка был голодный – проглотил утюг холодный**»* (TV, 07.11.2016, «Матч»); *Мне страшно надоела жизнь в режиме «**Рота, подъем!**»* (Уст. речь).

Набирает силу идущая со времен А. С. Пушкина тенденция к демократизации. В лексике это использование разговорных и просторечных элементов: *Таких карпов в России не водится, а вот на Таиланд – попадаются. В 2013 году в районе Краби на юге страны его **словили** два британца. Весил этот сиамский карп 61 кг, из воды его тащили 25 минут* (РГ-неделя, № 183, 14–20 августа 2014: 28); *Мы с Владимиром Яковлевичем **забили** стрелку*

еще в начале недели (22.10.2016, Радио FM); Одно дело **тайком** размещать на Западе активы, создавать паутину совзагранбанков в обмен на уступки хозяевам Запада и отказ от прорывных технологий или даже сдачу их врагу с опаской, что **возьмут за задницу**, и совсем другое – легализоваться в прямом и переносном смысле (Завтра, № 26, июль 2015: 3); Смотрите, я взял билет спортлото за 5 юаней, а выиграл 20 юаней. А ну, подождите меня, пожалуйста, 2 часа: кажется, **поперло** (TV, 12.11.2016, первый канал). В синтаксисе это использование неморфологизованных членов предложения: *Ни хлеба у вас, ни мяса, не говоря уж про выпить* (Куранты, 04.01.1993), неоднородного сочинения: *Он любил и бывал в России* (о М. Дрюоне. – Л. Ш.) (TV, 19.04.2009, Россия 1) и синтаксических конструкций разговорной речи: *Такие пласты полностью, ну абсолютно лишены нефти* (Изв., 13.03.1993).

Формой проявления экономии усилий является и тенденция к **идиоматизации**, обеспечивающая емкой формой также и мощный воздействующий эффект. В лексике это распространение метафор и фразеологизмов: *И есть такие собаки: ничего не могут есть, кроме специальной еды, которая стоит как чугунный мост ручной работы Церетели* (15.10.2016, Радио FM); *Поведение европейских лидеров после избрания Трампа президентом Соединенных Штатов напоминает растерянность крестьян после отмены крепостного права* (TV, 09.11.2016, Россия 1); *К началу десятых годов финансовый пузырь Америки уже никого не мог обмануть. Все. Бобик сдох* (05.11.2016, Радио FM); в синтаксисе – использование в качестве членов предложения междометий: *Герои их ковали молотом, курили в небо, взламывали замки и пароли... Иногда нелепо погибали – А то; нельзя же каждый сценарий заканчивать стоящим враспор на своей земле хозяином – компаньоном заморских купцов да собирателем русских земель* (Рус. жизнь, № 2–3, февраль 2009: 112).

Сформированную под влиянием стиля постмодерн [Покровская, 2001: 352–363] тенденцию к **слиянию** также можно рассматривать в рамках экономии. В лексике это упомянутая лексикализация словосочетаний и предложений: *И – «Владимирский централ» громко-громко, с выстраданным надрывом. Под водочку да со слезой. Как-любит-народ* (Завтра, № 24, июнь 2015: 5); в синтаксисе – гибридизация типов синтаксических единиц – членов предложения (например, однородных сказуемых и сказуемого с обстоятельством цели: *Утром он проснулся в обычное время*

и пошел поставил чайник на огонь – Ю. Крелин), простых и сложных предложений («Дед» со «старухой» читали – прослезилась – Г. Владимов), типов сложных предложений (*Судя по всему, она ездит сюда чуть не каждый день, вот и велосипед купила специально для этого. Хотела мотороллер, побоялась – ограбят...* – А. Битов).

Однако смысл языкового акта заключается в точности понимания смысла адресатом, чему служат тенденции к логизации высказывания и к семантической точности речи. Коммуникативные акценты русской речи (актуальное членение, выделение топика высказывания и его ремы) особенно актуальны в журналистике как сфере целенаправленного воздействия на массовую аудиторию, ее убеждения и переубеждения с позиции государства, большой социальной группы, самого СМИ.

Тенденции к **точности**, дистинктности, и к **логизации** в современной русской речи проявляется на уровне фонетики (прежде всего – суперсегментных единиц), лексики и синтаксиса.

В лексике тенденция к точности выражается в появлении терминов и сложных, аспектно-характеризующих, номинаций (*бизнес-клуб, бизнес-план, бизнес-школа, бизнес-центр; имидж-центр, шейпинг-центр; арт-менеджер, топ-менеджер*).

В синтаксисе дистинктность – это семантическое согласование: «Просто вещи» **точно знает**, как сделать брускетту по-настоящему вкусной (Аэрофлот, октябрь 2013: 16); *Вы видите мое фэйс? Оно грустное* (TV, 12.11.2016, первый канал); *Модный «Таун»: нейтральная элегантность* (Oriflame, № 13, 2–13: 24).

Проявлением точности является тенденция к **логизации** – акцентированию топика и ремы высказывания. Теория актуального членения коммуникативной единицы разрабатывается давно, с 60-х гг. XX века [Адамец, 1974; Золотова, 1988; Ковтунова, 1976; Крылова, 2009; Матезиус, 1967; Тестелец, 1980; Firbas, 1974 и др.] и предлагает целую палитру средств выделения топика и ремы – тема- и рема-индикаторов: инверсия, парцелляция, эмфатические лексико-грамматические средства, логическое ударение, интонация, повтор, параллелизм и проч. Функционирование современных российских СМИ, федеральных и региональных, тем не менее демонстрирует появление в этом списке ряда новых фонетических и синтаксических возможностей.

В фонетике это использование ИК-3, восходящего интонирования лексем, долготы гласных и межсловной паузации как тема- и рема-индикаторов. ИК-3 использу-

ется как выделение топика дополнительно к синтаксическому выделению специальной конструкцией (*Что касается / детЕй... , то они прекрасно отдохнут в \дерЕвне*) и как выделение ремы в финальной позиции вместо ИК-1: *Украина эти договоренности / не подписала!* (TV, 11.08.2016, Россия 1).

Восходяще-нисходящее интонирование лексемы используется как тема-индикатор дополнительно к лексическому средству повтора с паузацией и синтаксическому средству дублирования темы: *По интенсивности / движения ... по интенсивности \ движения ... такое перемещение станет сопоставимым с железнодорожным* (TV, 09.11.2013, Россия 1); */Ольга ... \Ольга ... она вообще у государства квартиру отсудила!* (Уст. речь). Это же средство восходяще-нисходящего интонирования лексемы используется как рема-индикатор в шоу-бизнесе (*Алла Пугачева!*) и в рекламе (*К школе готовы? Родители!*) (TV, 28.09.2015, Россия 1).

Долгота гласных используется как рема-индикатор: *Первое место на этом смотре получило хозяйство «ЗарЕ-Еченское»* (Радио Волгограда). Эту же функцию выполняет межсловная паузация: *Такое ... положение ... дел ... больше ... немыслимо...*

В речи региональных СМИ, в частности волгоградского региона, наблюдается также отсутствие в «рематизируемой» лексеме заударной редукции и, тем самым, некоторое удлинение заударного гласного: *Дожди затронут весь регион Волгоград[а:]* (TV «Волгоград 24», 01.10.2016).

Новым явлением русского синтаксиса являются не только **горизонтальная сегментация** топика и **парцелляция** ремы: *Подытожим. Разрегулирование и дисбаланс экономик западных держав приближает развал НАТО* (Завтра, № 35, август 2009: 5); *Впечатление, что это какой-то свой замкнутый круг, внутри которого рождаются, вырастают, женятся...* **Каста** (НГ, № 106, 23.09.2013: 14), но и **вертикальная сегментация** и **вертикальная парцелляция** (термины наши. – Л. Ш.) включая парцелляцию служебных элементов: союзов, вводных слов, междометий. Вертикальная сегментация:

Подискутируем.

Мой главный упрек медведевской мечте – полное отсутствие в ней того, что любую мечту и слагает: высшей цели, которая превосходила бы приземленную, обывательскую человеческую жизнь (Завтра, № 5, 2010: 3);

Впрочем.

Никаких оргвыводов в отношении дебатов не последовало.
(Профиль, № 29, 2008: 27);

Вертикальная парцелляция:

С Высоцким-то все уже в порядке – он сделал, что мог, и ушел духом к народу.

А кого вы убиваете сегодня?

*Кого замалчиваете, кого преследуете, кого презираете и ненавидите? **Еще живого, не прославленного?***

Кто сегодня ищет петлю, кто сегодня «бредит бритвою»?

Кого вы хотите умертвить, чтоб потом выпускать о нем книги, снимать о нем фильмы и лить крокодиловы слезы?

А? (АН, № 48 (289), 8 декабря 2011: 27);

Бодлер неоднократно повторяет: я думаю о тех-то и о тех-то.

*Но «думать» не синоним сострадания и сочувствия. Можно ли упрекнуть его в отсутствии гуманизма? **Но.***

Во-первых, стихотворение написано в духе легенды об Андромахе – ни один историк не скажет, правдива она или нет.
(Завтра, № 42, октябрь 2009: 7).

Как видим, информационный поток и условия общения формируют в современном русском языке средства акцентуации топика и ремы высказывания как традиционными, так и некоторыми новыми способами.

Библиографический список

Адамец П. Актуальное членение, глубинные структуры и перифразы // Papers on functional sentence perspectives / ed. by F. Daneš. Prague : Academia. 1974. P. 106–128.

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М. : Высш. шк., 1990. 168 с.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Логос, 2003. 304 с.

Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М. : Едиториал, 2004. 336 с.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 1979. 312 с.

Золотова Г. А. О коммуникативной значимости синтаксических единиц // Языковая системность при коммуникативном обучении. М. : Рус. яз., 1988. С. 5–16.

Ковтунова И. И. Современный русский язык : Порядок слов и актуальное членение предложения. М. : Просвещение, 1976. 240 с.

Крылова О. Ю. Коммуникативный синтаксис русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Книжный дом «Либроком», 2009. 176 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 683 с.

Матезиус В. Основная функция порядка слов в чешском языке // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. М. : Прогресс, 1967. С. 246–265.

Покровская Е. А. Русский синтаксис в XX веке : Лингвокультурологический анализ. Ростов н/Д. : Ростовский гос. ун-т, 2001. 482 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Языки русской культуры, 1996. 477 с.

Тестелец Я. Г. Об одном способе разграничения «данного» и «нового» // Формальное описание структуры естественного языка : сб. науч. тр. / АН СССР, Сиб. отд-ние, ВЦ / под ред. А. С. Нариньяни. Новосибирск, 1980. С. 23–37.

Firbas J. Some aspects of the czechoslovak approach to problems of functional sentence perspective // Papers on functional perspective / ed. by F. Daneš. Prague : Academia. 1974. P. 11–37.

УДК 811.161.1'271.16

Т. А. Милёхина

ТЕНДЕНЦИИ ОГРУБЛЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕЧИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ

В статье анализируется сниженная лексика, звучащая в выступлениях участников телевизионных ток-шоу. Выявляются наиболее частотные группы грубой лексики, среди которых разговорные, просторечные, жаргонные слова и выражения. Устанавливается, что тенденцией огрубления телевизионной речи последнего времени является использование обценезмов, лексики телесного низа, слов, называющих интимные отношения людей, в передачах общественно-политической тематики.

Ключевые слова: культура речи; телевизионная речь, инвективы, обценезмы, лексика телесного низа.

T. A. Milekhina

USE OF COARSE LANGUAGE IN SOCIO-POLITICAL TV TALK SHOWS AS A TENDENCY

The article analyzes the reduced vocabulary, sounding in the participants of TV talk shows. Identify the most frequent group of rough vocabulary, among them conversational, colloquial, slang words and expressions. It is determined that the tendency of coarsening of the televised speech of recent times is the use of obscenisms vocabulary of bodily effort, the words naming the intimate relationship of people in the programs of public-political subjects.

Key words: culture of speech, television speech, invective, obscenism, vocabulary of bodily effort.

Одним из негативных следствий двух десятилетий «свободы» русской речи, по мнению О. Б. Сиротининой, стало её огрубление и стилистическое снижение [Сиротинина, 2013а: 31]. Немалую роль в этом процессе сыграли СМИ, и прежде всего электронные СМИ, поскольку именно «в результате ориентации на речь с телеэкрана население перестало стесняться грубости речи» [Сиротинина, 2013а: 87].

Задача данной статьи – на примере анализа телевизионной речи участников общественно-политических ток-шоу показать развитие тенденции огрубления речи на лексическом уровне. Разумеется, огрубление телевизионной речи обнаруживается как комплексное явление и проявляется в целом ряде других параметров коммуникации, среди которых различные стратегии и тактики коммуникативного поведения, фонетические и интонационные средства языка, риторические приёмы и многое другое. Безусловно и то, что грубая, сниженная лексика выполняет в речи участников ток-шоу различные функции. Однако в данной работе хотелось представить в первую очередь массив, объём лексических средств, которые, что называется, «режут слух», воспринимаются именно как инородные, иностилевые в политической дискуссии, нарушающие традиционные, привычные представления о таком типе дискурса.

В качестве материала для анализа были использованы записи 25 общественно-политических ток-шоу, вышедших в эфир в 2016 году: «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» (далее Вв.), «Вечер с Владимиром Соловьёвым» (В.), «Поединок» (П.) канала «Россия 1», «Право голоса» (Пг.), «Право знать» (Пз.) канала ТВЦ, «Большинство» (Б.) канала НТВ.

Общественно-политические шоу, дискуссионные телепередачи на актуальные темы стали в последнее время яркой приметой различных телевизионных программ. Практически каждый телевизионный канал стремится организовать такую передачу. Наблюдения за речью людей, выступающих в студии, дают представление об уровне речевой культуры, распространённой в современном российском обществе. Поскольку гостями эфира, за редким исключением, являются не только высокообразованные, но и высокопоставленные представители российского общества, правомерно предположить, что транслируемый ими уровень речевой культуры должен быть высоким, как минимум, неполнофункциональным [Сиротинина, 2009]. Однако анализ речи участников общественно-политических ток-шоу показывает иную кар-

тину. Видимо, формат живой дискуссии, столкновение мнений, разница политических позиций, сильные, не сдерживаемые эмоции обуславливают включение в речь гостей эфира самой разнообразной в стилистическом отношении лексики, в том числе, и лексики, находящейся за пределами литературного языка – диалектной, просторечной, жаргонной, даже обсценной.

Рассмотрим вначале традиционно используемые лексические средства, которые служат для выражения высокого эмоционального напряжения говорящих. К ним относятся разговорная, просторечная, жаргонная лексика.

Разговорная и просторечная фразеология традиционно является источником экспрессии в телевизионных ток-шоу. Например в речи Е. Сатановского: *Что по этому поводу скажет Европа / Соединённые Штаты / что выскажет Евросоюз / или Вашингтон / **чёрт с ними** / абсолютно неважно / потому что делать они всё равно ничего не будут* (Вв., 10.07.2016); *Ну надо меньше врать начальству по поводу того / что мы уже сделали / а там ещё **конь не валялся** // Ну ишаков этих карабахских надо гнать / с тех направлений / на которых коней не меняют / ослов-то можно менять* (Вв., 04.10.2016); *Сколько можно говорить **чушь-то собачью**?* (Вв., 04.10.2016); *Ну улыбнись ему / и пусть **дурью мается**?* (Пз., 30.01.2016); *На каждый вопрос есть адекватный ответ // А то / видите ли / уменьшит наши деньги вложенные в американские ценные бумаги / которые **медным тазом кроются** в ту секунду / как холодная война проявится со следующим заявлением кого-нибудь из госдепа / это нельзя / это прямо вот табу* (Вв., 04.10.2016).

В речи С. Михеева: *Страна стала **разваливаться в пух и прах** / экономика полетела к **чертям собачьим*** (П., 27.10.2016); *Он прям **из штанов выпрыгивает** / не может дослушать* (П., 27.10.2016).

Степень эмоционального накала участников дискуссии в студии отражает и просторечная лексика: *бредня, переться, лезть, размазать, талдычить, заткнуться, тралялякать*. Например в речи С. Караганова: *Ну как можно было **впираться в Ирак**? Как можно было Европе тоже **лезть в Ливию**? Это ж было просто самоубийство* (Пз., 08.10.2016); в речи А. Проханова: *Мы слушали эту федеральную **бредню** все эти годы* (Вв., 21.08.2016); в речи С. Михеева: *Майкл / если ты хочешь / чтоб мы перешли на этот сленг / я тебя просто **размажу** здесь / легче будет закрасить / чем оттереть* (П., 27.10.2016); *Заткнись / я*

без тебя знаю / что скажет дед Пахом / он спрашивает меня / а не тебя (П., 27.10.2016); в речи С. Маркова: *Почему эти кандидаты в президенты / если безразлична им Россия / почему они **талдычат** Россия / Россия / Россия?* (Пг., 28.10.2016); в речи М. Калашникова: *Они принимали решения / а мы **тралялякали*** (Пг., 10.10.2016).

В телевизионной речи, звучащей в передачах, широко используется жаргонная лексика, прежде всего единицы так называемого общего жаргона [Розина, 2005]: *засада, откат, накат, шестёрка, заскирдовать, расклад, фигакнуть, слив, расклад, прокатить*. Например, М. Арбатова: *Пока либералы были у власти / Милонов был **шестёркой** у Галины Васильевны Старовойтовой и у Пономарёва* (П., 29.09.2016); Э. Балаян: *Франция подаёт иск в международный суд // Новая Зеландия / на секундочку / готовит резолюцию по Сирии // И всё это вокруг / собственно / Алеппо // Объясните мне / что за **накат** и в чём / собственно / дело?* (Пз., 17.10.2016); Д. Потапенко: *У меня один-единственный дурацкий вопрос / председатель правительства говорит: государство / **засада!** Кому это он говорит? Сам себе!* (Пз., 16.10.2016); Е. Сатановский: *Пора менять эту элиту с большими кавычками / если она только на то / чтобы взять / **заскирдовать** / честно украсть / вынести и спрятать там*; Б. Надеждин: *Что мы выиграли / войдя в Сирию / что мы получили / плюс какой / кроме удовлетворения / что мы **умыли Америку?*** (Вв., 04.10.2016); Д. Куликов: *Аваков **фигакнул** в него стаканом / Аваков в него стаканом бросил* (Вв., 21.02.2016); С. Михеев: *В 90-е годы мы увидели развал государства и полный стопроцентный его **слив*** (П., 27.10.2016).

Писательница и общественная деятель Мария Арбатова использовала даже грубое жаргонное слово *шобла*, называя так оппонента и его единомышленников: *Рыдания господина Милонова и всей его **шоблы** связаны с тем / что им кажется / что аборт делают за их собственные деньги* (П., 29.09.2016); *Сегодня вся эта **шобла** пытается украсть у женщин все эти налоги / а потом убить их; Надо ввести половое просвещение в школах / которое нам мешает ввести вот эта **шобла**; У людей (жителей Европы) очень серьёзная мотивация / а не примитивные кричалки / как у этой **шоблы*** (П., 29.09.2016).

К сожалению, яркой чертой современных общественно-политических передач стало использование слов, получивших

терминологическое наименование «инвектива». Об этом говорят и сами участники ток-шоу, например, Н. Бурляев, обращаясь к Г. Амнуэлю, который пытается ему возразить: *Пожалуйста / давайте будем общаться интеллигентно / это не политическая программа / здесь все люди творческие* (В., 02.11.2016). Инвектива – это сознательное оскорбление, выраженное различными языковыми средствами, нарушающее ценности другого человека и имеющее мотив намеренно его оскорбить или унижить [Семёнова, 2010].

Инвективы, как правило, используются выступающими для характеристики оппонента в том случае, если содержательная аргументация не достигает цели. В материале были зафиксированы прямые оскорбления: *идиот, дебил, урод, мерзавец, нелюдь*. Инвектива может иметь конкретного адресата, как например, И. Райхельгауз: *Вы мерзавец / щас подойду и дам в рожу* (Вв., 21.02.2016); М. Веллер: *Пока в свой адрес не получит / не успокоится / урод* (Пг., 16.05.2016); А. Проханов: *А вы не похожи на женщину / вы нелюдь* (Вв., 21.08.2016). В других случаях оскорбительное слово оскорбляет не напрямую, но опосредованно, называя группу людей. Например, Б. Надеждин. *Это вы на хакеров намекаете?* – Е. Сатановский: *Я намекаю на умных людей / на идиотов не намекаю / Борь* (В., 04.10.2016); Гришин: *Скажите пожалуйста / когда вот такая откровенная пурга несётся от официальных высокопоставленных лиц / кого считают дебилами / нас или своё население?* (Б., 08.04.2016).

Разумеется, диапазон языковых средств, выступающих в качестве инвективы, не исчерпывается сниженными, грубыми лексическими единицами. В анализируемом материале оскорбление и унижение собеседника осуществляется и средствами литературного языка. В качестве примера можно привести выступление уже упоминавшейся М. Арбатовой в одной из передач. Инвективами в её речи становятся, например, такие индивидуальные синонимы к глаголам *говорить, высказывать, считать*, как *рыдать, взывать*: *Когда вы начинаете **взывать** о том / что кто-то убивает человека / нет / государство не считает / что это человек; **Рыдания** господина Милонова и всей его шоблы связаны с тем / что им кажется / что аборт делают за их собственные деньги* (П., 29.09.2016). Своего оппонента, молодую женщину, мать четверых детей, М. Арбатова иронично именует *юное существо / нарожавшее четверых детей*: *Мы сейчас говорим о чём / О том / что вот это милое / юное **существо** / нарожавшее чет-*

*верых детей / и дай бог ей здоровья и генеральский чин / если она справится и с тем и с другим / хочет учить женщин / как им распорядиться собственной биографией; Девушка **выдрала эту цитату** из моего очень старого рассказа (П., 29.09.2016).*

Подчёркивая возраст оппонента, М. Арбатова продолжает развивать метафору юное существо, используя обращение *зайка моя*. Намеренно заменяет слово *секта* словом *текста*, пародируя детскую речь, намеренно упоминает слова *сказки, книжки*, характеризуя собеседницу как неопытного молодого человека: *Государство не считает / что это человек / **зайка моя** / не считает / потому что это не человек / и для того / чтобы знать / человек это или нет / надо прочесть некоторое количество **книжек** / а не только радоваться тому / что вы ... – В. Соловьёв: *Марь Иванна / а вы хотите **унизить** эту даму / намекая на то / что эта дама не читала книжек?* – М. Арбатова: *Дама явно из **тексты** / я понимаю / что она читала те же книжки / что и Милонов (П., 29.09.2016).* Ведущий программы В. Соловьёв уже в своём вопросе прямо называет такие речевые действия унижением, а в следующей фразе переводит на фактическое содержание всё то, что писательница и общественный деятель М. Арбатова сказала о журналистке и маме четверых детей Н. Москвитиной. В. Соловьёв: *Марь Иванна / то есть я не понимаю / вы считаете / что если у дамы четверо детей / то позволительно изначально считать / что она **тупое / неграмотное животное из шоблы** / с которой лучше говорить как с слабоумной / Только слабоумные могут рожать?* (П., 29.09.2016).*

Приёмы и средства оскорбления и унижения оппонентов в телевизионной речи настолько многообразны, что заслуживают отдельного исследования. Это и примеры зооморфной метафоры – Юрий Кот: *Собака лает / караван идёт / хотя какая вы собака / вы **блоха*** (Вв., 26.05.2016). Это и характеристика профессиональных качеств оппонента – Е. Сатановский: *Боря / ты не знаешь ничего ни о чём* (В., 04.10.2016). Это прямое обвинение человека – С. Багдасаров: *Ты **предатель** вдвойне / предал свою страну / теперь продаёшь отравленные котлеты в ресторане российским гражданам* (ПЗ., 17.10.2016). Это использование оскорбительной метафоры – Л. Потапенко: *Вот это я понимаю // Но компания / которая создана / покемонами занимается / у неё капитализация больше / чем у Роснефти* – В. Гутенёв: *Вы готовы «Роснефть» на покемонов поменять?* – Д. Потапенко: *Да эта ваша «Роснефть» ничего не стоит // Она ничего не стоит // Ноль!* – В. Гу-

тенёв: *Так можно превратиться в покемона!* – Д. Потапенко: *А вы и есть покемон!* (ПЗ., 16.10.2016).

Иногда в телевизионной речи используются и более тонкие, непрямые, завуалированные приёмы оскорбления. Например, Алла Гербер: *Я очень Вас прошу / убедительно // Вы похожи на мужчину / похожи* – А. Проханов: *А вы не похожи на женщину / вы нелюдь* – В. Соловьёв: *О / началось* – А. Гербер: *Ведите себя прилично* (Вв., 21.08.2016).

Такого рода обсуждение вызывает отторжение у самих участников передач, которые справедливо считают, что уважение политического оппонента должно быть присуще культурному человеку. С. Станкевич: *Кстати / вот / что мне не нравится / коллеги / могу я покритиковать вас? Мне не нравится пренебрежительное / ироническое третирование Петра Алексеевича Порошенко* (В., 19.10.2016).

Однако как бы ни были разнообразны языковые средства и приёмы их использования в функции оскорбления и унижения, видимо, степень их воздействия оценивается некоторыми выступающими невысоко. Поэтому в речи участников общественно-политических ток-шоу зафиксированы и обсценизмы. Правда, их не так уж и много – на 25 передач пять случаев, но ведь важен сам факт их легитимации в общественном сознании. Самыми частотными являются выражения, основное слово в которых омонимично названию известного растения. Д. Куликов: *Честно говоря / Женя / Коля / мне вот / я вас слушаю / слушайте / поезжайте в Донбасс / Левченко / вы там были главой региона / или почти главой / вы там работали / вам не кажется интересной ваша судьба / что вы **на хрен** в Донбассе не нужны и в Киеве тоже / вас это не удивляет?* (В., 18.10.2016); В. Соловьёв: *И когда на полном серьёзе идёт идиотическая фраза / Санкции остановили // Что-то санкции **ни хрена** не остановили операцию в Сирии* (В., 19.10.2016); С. Михеев: *Какой **на хрен** прозаик // В каких **на хрен** заек?* (П., 07.10.2016). Отмечено в материале также одноразово и бранное *сволочь*. С. Кургинян: *Донбасс революционно восстал во имя общеукраинской демократии / во имя общего закона / во имя установления нормальной власти на Украине / а не диктатуры бандеровской **сволочи*** (Вв., 23.10.2016). Шокирующе, нарушая все принятые в современном обществе нормы морали, прозвучала в выступлении польского журналиста Я. Корэйбы цитата из песни группы «Ленинград», в которой эвфемистическими заменителями ругательств выступили номинации ин-

тимных частей тела человека: *Как поёт мой любимый современный поэт: Что же с нами со всеми случилось // Всё по пенису / всё до фаллоса // Он на самом деле очень в точку показывает / в каком состоянии сейчас находится Россия и сознание наших русских братьев* (П., 27.10.2016).

Только один раз в проанализированном материале было отмечено ругательство, произнесённое не полностью, по первым буквам, но достаточно громко и чётко. А. Лиелайс: *Все руки кладут вот так / а вы на кулаках* (показывает) / *С кем вы собираетесь драться?* – С. Михеев: *Как с кем? С врагами мира / с теми / кто разжигает третью мировую войну // Я им спуска не дам / этой военицине / ух / ёб ...* (П., 13.10.2016). О том, насколько актуально использование ругательств в публичном пространстве, свидетельствует полилог в одной из последних передач. К. Шахназаров: *Наш президент несколько дней назад очень резко отреагировал на приближение наших самолётов к американскому кораблю* – В. Соловьёв: *Да / Он сказал / Вы что / с ума сошли?* – Н. Злобин: *Он даже не так сказал / сказал так / как нельзя говорить в эфире* – В. Соловьёв: *Николай Васильевич / Владимир Владимирович на вопрос / ругаетесь ли Вы матом / говорит / Да / только на себя / и говорит / ну отмолю // Ну мы же не будем* (В., 31.10.2016). Видимо, речь идёт о том, что существуют ситуации, в которых применение брани оправданно.

Таким образом, анализ телевизионной речи участников ток-шоу показывает, что диапазон употребления стилистически маркированной, сниженной лексики велик: присутствует разговорная, просторечная, жаргонная лексика. В октябрьских передачах зафиксированы обцензизмы, что связано, на мой взгляд, с серьёзным обострением международной обстановки. Установлено, что среди постоянных участников ток-шоу можно выделить некоторых, в речи которых наиболее часто встречается сниженная грубая лексика. Это Е. Сатановский и С. Михеев. Определение функций, которые выполняет эта группа слов, не входит в задачи данной статьи, но нельзя не заметить, что если разговорная, просторечная и жаргонная лексика служит, в основном, для выражения эмоционального отношения к чему-либо, то обцензизмы, *шобла* и другие инвективы оскорбляют и унижают оппонентов. Приходится согласиться с мнением Г. В. Кусова, который считает, что в последние годы в печати, в электронных СМИ, на страницах художественной литературы происходит детабуизация инвективной лексики [Кусов, 2013: 44].

Помимо просторечной, жаргонной и обценной лексики в последнее время в общественно-политических ток-шоу были зафиксированы и такие группы слов, как номинации телесного низа, физиологическая лексика, лексика, называющая интимные отношения людей.

В политических передачах на телевизионном экране стало возможным употребление лексики телесного низа. Об этом ещё в 2013 году писала О. Б. Сиротинина: «Стали свободно употребляться и в СМИ как бы эвфемистические обозначения человеческого низа (*попа, дерьмо*), а иногда и более грубые» [Сиротинина, 2013б: 87]. Этот тезис уточняется и в другой работе: «Увы, но теперь и *сволочь*, и *стерва*, и *задница*, и *дерьмо* употребляются совершенно свободно, с некоторыми ограничениями только их ещё бóльшие дисфемизмы на буквы *ж* и *з*. Ещё недавно в ходу были различные эвфемизмы (пятая точка; то, что пониже спины и т. д.), термины (*экскременты, естественные отправления, кал*), теперь чуть ли не эвфемизмом становится *дерьмо*» [Сиротинина, 2013б: 195]. Эту тенденцию отметила в своей статье, написанной в 2014 году, И. Левонтина: «Раньше в русской брани сексуальная тематика отчетливо преобладала, и в этом было ее своеобразие. Однако в последнее время на первый план выходит анально-фекальная составляющая» [Левонтина, 2014].

В телевизионном эфире лексика телесного низа, называющая те части тела человека, которые было не принято упоминать ранее, присутствует и как эвфемизмы: *сушёный помёт; причинное место; одно место; то самое место; определённое мужское место*. Например, Е. Сатановский: *А её (резолюцию ООН) надо **воткнуть в причинное место** и поворачивать там до достижения удовлетворения хоть по / хоть против часовой стрелки* (Пз., 30.01.2016); *Задача состоит ... в том / чтобы все эти требования мы встречали с лёгкой доброжелательной улыбкой человека / глядящего на бандерлога / тогда / глядишь / и он начнёт вести ся конвенционально / например / перестанет **бросать** со своего дерева в вас **сушёным помётом** / как сейчас стало некоторой традицией* (Пз., 30.01.2016); В. Соловьёв: *... когда пришли на Майдан / если вы не знаете / то Правый сектор вместе с Ярошем сказал / можете **вытереть этой бумажкой одно место** / и пошёл убивать Януковича // Если вы не знаете* (П., 27.10.2016); М. Бом: *И это похоже на плохого танцора / который говорит / что ему мешает какое-то **определённое мужское место** // Есть два варианта такого плохого танцора / либо удалить **то самое место** /*

чтобы он танцевал лучше ... либо второй вариант / выбрать более подходящую профессию (П., 27.10.2016).

Однако в последнее время участники программ позволяют себе употреблять в эфире не только эвфемизмы, но и прямые номинации. Например, В. Соловьёв: *Вы ещё увидите фактор Тимошенко // Она у вас единственный политик с яйцами* (Вв., 17.04.2016); Е. Сатановский: *Пошли они в задницу / твои учёные и пусть они там торчат* (П., 13.10.2016).

Стало возможным прямо во время политических дебатов использовать лексику, называющую физиологические отправления человека. Например, А. Лиелайс: *Спроси у него / вы уже может быть / насрать хотите на всех? ... Скатились на слюну / а ты скатись на говно* (П., 13.10.2016); Е. Сатановский: *А что теперь я должен / обгадиться и не жить? Вот интересное кино! В гробу я видел в белых тапочках / уж извини пожалуйста / с кем мы там общаемся / именно поэтому* (Вв., 04.10.2016); П. Гусев: *Я был тогда главным редактором / а вы тогда / писали в штанишки ещё* (Пг., 26.10.2016); Е. Сатановский: *Давайте я подойду к этому не в качестве историка / не в качестве режиссёра / ни тем ни другим не являюсь / а в качестве обычного прицепщика завода «Серп и молот» / который наблюдал это с интересом / а / и думал / ох и говны вы все // И / оказывается / был прав* (Вв., 10.07.2016).

О том, что такие слова недопустимы в телевизионном эфире, и это, безусловно, понимают выступающие, говорит тот факт, что полностью они произносятся, когда говорящие уверены, что зрители их не слышат. Например, режиссёр из Латвии полностью проговаривает слова *насрать*, *говно*, когда он уверен, что его реплики зрители не расслышат. Когда же он говорит в студии, задавая вопрос С. Михееву, то произносит эти слова, называя только их первые звуки. Например, А. Лиелайс: *Я понимаю / что вам наплевать / странно / что вам не на ... / понимаете / А видно / что вам не только на ... это / а ещё по-другому // ...* (П., 13.10.2016). Такое же явление можно наблюдать в иронической реплике С. Соловьёва в диалоге с С. Станкевичем. С. Станкевич: *Они кладут в основу будущей договорённости великое пакетное соглашение Лавров – Керри / которое малодушные маловеры рано попытались похоронить – С. Соловьёв: Они кладут в ... или кладут на ...?* (Вв., 16.10.2016).

Казалось бы, формат общественно-политического шоу не предполагает применения слов и выражений, относящихся к сфе-

ре интимной жизни человека, в передаче, посвящённой теме запрета аборт, таких выражений много. М. Арбатова: *А вас плохо воспитывали // Вы рыдаете над лужицей собственной спермы* (П., 29.09.2016); *В течение 70 лет в нашей стране не было контрацепции / было изделие номер два / которое рвалось / была хоть какая-то потенция; Слушайте / а гомосексуалы тоже предохраняются в вашем сознании / чё вы лепите?* (П., 29.09.2016).

Однако тема секса, соответственно лексически оформляемая, нередко возникает и в передачах на острые политические темы. Я. Корэйба: *Вы получаете удовольствие / оттого / что вас не любят? Вы геополитические садомазохисты что ли?* (П., 29.09.2016); С. Михеев: *Любовь в их понимании / это извращённое действие в отношении партнёра* (П., 27.10.2016) – В. Гутенёв: *Я предпочту иметь «Росатом» / чем «Apple»* – Д. Потапенко: *Простите / вы можете иметь кого угодно* – В. Гутенёв: *Простите / вас бы не хотел иметь* (ПЗ., 16.10.2016).

Сексуальные аллюзии становятся основой для развития острых, жёстких политических метафор. Так, например, в одной из них Россия представляется престарелым плейбоем, которому отказывают в близости страны-соседки. Безусловно, такая метафорическая схема выбрана с целью унижить или даже прямо оскорбить страну, чем и объясняется выбор объекта сравнения. Я. Корэйба: *Из-за таких / как вы / Россия сегодня в международной политике ведёт себя как престарелый плейбой / у которого ничего нет / ничего не получается / который всем рассказывает / что тридцать лет назад у него там / семнадцать любовниц было / и ещё ого-го что будет / знаете / одну девушку / Украину / пытался изнасиловать / получил по зубам / вторая девушка / Беларусь / только за деньги встречается / третья / Армения / только потому / что маленька / бедненька и все ещё её не любят ...* В. Соловьёв: *И Китай / потому что девушка большая и ждёт / да?* – Я. Корэйба: *Кого ждёт? Где вас Китай ждёт?* – В. Соловьёв: *Ну / исходя из вашей логики / Китай / ещё девушка возрастная / поэтому ждёт уже кого угодно* (П., 29.09.2016).

В другом выступлении Россия сравнивается с плохим танцором, которому мешают танцевать физиологические особенности его тела. Приведём этот пример. М. Бом: *В России активно пропагандируется именно демонизация США / вы это знаете прекрасно ... Сергей / вы часто говорите / я заметил / как говорили тогда советские пропагандисты / что США мешает россия-*

нам жить // И это похоже на плохого танцора / который говорит / что ему мешает какое-то **определённое мужское место** // Есть два варианта такого плохого танцора / либо удалить **то самое место** / чтобы он танцевал лучше ... либо второй вариант / выбрать более подходящую профессию ... (П., 27.10.2016). Своё развитие эта метафора получает в ответной реплике ведущего передачи В. Соловьёва, который разворачивает её уже в противоположную сторону: *Едва ли я слышал американца / который столь жестоко критикует Хиллари Клинтон / потому что Хиллари построила всю свою кампанию на том / что какая плохая Россия и как ей мешала / но Хиллари точно уже не способна отрезать то / что её может сделать прекрасным танцором* (П., 27.10.2016). И такие дуэли «ниже пояса» приходится слушать телезрителям!

Ещё одна метафорическая параллель имеет в своей основе сравнение поведения России на международной арене с сексуальным (!) поведением вождя некоего африканского племени и строится на отрицании модели варварского нецивилизованного секса. А. Джума: *Есть такое племя / недавно о нём статью читал / правда / не скажу / как называется / у них там раз в определённый период / значит / девочки / **девственницы** / выходят / танцуют **нагишом** / а значит / ммм... эмм / вождь племени выбирает себе невесту // Вот мы / Россия / мы / Россия / не тот вождь* (В., 25.10.2016). Остаётся только догадываться, почему именно такие сравнения актуализируют оппоненты.

В политических передачах имеют место и более завуалированные, более тонкие намёки, также имеющие в своей основе сексуальные мотивы. Так, в одной из передач участники вспоминают сексуальный скандал с бывшим главой МВФ Д. Стросс-Каном. М. Бом: *Можно Вас спросить // При чём тут горничная? Это просто **очень пикантный момент** – Д. Куликов: Человек собирается быть президентом Франции / вдруг к нему приходит горничная / и он после этого не становится президентом Франции // Вот и всё // Если Вы считаете / что в этом деятельность ЦРУ / то это ведь Вы считаете* (Пг., 15.09.2016).

В целях контрпропаганды используются также жёсткий в этическом и моральном плане новостной материал. В. Соловьёв: ... *Верховный суд Австрии / как написало английское издание «Индепендент» / оправдал двадцатилетнего водителя такси из Ирака / который **изнасиловал** десятилетнего мальчика в бассейне // При этом он ... ммм... Сначала суд первой инстанции дал ему 6 лет // А Верховный суд оправдал / объяснив то / что у ирак-*

ца было четырёхмесячное воздержание / исходя из чего он страдал высокой формой сексуального возбуждения / плюс не доказано / что мальчик был против (В., 25.10.2016). Приведённый ужасающий пример даёт возможность одному из участников передачи использовать его в целях пропагандистского обобщения. С. Михеев: В этом / в том числе ценности / чтоб мальчиков не насиловали и не оправдывали это новыми ценностями / такие ценности нам не нужны (В., 25.10.2016).

Таким образом, в проанализированном материале были зафиксированы лексические единицы, традиционно использующиеся как средства экспрессии, эмоционального напряжения, и единицы, которые значительно реже, по крайней мере, до недавнего времени, использовались в эфире. К первым относятся инвективы, просторечные слова и выражения, жаргонизмы, диалектизмы. Ко вторым – лексика телесного низа, слова и выражения лексико-стилистической группы «секс», темы, табуированной или частично табуированной в общественно-политическом пространстве. Разумеется, присутствие такого рода слов далеко не новость для зрителей. Однако если раньше они использовались в ограниченном ряде передач и их употребление было обусловлено жанром (реалити-шоу «Дом-2», Comedy club) [Милёхина, 2014] или темой передачи («Про это»), то теперь такие единицы расширяют границы своего присутствия, становятся допустимыми в передачах общественно-политического формата, что очень тревожно, так как создает у массового адресата восприятие всего этого как допустимого явления.

Библиографический список

Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления» : решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013. № 5. С. 43–48.

Левонтина И. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // Отечественные записки. 2014. № 6 (63). URL : <http://strana-oz.ru/> (дата обращения : 01.11.2016).

Милёхина Т. А. «Реалити-шоу "Дом-2"» : программное моделирование действительности // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа : сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций». 2014. С. 81–85.

Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге : глагол. М. : Азбуковник, 2005. 302 с.

Семёнова Н. В. Инвективное функционирование языка и способы его проявления : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарные науки в современном мире». Уфа, 2010. URL : <http://www.tmborags.ru/index.php> (дата обращения : 01.11.2016).

Сиротинина О. Б. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека // Чтобы вас понимали : культура русской речи и речевая культура человека : учеб. пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «Либроком», 2009. С. 120–128.

Сиротинина О. Б. Русский язык : система, узус и создаваемые имиджи. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013а. 116 с.

Сиротинина О. Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию // Экология языка и коммуникативная практика. 2013б. № 1. С. 188–204.

УДК 808.2-541.2

О. В. Мякшева

АКТИВНАЯ ЛЕКСИКА И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В ЛЕКСИКОНЕ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

В статье анализируется восприятие лексики из личного дневника предвоенных лет школьниками XXI века. Делается вывод о том, что современные дети намного уступают автору дневника, тоже школьнице, в наборе используемых ею существительных. Почти две трети существительных из её лексикона современным школьникам либо неизвестна, либо не употребляется в речи. Только некоторые из этих слов относятся к историзмам и архаизмам, большинство – и сейчас активно используемая лексика, отражающая широкий круг интересов автора дневника.

Ключевые слова: личные дневники предвоенных лет, существительные, активная языковая личность, восприятие, школьники XXI века.

O. V. Myaksheva

ACTIVE VOCABULARY AND SEMANTIC LACUNS AT THE LEXICON OF A MODERN PUPIL

The perception of the vocabulary of the prewar years personal diary by pupils is analyzed in the article. It is made the conclusion that the modern pupils yield to the author of the diary, also a pupil, in the assortment of the nouns she used. Almost two thirds of the nouns from her vocabulary are either unknown to modern pupils, either not used nowadays. Only some of these words are regarded to be historisms or archaisms, the most of them is an actively used vocabulary even now, which reflects the wide range of interests of the author of the diary.

Key words: prewar years personal diaries, nouns, active linguistic personality, perception, pupils of the XXI century.

Рассуждая о природе оценки и мире человека, Н. Д. Арутюнова, в частности, пишет: «Она (идеализированная модель мира – О. М.) не столько познаётся, сколько создаётся. Её творцом яв-

ляется человек, и это даёт ему право на варьирование» [Арутюнова, 1999: 180]. И хотя речь в книге далее идёт о соотношении объекта и оценочного предиката, для нас важным является указание на то, от чего зависит характер этого соотношения: «между оценочным предикатом и объектом оценки всегда стоит человек – индивид, социальная группа, общество, нация, Человечество» [Арутюнова, 1999: 181]. В данной статье мы сравним языковое проявление личности у представителей одной социальной группы – школьников, но разделенное почти столетием, то есть имеющее место в советском, социалистическом и современном, «потребительском» обществе.

Далёкие от нас предвоенные и военные годы вошли в историю через неисчислимое множество текстов, личные дневники очевидцев тех событий отражают и факты, и чувства, и мысли наших предков, а если это дети, то ещё и степень их зрелости, способности осмыслить происходящее и действовать.

Дневники, которые стали материалом нашего изучения, принадлежат человеку с потенциальными, проявившимися позднее незаурядными способностями, носителю в зрелом возрасте элитарной речевой культуры, профессору филологии (согласие автора дневника на его использование в научных целях получено), то есть лексикон этого в то время ребёнка можно считать образцом для формирующейся языковой личности. Существительные (223 слова) из одной тетради её личного дневника (1939 год) были выписаны методом сплошной выборки и предложены современным школьникам 13–17 лет (100 человек). Как нам представляется, в первую очередь существительные, уже сам набор этих слов лексикона является отражением языковых способностей, так как именно ими можно обозначить и предмет (*патефон*), и признак-оценку (*выносливость*), и действие (*наказ*). Яркий пример из дневника в качестве доказательства: *Она была кричаще одета. В 4 одеждах. Газ, шелк, бисер, золото, бриллианты. Пудра, румяна. Голые старческие руки! Поза!!! Движения! Жалкая улыбка! Глазки! Кокетство!*

Дети XXI века должны были ответить на три вопроса анкеты: *Какие из приведенных слов Вы употребляете в своей речи?; Какие знаете, но не употребляете? Почему?; Какие из слов Вам неизвестны?* (в анкетировании и первичной обработке анкет принимала участие учитель русского языка и литературы А. С. Трофимова).

Количество слов, которые ученики предложили, отвечая на первый вопрос анкеты (*Какие из приведенных слов Вы употребляете в своей речи?*), колеблется от 10 до 80, то есть их минимум – двадцатая часть всех выписанных из тетради дневника существительных, максимум – треть.

Приведём наиболее частотные слова из этого списка: *мама, телефон, папа, класс, дневник, бутерброд, утро, вечер, ответ, четверть, школа, диван*. (Далее в скобках, в качестве иллюстраций, будем приводить предложения из дневника. Дети, участвовавшие в анкетировании, не видели контекстного окружения анализируемых слов, тем более интересным оказывалось сравнение текстового употребления этих слов со спецификой их восприятия современными детьми).

Как видим, номинации близких родственников, в первую очередь *мама*, в этом списке присутствуют (*Мама в избирательной комиссии, и потом её будут выбирать в горсовет*), далее вне конкуренции – *телефон*, который нередко возглавляет список. Вполне ожидаемы слова школьной тематики – *класс, ответ, четверть, дневник, школа*. Из предметов мебели популярен *диван*, который в сочетании со словом *телефон* отражает картину времяпрепровождения многих школьников. Отчётливо выделяется группа слов, обозначающая время суток (*утро, вечер*), ожидаемо в этом минимальном списке и слово *бутерброд* как основной «перекус на ходу» подростков (*Утром бабушка принесла бутерброды. Елена ушла наощак и пришла злая, так как была очередь*).

Расширение списка происходит за счёт включения в него слов, отражающих более широкий круг интересов учеников и естественное в этом возрасте развитие абстрактного мышления. Из тематических классов (помимо уже выявленных, близких родственников: *Я самая обыкновенная, скорее плохая, чем хорошая советская гражданка, дочь, ученица, комсомолка*; «школьной темы»: *Целый день одна, уроки делать лень страшная, даже читать временами не хочется. Апатия какая-то. Спина к тому же все еще болит*) это названия одежды и бытовых предметов: *платье* (*Она очень странная. Очень любит толковать о своих новых платьях и т. п., но они редко появляются, большей частью плохи. Ходит она неряхой*), *кофта, дверь, чайник*; лиц по полу и возрасту – *девочка, мальчишка, мужчина, женщина* (*Ругалась с Еленой насчет положения мужчины и женщины в семье*); отношениям – *друг*; частей тела человека: *глаза* (*Глаза у него были сини и ясны*; *Чудный голос, глаза, метаящие искры, чудный артист*; *О,*

чудесно, чудно. Его глаза, взгляд, жесты, интонация; Глаза мои открылись давно. Я увидела в нем прозаичного, циничного, посредственного мальчишку; Но снимки очень хорошие. Гаршин. Какие глаза. Безумие), сердце, лицо, мизинец; наконец, абстрактная лексика: дух (Во мне сидит дух противоречия; Скоро придет Галина и будет поднимать во мне дух), талант, страх, действие.

Большинство детей включили в список употребляемых ими слов существительное вещь, однако в ином, чем авторское, осмыслении (как предмет, чаще одежды, а не произведение искусства). Ср. в дневнике: Шел «Пер Гюнт» Грига по радио. Музыка. Хотела уйти, Любовь: «Оставь». Оставила. Стали говорить. Так зачем ушла. А это та же самая вещь. Стала объяснять, не слушает. Так обидно; Публика сзади, наверно, была безбилетная. Многие не знали, чей концерт. Она пела непопулярные вещи.

На третий вопрос (Какие из слов Вам неизвестны?) только две ученицы (13 и 17 лет) из 100 написали: «Таких слов там нет». Количество неизвестных современным ученикам слов колеблется от 1 до 15. Конечно, это в первую очередь слова, обозначающие предметы, вышедшие или выходящие из нашего обихода, наиболее часто – шхуна, щеколда, патефон (Даже патефона не пускаем).

Менее часто, но более 10 раз, встретились в ответах о неизвестных словах тенор, кощунство, райком, горком, паперть, недомолвка, омерзение, апатия, пессимист, паралич, репертуар, описка, портниха (И эту роль исполняет Слонов, он говорит эти слова! Боже, какое кощунство; Я начала подозревать, что Вы уже не в браке, иногда улавливала подозрительные неясные недомолвки; Завтра иду к портнихе, завтра принесут сочинение, завтра иду в райком; Он пел тенором).

В разных анкетах в список слов, которые дети знают, но не употребляют (второй вопрос) вошли от 5 до 50 слов, то есть максимум почти пятая часть. Рассмотрим слова, которые вошли либо в список неизвестных, либо неупотребляемых, сосредоточив внимание на вопросе Почему? Сначала дадим возможность высказаться самим детям.

Девочка 14 лет так объяснила вытеснение слова отметки словом оценки: «Я знаю слово отметка, но мы сейчас получаем в школе оценки». По поводу слова шляпа: «Никто не носит шляпу». Далее: «Не употребляю слово профессор, потому что в школе преподают учителя»; «Слово виселица ушло из употребления с отменой смертной казни»; «Слова маскарад, жест, репертуар, аплодисменты я знаю, но не употребляю потому, что они относятся к театральной сфере»; «Паралич – это слово из сферы ме-

дицины, известно мне только со слов мамы»; «Слово *жест* я не употребляю потому, что оно мне не нужно».

Ученица 17 лет, то есть ровесница автору дневника, так объясняет неупотребление некоторых слов: *портниха* – «все вещи покупаю в магазине», *эгоистка* – «среди моих знакомых нет людей с таким качеством», *общежитие* – «живу в квартире», *омерзение* – «не испытывала такого чувства», *бомба* – «не употребляю, это слово из лексикона бандитов». Другая ученица этого же возраста продолжает: «Слово *штурман* относится к профессиональному, слово *апатия* не употребляю, потому что не испытываю такого чувства».

Оригинальные объяснения неупотребления конкретных слов предложила девочка 13 лет: «*свидание* – не хожу, *клоун* – не каждый день хожу в цирк, *развод* – не встречаюсь, *фуражка* – не ношу, *выкрутас* – не делаю вид выбражули (!), *сердце* – оно здоровое и никому не принадлежит» (ср. употребление в дневнике: *Часто с болью в сердце я кричу на неё, заставляю что-нибудь делать*), *вены* – не режу, *собака* – нету, *интонация* – не меняю».

Одна из учениц 15 лет попыталась провести функционально-территориальную классификацию слов, которые она знает, но не употребляет: «Никогда не употребляю *конфликт*, *фуражка*, *флот*, *ревнивец*; слышу в школе *противоречие*, *возможность*, *институт*, *недомолвка*, *интонация*, *прививка*; слышу дома *твёрдость*; на кружке *гимнастика*».

Ученица 17 лет обобщила причины неупотребления слов таким образом: «Некоторые слова ушли из употребления вместе с событиями. Меняется картина жизни, вместе с ней приходят новые слова. Сейчас нет такой потребности употреблять слова *райком*, *горком*, *слуга*, *революционер*, *виселица*. Такие слова как *выкрутас* и *ломанье* я знаю, но употребляю в другой форме» (имеется в виду, вероятно, не форма, а синоним. – О. М.). См. из дневника: *Умная. Поэтесса. Хорошо пишет вообще. В свои хорошие минуты ничего, но очень обидчивая и с выкрутасами*.

Что можно заключить из анализа «выпавших» из активного употребления современных школьников слов? Во-первых, в этом списке есть слова, имеющие явный «налёт» старины. Это, конечно, историзмы (*райком*, *горком*, *патефон*), архаизмы или близкие к ним номинации (*шхуна*, *щеколда*, *описка*, *ломанье*, *диктовка*, *портниха*, *ревнивец*: *Сегодня я писала диктовку. Ошибок, наверно, очень много, около ста*), неупотребление или даже незнание которых детей не оправдывает, но хотя бы может быть объяснено: некоторые из этих слов действительно стали употребляться реже.

Но большинство не употребляемых современными детьми слов – активная и сейчас лексика, см., например: *момент, чувство, искусство, артист, роль, тенор, гримаса, черта, жест, замысел, сюжет* и т. д. (Сегодня во сне видела Слонова в роли Чацкого; 27/XI была на «Высокой награде». Замечательно, изумительно, восхитительно! В общем, не выразить словами. Завтра иду II раз. Михайлов-Абрикосов – чудо **искусства**; Сегодня слушала «Иван Сусанин» и была на «Калюжном». Пел Михайлов. Я ревела навзрыд. «Калюжный» мне не особенно понравился. **Замысел и сюжет** были хороши, но исполнение его не особенно. Не игра, нет, а самый **сценарий**).

Если они не употребляют или даже не знают таких слов интеллектуальной сферы, как из дневника: *противоречие, сочувствие, ужас, волнение, кощунство, беззащитность, подробность, мужество, выносливость, нетактичность, симпатия, апатия, омерзение, пессимист, зависть, жизнерадостность, твёрдость, легкомыслие, талант, страсть* (список можно едва ли не удвоить), значит, в их сознании нет и стоящих за этими словами понятий? (См. в дневнике: *Не знаю, чего бы мне хотелось. Ведь **волнение, сочувствие** я только оборвала бы; Читала Куприна и не могу представить **беззащитность** Травиной; Меня удивляет **нетактичность** Лиды, она не считается с **мнениями** родителей другого; Он возбуждает **симпатию**, не может не нравиться, но... какое **легкомыслие**! А потом я не могу стерпеть его пощечин Кристин. Потом его отношение к детям. Но зато его «оводиная» **твёрдость** и **жизнерадостность**. Он, что угодно, только не **пессимист**; Конечно, я давно избавилась от этой смешной **зависти** к ней; Хорошо быть летчиком! Ты покоряешь себе **пространство**. Несешься в воздухе выше и скорее птицы. А в то же время какое **мужество** и **выносливость** нужны для этого! Сам рассказ по-моему не доработан. Не показаны **цели** и **результаты**; Это не герои. Это храбрецы, но **храбрость** ненужная; Какое **благородство** и **любовь**; Англия, Франция, Швеция, Норвегия и государства, не имеющие с нами **нормальных дипломатических сношений**, исключили нас из Лиги Наций).*

Обратимся к материалам Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и сравним употребление некоторых, наиболее интересных с нашей точки зрения абстрактных слов автором во время написания дневника и в 2014 году – времени анкетирования школьников. Приведём эти слова, расположив их по мере убывания частотности (по данным основного корпуса, огрублён-

ным до целых величин) с указанием частоты употребления в 1939 году (первая цифра) и 2014-м (вторая цифра): *совесть* (57, 187); *сочувствие* (27, 75); *мужество* (31, 53); *храбрость* (17, 14); *благородство* (11, 17); *выносливость* (4, 13); *кошунство* (3, 10); *омерзение* (2, 3); *беззащитность* (1, 4); *недомолвка* (2, 4); *жизнерадостность* (5, 2).

Возглавляющее приведённый нами список слово *совесть* представлено в НКРЯ за период с XVIII века до наших дней почти в 6 тыс. документов, *сочувствие* и *мужество* – почти в 3 тыс., последние, *жизнерадостность*, *беззащитность*, *недомолвка*, – в трёхстах. Пик употребительности существительных *совесть*, *благородство*, *храбрость*, *мужество*, *омерзение* относится к самому началу XIX века, а *выносливость*, *сочувствие*, *беззащитность* – к началу XXI. Только у существительных *жизнерадостность* и *храбрость* наблюдается спад употребительности в нашем веке (кстати, существительное *жизнерадостность* зафиксировано в НКРЯ с 1870 года, а пик его употребительности наблюдался в 1952 году и равнялся 7), остальные же существительные в нашем веке увеличивают активность употребления. Однако школьники среднего и старшего возраста, исходя из анализа данных анкет, не включают эти и некоторые другие, зафиксированные нами слова в свой лексикон.

Получается, что у современных детей нет потребности выразить своё интеллектуальное, эмоциональное состояние, проявить интерес к тому, что происходит вокруг? Цитирую из анкет: «Они (слова из дневника. – О. М.) редко встречаются в моём общении с друзьями, близкими»; «Я их не использую, потому что они как бы устарели и уже не в моде»; «Нет повода их употреблять»; «Потому что нет людей, с которыми можно так разговаривать»; «Я не употребляю эти слова, потому что они не подходят к той или иной ситуации в моей жизни».

Нельзя сказать, что у детей узкая сфера самовыражения, территориально пространство их общения огромно, большинство из них не ведут дневники, но «зависают в сетях». Тогда о чём их разговоры?

Конечно, не стоит забывать: анализ анкет школьников показал, что список слов, которые они 1) *употребляют*, 2) *знают, но не употребляют*, 3) *не знают*, подвержен большим колебаниям, и это позволяет сделать вывод о том, что в классах учатся дети очень разного уровня знаний, разного объема лексикона, но тенденция всё равно неутешительная.

О. Б. Сиротинина в своих публикациях пишет о такой проблеме функционирования русского языка, как тенденция к диффузии из-за стремления к экономии речевых усилий (см. напр.,: [Сиротинина, 2015]. И. Г. Милославский на одном из обсуждений во время IV Конгресса РОПРЯЛ (г. Сочи, 1–2 ноября 2014 г.) сетовал на то, что в современном семантическом пространстве есть понятия, не представленные в языке словами (например, есть студент, сдающий экзамены ради оценок, но слова-обозначения такого явления нет). К серьёзным проблемам современной языковой ситуации относится, на наш взгляд, и то, что в нашем языке есть слова, обозначающие важные явления сфер деятельности, особенно интеллектуальной, морально-нравственной и т. д., но они лежат в словарях «балластом», не востребованные молодым поколением.

Рассматривая понятие *дискурсивная личность*, В. И. Карасик уточняет хорошо известное лингвистам определение Н. Д. Арутюновой дискурса как текста, «погруженного в жизнь» [Арутюнова, 1990], следующим образом: «дискурс – это личностно, культурно и ситуативно детерминированная речевая практика» [Карасик, 2014: 146]. Такая дефиниция, по мнению учёного, расширяет поле исследования и позволяет включать в него процессы текстопорождения и текстовосприятия, обусловленные важными конститuentами коммуникативной ситуации. Позволю себе осуществить такое расширение: иду с дачи по проезжей дороге с двумя увесистыми корзинами на остановку городского транспорта. Девять полупустых легковых машин лихо проносятся мимо и только десятая останавливается. Из неё выскакивает молодой мужчина в форменной одежде, легко подхватывает мою ношу, забрасывает в багажник, подсаживает в салон к жене и малолетнему сыну и произносит фразу, ради которой и привожу эту вполне житейскую ситуацию: «Вы знаете, *совесть* не позволила проехать мимо». А у водителей проехавших ранее девяти легковых машин? Пример употребления слова *совесть* из дневника: *На пароходе меня терзали угрызения совести, что из-за меня Н. Н. осталась одна. А бывают ли муки совести у современных школьников?*

В. И. Карасик с позиции лингвоэкологии выделяет определённые угрозы нормальному функционированию языка в наше время, вызванные трансформациями ценностей в обществе [Карасик, 2014: 145]. Наш материал, как представляется, подтвердил существование этих угроз.

Библиографический список

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград : Парадигма, 2014. 450 с.

Сиротинина О. Б. «Волны» изменений в функционировании русского языка // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Сарат. ун.-та, 2015. Вып. 15. С. 4–23.

УДК 811.161.1'38:004.738.5

С. В. Андреева, Т. А. Сорокина

ДИСКУРСНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧИ В ИНТЕРНЕТЕ

Предмет внимания статьи – дискурсные особенности реализации языка в интернет-коммуникации. Анализ Форумов, Чатов и ICQ дал возможность выделить три основных типа дискурсной организации данных разновидностей интернет-общения: текст-разговор, дискурс, интернет-дискуссия.

Ключевые слова: электронная коммуникация, дискурсная организация коммуникативного пространства, текст-разговор, дискурс, интернет-дискуссия, оборванный текст-разговор, несостоявшийся контакт, неразвившийся контакт, текстовый фрагмент.

S. V. Andreeva, T. A. Sorokina

DISCOURSE PECULIARITIES OF LANGUAGE REALIZATION ON THE INTERNET

The subject matter of the article – is the discourse peculiarities of language realization on the Internet. A close analysis of Forums, Chats and ICQ has given an opportunity to single out three types of discourse organization of Internet communication: text-conversation, discourse, Internet-discussion.

Key words: electronic communication, discourse organization of Internet communication, text-conversation, discourse, Internet-discussion, interrupted text-conversation, contact failure, undeveloped contact, text fragment.

Современная электронная коммуникация – это беспрецедентное расширение числа пишущих людей [Химик, 2012]. Мы наблюдаем замещение прежнего эпистолярного жанра электрон-

ной перепиской, что приводит к коммуникативному новаторству пользователей (именно замещение, даже вытеснение, а не «возрождение», как считают некоторые исследователи). Можно говорить о «взрыве народного речетворчества», захватившем все языковые уровни. В интернет-коммуникации представлены конкуренция и смешение норм кодифицированного литературного языка и разговорной речи, письменной и устной форм речи, особенностью дистантного и контактного общения, публичного и межличностного. Так, регулируемое определенными правилами дистантное общение все больше приобретает черты контактного: возможность быстрой реакции (переспроса, захвата речевой инициативы и т. п.), неограниченный репертуар тем, эмоциональная насыщенность, доверительный тон, вплоть до фамильярного. И как следствие этих разнонаправленных процессов – доминирование принципа коммуникативной целесообразности над языковой традицией и прежним речевым узусом.

Исследователи интернет-речи пришли к заключению об образовании «третьей формации языка» [Интернет-коммуникация, 2012]. Однако пока не обращалось внимания на дискурсную организацию разных видов компьютерно-опосредованной коммуникации. С целью ее изучения мы обратились к таким популярным в молодежной среде разновидностям электронного общения, как Форум (TalkOnline.Ru), Чат (Exelent, Mail-Чат, Чат-Волчат) и ICQ.

По справедливому утверждению О. Б. Сиротининой, результатом всех видов коммуникации можно считать текст, при условии понимания этого термина как «**реализации речевого замысла**» (а не только «сознательно организованной речи»). Однако «даже при таком понимании остаются факты разговорной речи, не укладывающиеся в понятие текста» [Сиротинина, 1994: 105]. Нами исследуется опосредованное общение в письменной (но электронной) форме, которое до недавнего времени реализовывалось преимущественно в письменной монологической речи и требовало применения «стандартных» текстов. Однако рассматриваемые жанровые разновидности интернет-опосредованной коммуникации представлены чаще всего немнологическими видами общения. Этим обусловлено наше обращение к типологии О. Б. Сиротининой, основанной на анализе разных типов организации речи в зоне устно-разговорного общения.

О. Б. Сиротинина выявила и проанализировала следующие типы текстовой организации разговорной речи:

Тексты, отвечающие всем признакам текстовой структуры.

К ним исследователь относит «рассказы, неоднократно повторенные рассказчиками и потому уже отработанные с точки зрения их организации»;

Оборванные тексты – это тексты первого типа, но не завершённые по каким-либо внешним причинам (обрыв магнитофонной ленты с записью рассказа, истечение времени у рассказчика и т. д.);

Текстоиды имеют много общего с текстами и оборванными текстами, но отличаются принципиальной незавершённостью, т. е. всегда могут быть продолжены;

Тексты-разговоры. «Не соотносятся со стандартными текстами по причине разносубъектности», а термин «текст» здесь понимается как реализация речевого замысла;

Дискурсы, или «нетекстовая реализация речи». Они представляют собой «калейдоскоп тем, не объединённых не только гипертемой, но и единым речевым замыслом» [Сиротинина, 1994: 106–124]. (В данной статье используем термин дискурс, несмотря на изменившееся с 1997 г. его толкование, так как не нашли лучшего).

В результате соотнесения исследуемого материала с указанной типологией мы выявили, что продуктом коммуникации, опосредованной программой ICQ, чаще всего является «**текст-разговор**». Текст-разговор характеризуется частой сменой говорящего / слушающего, политематичностью при наличии ведущей темы. Например (здесь и далее цитируемые фрагменты речи даются курсивом с сохранением авторской орфографии, пунктуации, использованных несловесных знаков, при этом реплики модератора даются прямым шрифтом):

372372863 16:30:08 6/12/2006:

Наташа 16:30:20 6/12/2006: *это кто?*

372372863 16:31:34 6/12/2006: *Это я!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Получилось!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! теперь пиши мне сюда!!!!!!!!!!!!!!*

Наташа 16:32:02 6/12/2006: *Хорошо!*

372372863 16:32:04 6/12/2006: *Ну что, завтра мы придем к вам?*

Наташа 16:32:37 6/12/2006: *А я слепила одну слойку!*

372372863 16:32:58 6/12/2006: *ну как получается?*

Наташа 16:33:15 6/12/2006: *да, сырые красивые! Попробую я их пожарить!*

372372863 16:34:12 6/12/2006: *Их ещё можно сверху яичком помазать, чтобы они получились румяными*

Наташа 16:34:38 6/12/2006: *Хорошо! завтра оцените!*

Наташа 16:34:55 6/12/2006: *если будет не стыдно показать!* 📺
372372863 16:35:27 6/12/2006: *твоя скромность излишня*
Наташа 16:36:25 6/12/2006: *саша говорит, что у меня ее (скромности) совсем и нет, оказывается! просто всякое бывает на кухне! тем более сейчас с моей забывчивостью!*
372372863 16:37:04 6/12/2006: *Скоро это закончится (забывчивость)*
Наташа 16:38:11 6/12/2006: *я в одном журнале прочитала, что такие симптомы беременности, как усталость и забывчивость, закончатся только тогда, когда дети станут взрослыми!*
372372863 16:39:14 6/12/2006: *Хочешь сказать, к глубокой старости ты станешь более энергичной и твои мыслительные процессы достигнут совершенства* 😊
Наташа 16:39:35 6/12/2006: *Это светлое будущее вчера так толкалось, что снаружи на животе было видно!*
372372863 16:39:48 6/12/2006: *есть сомнения по поводу пола ребёнка..... Судя по всему – у тебя в животике или футболист, или боксёр.....*
372372863 16:40:27 6/12/2006: 📺 *Я пошла читать умную лит-ру и статью писать... а ты не забудь про слойки.....*
Наташа 16:33:58 6/12/2006: *Ты будешь "многодетной матерью" с этими статьями! Жаль, только 250 000 не дадут?*
Наташа 16:41:22 6/12/2006: *Я тоже пойду уберусь за собой! Творческих успехов тебе!* 😊
Наташа 16:41:43 6/12/2006: *то есть уберусь!*

В качестве примера представлен сокращенный вариант ICQ-беседы. Этот текст-разговор, как и большинство ему подобных, политематичен. Однако представляется возможным выделить ведущую тему (гипертему) – приготовление праздничного блюда, и сопутствующие – обсуждение симптомов беременности и научной деятельности одного из собеседников.

Коммуникация в ICQ имеет диалогическую форму, что предполагает разносубъектность общения. Из примера следует, что смена тем разговора происходит поочередно, по инициативе обоих коммуникантов. Это свидетельствует об их обоюдной активности, но завершает разговор тот, кто его начал (собеседник 372372863), речевой замысел которого оказался исчерпанным.

Наряду с этим завершению разговора могут способствовать внешние факторы: внезапное отключение или перезагрузка компьютера, прекращение связи удаленного доступа с сетью Интер-

нет и т. д. В этих случаях можно говорить об **оборванном тексте-разговоре**:

11:23:52 SOS15-91: *ты в школе учишься?*

11:24:00 Ksjuscha: *ДА аты?*

11:24:05 SOS15-91: *да*

11:24:10 Ksjuscha: *В каком классе?*

11:24:13 SOS15-91: *в 9, а ты?*

11:24:19 Ksjuscha: *а я в 11*

11:24:26 SOS15-91: *тебе 16?*

11:24:30 Ksjuscha: *да а те?*

11:24:31 SOS15-91 уходит из комнаты

11:24:35 К нам приходит SOS15-91

11:25:02 Ksjuscha уходит из комнаты

Причиной нереализованности речевого замысла коммуникантов стали факторы, не зависящие от воли и желания собеседников, явно заинтересованных друг в друге. Вероятно, произошел временный обрыв канала связи, в результате чего интеракция не осуществилась в полной мере. Зачастую причиной оборванности является появление третьего собеседника, переводящего текущий разговор на другую тему, или нежелание одного из коммуникантов продолжать начатое обсуждение в присутствии третьих лиц, ограниченность во времени, а также другие внешние факторы, влекущие за собой обрыв общения.

В *Чатах*, или, как их еще называют, «болталках», чаще всего наблюдается «общение ради самого общения». Большую роль в процессе такой коммуникации играет ситуация, в которую погружены участники разговора. Разнообразие тем, сменяющих друг друга с невероятной скоростью, не позволяет во всем этом потоке выделить гипертему. Часто встречаются незавершенные разговоры, прерванные самими коммуникантами («больше говорить не о чем»). В 1994 г. О. Б. Сиротина такие факты разговорного общения сочла возможным назвать «**дискурсами**»:

[21:43:03] <Алька> Zmeelov: *приветик*

[21:49:39] AstralTravellier: *рад видеть Алька*

[21:49:50] <Алька> AstralTravellier: *мы знакомы?*

[21:50:22] <Маська> К@КТУС: 😊 *с днюхой,солнце!*

[21:50:30] <AstralTravellier> Алька: *нет*

[21:50:41] <Алька> AstralTravellier: *привет*

[21:51:53] <Конфетка> Принцессо4к@: *никем не работаю и не учусь в дикрете сижу*

[21:52:00] <К@КТУС> Маська: *спосиба-спосиба 😊*

LenoK уходит из комнаты

[21:52:04] <Конфетка> Принцессо4к@: сколько лет тебе

[21:52:11] <Багира> К@КТУС: 🤔 неочется!!!! лучше уж водки!!!

[21:52:47] <Принцессо4к@> Конфетка: 15,а тебе?

[21:52:53] <Ударная_сила> К@КТУС: Здорово дружище!!!!Это Str!ker

[21:52:51] <Конфетка> Принцессо4к@: 21

[21:52:58] <Vladya> Принцессо4к@: Ну ты блин маляфка!!! 🤔

[21:53:11] <Принцессо4к@> Vladya: ну какая есть!!!)

[21:53:26] <Принцессо4к@> Конфетка: прикольно

[21:53:27] <мЯсОрУбКа>: Всем привет!

[21:53:35] <Конфетка> Принцессо4к@: чтож прикольного?

[21:53:40] <Принцессо4к@> мЯсОрУбКа: привет!как дела?

[21:54:40] <Принцессо4к@> Конфетка: ты уже большая,да, в школе!)

[21:54:49] <мЯсОрУбКа>: теперь вместо АJ я мЯсОрУбКа

[21:56:50] <Конфетка> Принцессо4к@: а серьёзно,ты где учишься?

[21:57:04] <Принцессо4к@> Конфетка: в 3б

[21:57:25] <Vladya> Принцессо4к@: Прямо как мой брат, мож знаешь????

[21:57:17] <М@ЛЫШК@>: 🤔 я вернулась))

дюймовочка покидает чат

[21:57:28] <Конфетка> Принцессо4к@: чвего 3б?

[21:57:44] <Принцессо4к@> Конфетка: лицей

[21:58:09] <Принцессо4к@> Vladya: а мож и знаю...

<...>

[21:59:28] <Алька>: Всем поки

[22:00:59] <Конфетка> Принцессо4к@: ясно

[22:01:06] <D@edr@> Алька: это ты определенно зря

[22:01:07] <Мальшка>: Приветик всем))

[22:01:16] <Конфетка> Принцессо4к@: блин мне бы щас вернуть мои 15 лет

[22:01:33] <Принцессо4к@> Конфетка: классно было?

[22:02:16] <Конфетка> Принцессо4к@: ещё бы,первая любовь,ащ 3 года длилась

<...>

[22:03:00] <Принцессо4к@> Конфетка: не,у меня в 14 она была

[22:03:48] <™™Mr.Rulezzz™™>: нед

[22:13:27] <Конфетка>: всё я спать

[22:13:31] <=Данька=> Багира: я сама меня даша зовут вот у вас в ж\г накатке была

[22:13:34] <Принцессо4к@> Конфетка: *вот и все!!!*

[22:13:39] <Принцессо4к@>: *лан, все, всем пока!!!! я брык спать!!*

Коммуникативное пространство *Чат-дискурса* организовано очень своеобразно. На экран компьютера выведен поток реплик, которые, на первый взгляд, абсолютно бессмысленны и не взаимосвязаны. Поскольку общение осуществляется с опорой на ситуацию, то вновь присоединившемуся коммуниканту трудно поддержать беседу по причине неосведомленности. Несмотря на полисубъектность интеракции (что в устной речи характеризует полилог), посетителей Чата не связывает общая тема. Из всего этого потока можно выделить лишь несколько интерактивных линий, объединяющих двух и более коммуникантов (прежде всего это линии знакомства):

1. Интерактивная линия Конфетка ↔ Принцессо4к@ ↔ Vladya:

[21:51:53] <Конфетка> Принцессо4к@: *никем не работаю и не учусь в дикрете сижу*

[21:52:04] <Конфетка> Принцессо4к@: *сколько лет тебе*

[21:52:47] <Принцессо4к@> Конфетка: *15, а тебе?*

[21:52:51] <Конфетка> Принцессо4к@: *21*

[21:52:58] <Vladya> Принцессо4к@: *Ну ты блин маляфка!!! 🙄*

[21:53:11] <Принцессо4к@> Vladya: *ну какая есть!!!!)*

[21:53:26] <Принцессо4к@> Конфетка: *прикольно*

[21:53:35] <Конфетка> Принцессо4к@: *чтож прикольного?*

[21:54:40] <Принцессо4к@> Конфетка: *ты уже большая, да, в школе!*

[21:56:50] <Конфетка> Принцессо4к@: *а серьёзно, ты где учишься?*

[21:57:04] <Принцессо4к@> Конфетка: *в 3б*

[21:57:25] <Vladya> <Принцессо4к@> *Прям как мой брат, мож знаешь его????*

[21:57:28] <Конфетка> Принцессо4к@: *чвего 3б?*

[21:57:44] <Принцессо4к@> Конфетка: *лицей*

[21:58:09] <Принцессо4к@> Vladya: *а мож и знаю...*

[22:00:59] <Конфетка> Принцессо4к@: *ясно*

[22:01:16] <Конфетка> Принцессо4к@: *блин мне бы щас вернуть мои 15 лет*

[22:01:33] <Принцессо4к@> Конфетка: *классно было?*

[22:02:16] <Конфетка> Принцессо4к@: *ещё бы, первая любовь, ащ 3 года длилась*

[22:03:00] <Принцессо4к@> Конфетка: *не, у меня в 14 она была*

[22:13:27] <Конфетка>: *всё я спать*

[22:13:34] <Принцессо4к@> Конфетка: *вот и все!!!*
[22:13:39] <Принцессо4к@>: *лан, все, всем пока!!!! я брык спать!!*
2. Интерактивная линия AstralTravellier ↔ Алька:
[21:49:39] <AstralTravellier>: *рад видеть Алька*
[21:49:50] <Алька> AstralTravellier: *мы знакомы?*
[21:50:30] <AstralTravellier> Алька: *нет*
[21:50:41] <Алька> AstralTravellier: *привет*
[21:59:28] <Алька>: *Всем пока*

После выделения из коммуникативного пространства 2 интерактивных линий остались замечания модератора («*ЛеноК уходит из комнаты*», «*дюймовочка покидает чат*»). Помимо этого присутствуют высказывания посетителей, не нашедшие отклика ([21:53:27] <мЯсОрУбКа> *Всем привет!*, [21:57:17] <М@ЛЫшК@> 🙄 *я вернулась*). Условно назовем такие компоненты коммуникативного пространства Чата «**несостоявшимися контактами**». Причина их появления – недостаточная активность пользователя, статус «новичка» (не всегда постоянные посетители с радостью приветствуют новых участников общения), отсутствие заинтересованности и т. д.

Особый интерес вызывает структурная организация интерактивной линии 2. Молчание одного из коммуникантов (об этом свидетельствует пауза в 9 минут), не находящегося в поле зрения второго, как правило, приводит к потере актуальности общения. Условно обозначим такую интеракцию как «**неразвившийся контакт**».

Таким образом, организация речи в Чате в целом представляет собой дискурс (в понимании «нетекстовая реализация речи»). Путем реконструкции коммуникативного пространства Чата мы выделили отдельные интерактивные линии и обнаружили, что в данном случае структура Чата формируется текстом-разговором (интерактивная линия 1), неразвившимся контактом (интерактивная линия 2), а также замечаниями модератора и несостоявшимися контактами, т. е. отдельными репликами, оставшимися без ответа.

С материалом *Форумов* не соотносится в полном объеме ни один из предложенных О. Б. Сиротининой типов организации речи в зоне разговорного общения. Организацию общения на Форуме, на наш взгляд, можно соотнести с так называемой «почтовой дискуссией», ориентированной на обсуждение одной проблемы. Здесь все пространство представляет собой иерархию постов (от англ. post – запись, сообщение), которые в своей совокупности составляют некое единство. Перед нами результат коммуникации

с явным наличием гипертемы, которую задает модератор. Развитие гипертемы происходит за счет поступления новых сообщений, оставленных посетителями на Форуме. Обозначим такой тип организации коммуникативного пространства как «**интернет-дискуссия**»:

Наmal 17.5.2007, 20:14: *Поделитесь! Где Вы предпочитаете отдыхать: в России или за границей? И почему?*

Mumz 18.5.2007, 4:45: *Феодосия, Коктыбель(планерная), с детства привык, и за границей язык не поворачивается назвать 🙄*

Нэли 9.6.2007, 16:24: *А я вот предпочитаю комбинировать, почему бы не съездить куда нить в тихий уголок нашей страны, а под конец лета рвануть в тёплые края.....*

арz 4622.6.2007, 15:45: *море*

Joke_1 13.9.2007, 18: *Я предпочла бы отдыхать за границей: летом в Турции, как это не банально, а зимой – в Египте, весной во Франции, а осенью..... снова во Франции. (Никакого разнообразия). А отдыхаю на самом деле в Краснодарском крае... Не нравится, но снова туда, туда, туда*

Сообщение последнего пользователя по своей структурной организации представляет собой «**текстовый фрагмент**», соотносимый с разговорным текстом со всеми присущими ему признаками (развитие темы, связи между частями фрагмента и т. д.).

В коммуникативном пространстве Форума нередко проявляются и такие черты текста-разговора, как частая смена говорящего-слушающего и отклонение от ведущей темы:

Mr.Anderson 16.1.2007, 3:14: *Расскажите же нам, кто и что в данный момент читает или какая прочитанная книга ему понравилась больше всего*

<...>

Ms.Element 22.1.2007, 14:48: *Парфюмер. История одного уийцы. На телефоне Джава книга – Дневной дозор*

ABRomanov 23.1.2007, 23:23: [Цитата: (Ms.Element 22.1.2007, 14:48) *Парфюмер. История одногоуийцы. На телефоне Джава книга-Дневной дозор*] *а слабо аудио книги слушать на телефоне?*

Ms.Element 24.1.2007, 13:43: [Цитата: (ABRomanov 23.1.2007, 23:23) *а слабо аудио книги слушать на телефоне?*] *да, если сжать ее на телефоне, у меня вся музыка по 1 Мб, книга где то весит 15 мб, нормалёк*

ABRomanov 25.1.2007, 1:39: [Цитата: (Ms.Element 24.1.2007, 13:43) *да, если сжать ее на телефоне, у меня вся музыка по 1 Мб, книга где то весит 15 мб, нормалёк*] *у мя тел W700i, а карту*

памяти взял на 1 гига 50 мегов весит аудио книга, но ее хватает надолго 😊

Как видно из примера, между посетителями Форума Ms.Element и ABRomanov возникает диалог, и разговор о прочитанных книгах плавно переходит в обсуждение технических характеристик мобильного телефона.

Итак, в разные периоды истории человечества, жизни языка существуют разные отношения между устной и письменной формами речи. Специфика этих отношений на современном этапе развития языка проявилась в электронной переписке, которая сочетает в себе два свойства, исконно считавшиеся взаимоисключающими, – графическую форму и спонтанность.

Электронная коммуникация, особая «третья форма реализации языка», характеризуется не только использованием несловесных знаков, спонтанной реактивностью, но и высокой степенью разноплановости и неустойчивости дискурсной организации: выявлены характерные для устно продуцируемой речи тексты-разговоры, оборванные тексты-разговоры, дискурсы, текстовые фрагменты, а также специфические для электронной коммуникации несостоявшиеся контакты, неразвившиеся контакты и интернет-дискуссии. Проведенный анализ Форумов, Чатов и ICQ дал возможность выделить три основных типа дискурсной организации данных разновидностей интернет-коммуникации: текст-разговор, дискурс, интернет-дискуссия.

Библиографический список

Интернет-коммуникация, 2012 – Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : Флинта ; Наука, 2012. 328 с.

Сиротина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – Текст – Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994. С. 105–124.

Химик В. В. Русский язык в Интернете и за его пределами : живой или мертвый? // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Т. 1. СПб. : Изд. дом «МИРС», 2012. С. 250–255.

З. С. Санджи-Гаряева

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ОДНОГО ТИПА ОЦЕНОЧНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ
(на материале печатных СМИ)**

В статье рассматривается один тип оценочных прилагательных, активизировавшихся в последние десятилетия в речи СМИ, анализируются особенности их семантики и словообразовательные свойства.

Ключевые слова: оценка, оценочные прилагательные, лексико-семантические изменения, словообразовательная характеристика.

Z. S. Sandji-Gariaeva

**ACTUALIZATION OF ONE TYPE OF EVALUATIVE
ADJECTIVES IN MODERN SPEECH
(based on printed mass media)**

The article examines one type of evaluative adjectives becoming more active in the mass media. Also the article discusses their semantics and word-forming properties.

Key words: evaluation, evaluation adjectives, lexical-semantic changes, derivational characteristic.

На фоне интенсивного пополнения словарного состава языка, происходящего в настоящее время, интересно проследить не только возникновение отдельных слов или словосочетаний, но и формирование некоторых лексико-семантических объединений, которые могут выражать определенные закономерности развития лексической системы языка. В различных сферах современного речевого общения наблюдаются усиление оценочности и стремление к многообразию форм ее выражения. Традиционно наибольшим разнообразием оценочных единиц, а соответственно способов и средств их образования, отличаются сниженные сферы речи: разговорная речь, городское просторечие, жаргон. Предмет нашей статьи – новые оценочные прилагательные с суффиксом *-н-*, актуализировавшиеся в последние десятилетия в современных СМИ, рекламе и устной речи.

Востребованность прилагательных на *-н-* выражается, во-первых, в образовании новых слов по данной традиционно продуктивной словообразовательной модели, во-вторых, в развитии новых значений у существующих прилагательных этого типа. Речь идет о словах *успешный, амбициозный, карьерный, пафос-*

ный, элитный, статусный, взрывной, прорывной, комфортный, проблемный, атмосферный, агрессивный, креативный, адекватный и др. Некоторые из этих слов уже попадали в поле зрения лингвистов [Новиков, 2012; Кронгауз, 2008: 29, 30; Левонтина, 2010: 29]. По данным Национального корпуса русского языка, активное употребление подобных слов начинает фиксироваться примерно с 2000-х годов, больше всего их в газетной речи, в корпусе устной речи значительно меньше.

Актуализация новых прилагательных с оценочной семантикой (преимущественно положительной) объясняется прежде всего социальными факторами, а их более или менее продолжительное употребление в речи поддерживается языковой модой. Оценки, относящиеся к человеку, вызваны к жизни изменениями социальных ориентиров в обществе, а значит, и изменением личностных ценностей современного человека, к которым относятся успешность, престижность, профессиональная и деловая состоятельность, материальная обеспеченность, стремление сделать карьеру и т. д. Оценки, относящиеся к различным явлениям или процессам, появляются под влиянием потребностей российского общества в новых технологиях, экономических формах и т. д.

Рассматривая слова данной группы с лингвистической точки зрения, здесь следует разграничить чисто словообразовательное явление, когда действительно возникает новое слово (*прорывной, карьерный, проблемный, статусный*), и лексико-семантическое, когда слово расширяет свою сочетаемость и приобретает дополнительное новое значение (*успешный, взрывной, пафосный, элитный*) или изменяет коннотацию – как правило, минус на плюс (*амбициозный, агрессивный*).

Словообразовательная характеристика новых прилагательных требует некоторых уточнений. Как встраиваются эти единицы в словообразовательную парадигму исходного слова? Выясняется, что общее словообразовательное значение «признак по отношению к исходным предметам или явлениям», свойственное этим прилагательным, является только основой для разнообразных конкретных лексических значений прилагательных, порой довольно опосредованно соотносящихся с производящими. Особенность новых прилагательных в том, что мотивирующим может быть как прямое (*успешный, статусный, элитный*), так и переносное значение производящего слова (*взрывной, прорывной, атмосферный*). Некоторые прилагательные возникают при наличии синонимических производных (*комфортный – комфортабель-*

ный, элитарный – элитный, проблемный – проблематичный), что позволяет говорить о специфичности значения новых слов.

Лексические значения актуализируют определенные семантические признаки, ранее не выявлявшиеся или имплицитные в исходных словах. Например, слово *элитный* формально соотносится со словом *элита*, которое, по данным словарей, содержит в своем значении несколько иной набор признаков, чем тот, который высвечивает в этом слове его новое производное *элитный*. Словарь русского языка в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой [МАС, 1984] и Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [Кузнецов, 2006] дают два значения: 1. Лучшие представители общества или какой-то его части. 2. Лучшие отборные экземпляры, сорта каких-либо растений, животных, получаемые путем селекции для выведения новых сортов. Есть в словарях и прилагательное *элитный*, относящееся ко второму значению. Примеры современного употребления слова *элитный* (приведем только словосочетания), взятые из газет и рекламы: *элитные двери, элитное жилье, элитный клуб, элитные продукты, элитные сыры, элитное белье, элитные вина* и т. д. – убеждают нас в том, что его современное значение «дорогой, высококачественный» не совпадает ни с одним из словарных значений. Таким образом, новое значение прилагательного проецирует на исходное слово *элита* добавочные семы: «богатая часть общества, способная приобрести элитную продукцию, элитный товар», потому что не факт, что «лучшая, избранная часть общества» (*элита* в старом значении) способна купить *элитный* товар. Таким образом, прилагательное *элитарный* производно от слова *элита* со значением «лучшая, избранная часть общества», а *элитный* соотносится с другим, вновь появившимся значением – «богатая часть общества». Условно говоря, мы здесь имеем дело со своеобразной семантической рассогласованностью производного и производящего слов и формированием второго значения у слова *элитный*.

Подобный процесс происходит с прилагательным *успешный* [Новиков, 2012; Левонтина, 2010], в котором, помимо основных словарных значений (1. «закрывающий в себе успех, сопровождающийся успехом», 2. «такой, которому сопутствует успех в чем-либо»), в современной речи сформировалось и стало более актуальным другое значение, включающее в первую очередь оценку человека – «состоятельный, богатый, имеющий хорошую работу или доходный бизнес»: *Человек, который исповедует*

традиционные ценности, должен восприниматься обществом как **успешный**, состоявшийся человек. **Успешный** и в социальном, и в материальном плане (Изв., 08.07.2014); *Петр Алексеевич, Вы успешный бизнесмен, Ваше состояние оценивается в миллиарды* (Изв., 06.06.2014). Кроме этого, успешными могут быть бизнес, проект и другие дела, приносящие высокие доходы: **Успешный профессиональный клуб должен иметь развитую инфраструктуру** (КП, 16.05.2014); *Президент призвал западных бизнесменов не сворачивать успешный бизнес в России в угоду «несостоятельной политике»* (КП, 11.08.2015).

Прилагательное *прорывной* встречается в современной речи в совершенно новых сочетаниях: *прорывная технология, прорывная модернизация, прорывной экономический рост, прорывной проект, прорывная идея, прорывной эффект, прорывной товарищ*. Но административные вмешательства в проекты поставили крест на возможности **прорывной модернизации** (НГ, 17.10.2014); *Экономический рост есть, но он не прорывной, а медленный* (АИФ, 04.06.2015); *Мы берем под свою опеку любые идеи, дающие прорывной эффект в технике, технологии* (КП, 19.11.2014); *Теперь наруководит этот прорывной товарищ* (Изв., 14.02.2013) и др. Из приведенных употреблений выводится значение – «революционный, кардинальный», которое нельзя назвать прямым, в отличие от значения исходного слова *прорыв*. Базой для нового переносного значения могут служить семантические компоненты исходного слова *прорыв*, зафиксированного в МАС и Словаре Кузнецова: «преодоление сопротивления» и «под сильным напором», в этом случае мы сталкиваемся с образной мотивацией.

В последнее время стало широко употребляться в сфере массовой культуры, в светских хрониках прилагательное *пафосный*. В словарях оно толкуется как производное от *пафос*, которое имеет два значения: 1. страстное воодушевление, подъем, 2. воодушевление, энтузиазм, вызванные какой-либо высокой идеей. Современное употребление этого слова обнаруживает заметную трансформацию базового значения (следовало бы ожидать «торжественный, приподнятый, возвышенный»), о чем свидетельствуют многочисленные примеры с его разнообразной, в сущности неограниченной сочетаемостью. Порой складывается впечатление, что авторы текстов непременно хотят употребить модное слово, мало задумываясь о его значении. Приведем примеры:

Воскресный день, очень веселый, пафосный, много заграницы, новых тканей и фасонов («Лиза», 2015, № 7); *Из этой пафосной чудо пиар-акции* получился не менее *пафосный скандал* (Изв., 15.11.2015); *Недаром фирма продает не просто мебель, но стиль жизни, нам вполне близкий – современный, не пафосный, но элегантный* (КП, 11.04.2014); *Пафосный вокал, уверенная пэтушная музыка* («Хулиган», 15.08.2014). *Вечеринка была совсем не пафосная, как все ожидали, хотя шампанское лилось рекой* (КП, 14.06.2014). Как видим, *пафосным* может быть *день* (здесь мероприятие), *вечеринка, стиль жизни, вокал*. Более или менее мотивированным выглядит употребление слова в тех случаях, когда оно относится к человеку: *Чего я в тебе, Немчинов, не люблю, пафосный ты человек* (А. Слаповский. Большая книга перемен, «Волга», № 10, 2010); *Никогда не обращаю внимания на придурков, которые считают, что если человек поет про родину, то он пафосный какой-то* (А. Розенбаум. КП, 11.05.2012). Как видим, в целом, в современном употреблении складывается значение, далекое от значения исходного слова и даже, более того, в противоположность ему содержащее негативный компонент.

Совершенно новое значение за последние десятилетия возникло у прилагательного *взрывной*. Самые частотные сочетания с ним относятся коценке человека, его характера, например: *взрывной человек, взрывной боец, взрывной характер, взрывная пара: Ургант – взрывной и харизматичный, Цыкало спокоен и уравновешен* (КП, 25.05.2010); *Человек я эмоциональный и энергичный, по-восточному взрывной* («Домовой», 21.07.2012); *Тридцать лет назад их называли самой взрывной парой за всю историю кафе-театров* (Культура, 04.01.2013). Но такая оценка может относиться не только к человеку, но и к различным экономическим явлениям и процессам, например: *взрывной рост расходов, взрывной рост фунта, взрывной рост коммунальных тарифов, взрывной подъем заболеваемости* и т. д. Словарное значение прилагательного «склонный к внезапному бурному проявлению чувств» явно не покрывает современных словоупотреблений, даже тех, которые относятся к человеку. Скорее всего в основе мотивации лежат некоторые семы прямого значения исходного слова *взрыв*: энергия, резкость, внезапность, сила. В этом случае, как и во многих других, мы имеем дело с расплывчатой образной мотивацией, при которой возникает некая приблизительная соотнесенность с семантикой исходного слова.

В последние десятилетия в сфере театра и шоу-бизнеса получило распространение оценочное прилагательное *атмосферный*: *Морфов – тоже атмосферный режиссер, с прекрасной фантазией и чувством юмора* (Театральная жизнь, 28.06.2014); *«Дядя Ваня» Льва Додина, скупой и легкий в решениях, не зрелищный, но атмосферный, человечный спектакль с безнадежной печалью внутри* (Театральная жизнь, 24.11.2013); *Фильм атмосферный, да и на актеров посмотреть приятно* (РБК Дейли, 18.03.2014); *Номер получился очень атмосферный* (телеканал 1. Шоу «Голос», 2014). Как видим, *атмосферным* может быть и *спектакль*, и *фильм*, и *концертный номер*, и даже *человек* (режиссер). Новое прилагательное соотносится со вторым значением исходного слова *атмосфера* – «окружающие условия, обстановка, психологический настрой» и означает «создающий хорошую, приятную, душевную атмосферу».

Слово *амбициозный* в наши дни радикально изменило знак своей оценки – минус на плюс. Исходное слово *амбиция* в Словаре Кузнецова толкуется как: 1. обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение, 2. претензия, притязания на что-л., а *амбициозный* – «наполненный самомнением, полный амбиций; вызываемый ими». «Амбициозность» стала положительным качеством современного человека, потому что только амбициозный человек может добиться успеха, т. е. стать успешным. Это качество ставится в один ряд с умом и талантливостью: *В результате амбициозный, способный человек предпочел улететь за две с половиной тысячи миль и пополнил армию врагов своего государства* (КП, 08.04.2014); *Он очень амбициозный и талантливый человек, нацеленный на расширение своего бизнеса* (РБК Дейли, 29.11.2014). Судя по частотности сочетаний, этим качеством отличаются спортсмены – хоккеисты и футболисты. Слово *амбициозный* значительно расширило свою сочетаемость и служит оценкой не только людей, но и проектов, планов, конкурсов.

Неожиданно изменило вектор своей оценки и расширило сочетаемость слово *агрессивный*, которое в Словаре Кузнецова толкуется как: 1. относящийся к агрессии, 2. склонный к нападению, враждебный, неприязненный, наступательный. В современных печатных СМИ формируется несколько расширенное значение, сохраняющее сему «наступательности», но утрачивающее сему «враждебности и неприязненности». При этом оценка относится не только к человеку или животному, но и распространяется

на предметы и явления: *Если Коломойский перестанет спонсировать их, то агрессивный патриотизм этой компании сразу угаснет* (Изв., 06.01.2014); *Резкий, дерзкий, стремительный, агрессивный дизайн – вот описание новинки от Volvo* (РБК Дейли, 23.12.2013); *Мы будем строить игру через агрессивный стиль* (Изв., 24.07.2013); *Политика ЦБ направлена на сдерживание займов без залога, агрессивный рост которых возобновился после кризиса 2008–2009 годов* (Изв., 08.12.2014).

Оценочные прилагательные могут возникать не только в процессе лексико-семантических изменений, но и в результате словообразования. К словарным новшествам можно отнести прилагательное *карьерный*, которое в словарях не зафиксировано. Материалы газет свидетельствуют о самой широкой сочетаемости, позволяющей наметить круг объектов, характеризующихся признаком «карьерности». Прежде всего выделяются разнообразные виды движения по карьерной лестнице: *Госслужащий всего за несколько месяцев совершил мощнейший карьерный «тройной прыжок»: министр, вице-премьер, премьер* (Совершенно секретно, 05.05.2014); *Крутой карьерный вираж Евгений готовил последовательно и ответственно* (КП, 17.02.2015); *Аркаша решительно бросил этот бессмысленный карьерный бег, а заодно и медицину* (Гр. Горин. Иронические мемуары. Театр. жизнь, 2013, № 13); *Более интересен карьерный шаг, который сделал еще один ученик Касьянова Олег Буклемишев* («Газета», 17.08.2013); *То был крупный карьерный взлет минимум через две ступени административной табели* (Репортер, 26.10.2012). Сюда можно добавить сочетания *карьерный путь*, *карьерный рывок*, *карьерный скачок*. Прилагательное *карьерный* может характеризовать и человека, но в таком случае мотивация несколько затуманивается: *Впрочем, как карьерный госчиновник, Касьянов в отношениях с президентом предельно аккуратен* (Совершенно секретно, 05.05.2003); *Коновалов, как и его предшественник, карьерный прокурор* (Русский репортер, 2008, № 18); *Карьерный дипломат, в совершенстве знающий тайский язык..., руководил мною во время поездки* (Искусство кино, 30.06.2013). Значение прилагательного в приведенных сочетаниях, видимо, можно сформулировать как «состоящий на государственной службе, имеющий должность, работающий в определенной структуре, назначенный сверху». Это подтверждается примером: *Есть два вида политиков: карьерный и выборный* (Приморье, 29.08.2013). Стремление

современного человека сделать карьеру сопровождается определенными психологическими состояниями или факторами: *карьерный стимул, карьерный настрой, карьерный задор, карьерный шанс, карьерный тьюторинг* (психологическое сопровождение карьеры). Необычайная активность слова *карьерный* объясняется важностью для современного человека самого понятия «карьера», которое связано с наличием работы, возможностью служебного роста, недаром в объявлениях, содержащих предложение работы, пишут: «Возможен карьерный рост», «Хороший заработок. Карьера. Социальный пакет». Высокая частотность прилагательного *карьерный* связана с актуализацией исходного слова *карьера*, которое в постсоветское время сменило оценку со знака минус на знак плюс. Как известно, слово *карьерист* в советское время имело исключительно отрицательную коннотацию, а само слово *карьера* – осудительный характер.

Образованию новых прилагательных с суффиксом *-н-* не мешает наличие слов с другими суффиксами, например, *элитный – элитарный, комфортный – комфортабельный, проблемный – проблематичный*. На слове *элитный* мы уже останавливались. Что касается пары *комфортный* и *комфортабельный*, то в словарях они семантически разведены, и по употребительности сейчас побеждает *комфортный* со значением «удобный, удовлетворяющий потребностям, доставляющий приятные ощущения»: *Это очень приятный и комфортный автомобиль* (РБК Дейли, 26.06.2014); *После двух встреч дома и на выезде «пингвины» имели очень комфортный счет 3:1* (КП, 15.05.2014); *В Ханты-Мансийском автономном округе существует максимально комфортный режим налогообложения нефтяников* (Изв., 05.06.2014). Конкуренция слов *комфортный* и *комфортабельный*, как показывают следующие примеры, складывается в пользу первого: *Это один из лучших катков в мире, он очень уютный и комфортный* (КП, 13.01.2014); *Такой мягкий, комфортный, добротный и основательный интерьер еще поискать* (КП, 17.12.2015).

Чрезвычайно широкое распространение и практически неограниченную сочетаемость приобрело прилагательное *проблемный* на фоне угасающей активности синонима *проблематичный*. Между тем в словарях у него фиксируется вполне определенное значение: содержащий проблему, исследующий проблему: *проблемная статья, проблемный доклад, проблемная лаборатория, проблемная группа*. Современное употребление этого прилага-

тельного свидетельствует о значительном расширении и даже расплывчатости его значения, что в свою очередь связано с расширением семантики базового слова «проблема», которая в современной речи вышла далеко за пределы словарных значений. Проблемой называют любое затруднение, помеху, неполадки, неприятность, недостаток, дефект. *До лазерного пилинга за 2-3 недели наносить ежедневно на проблемный участок крем Фото-дерм Лазер* (Красота. Здоровье. Отдых, 2005, № 7); *А не нарваться на проблемный двигатель при покупке поможет диагностика с использованием эндоскопа* (За рулем, 15.03.2014); *Для центра Калининград по-прежнему регион проблемный* (Изв., 24.07.2013).

Таким образом, оценочные прилагательные, появившихся в различных речевых сферах в последние десятилетия, отражают изменения, происходящие в современном российском обществе. Во-первых, они рисуют идеал делового человека: амбициозного, успешного, карьерного, во-вторых, выявляют отдельные признаки современной экономики, культуры, состояния общества. Судьбу этих слов трудно предсказать, поскольку на их появление влияет языковая мода. Лингвистические характеристики рассмотренных прилагательных: диффузная семантика, нестрогая словообразовательная мотивированность, безграничная сочетаемость – скорее всего не будут способствовать их закреплению в языке.

Библиографический список

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Знак ; Языки славянских культур, 2008. 232 с.

Кузнецов, 2006 – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2006. 1536 с.

Левонтина И. Б. Об изменениях в языке в эпоху перемен // Русский язык. 2010. № 7. С. 29–33.

МАС, 1984 – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Рус. яз. 1984. Т. 4. 794 с.

Новиков Вл. Словарь модных слов. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 256 с.

А. И. Матяшевская

УПОТРЕБЛЕНИЕ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ГАЗЕТЕ «НОВАЯ ВЕРСИЯ»

В данной статье анализируются некоторые факты употребления сниженных слов и выражений в газете «Новая версия». Выявлены источники, условия и функции такого использования. Насыщенность газетного текста сниженными словами и выражениями становится привычной для читателей, формирует речевую моду, тем самым негативно влияя на состояние русского языка.

Ключевые слова: медиалингвистика, язык СМИ, сниженная лексика, речевая культура, нарушения нормы.

A. I. Matyashevskaya

THE USAGE OF SUBSTANDARD VOCABULARY IN THE RUSSIAN NEWSPAPER «NOVAYA VERSIYA»

The article presents the analysis of some examples of substandard vocabulary in Russian newspaper «Novaya Versiya». The sources, conditions and functions of its usage are identified. The newspaper that is filled with substandard vocabulary becomes familiar to its readers, it affects the trends in speech and thus has a negative impact on the Russian language as a whole.

Key words: mediallynguistics, media language, speech culture, substandard vocabulary, violation of the norm.

Средства массовой информации активно воздействуют на формирование убеждений, мышление и поведение членов общества. Кроме того, они влияют на состояние речи населения [Солганик, 2012]: для одних – как образец для подражания, для других как неосознанное закрепление в сознании часто употребляемых слов, которые в результате становятся модными. В настоящее время лингвисты отмечают интенсивные процессы стилистической контаминации в средствах массовой информации [Кормилицына, 2015], поэтому особенно актуальным становится вопрос о допустимости и целях употребления сниженных слов и выражений журналистами.

Материалом для данной статьи послужили отдельные номера интернет-версии федерального выпуска еженедельной газеты «Новая версия» за 2015–2016 годы. Газета позиционирует себя в качестве трибуны для независимых журналистских расследований, что позволяет авторам свободно высказать собственную точ-

ку зрения (как оппозиционную, так и проправительственную). Соответственно, значительная часть публикаций приходится на авторские колонки, в которых журналисты, затрагивая острые проблемы, нередко позволяют себе резкие выражения, выходящие за пределы этики и литературного языка.

Сниженные элементы выделялись нами на основе словарей под редакцией Н. Ю. Шведовой [Шведова, 2007], под редакцией С. А. Кузнецова [Кузнецов, 2004], словарей жаргонов В. С. Елистратова [Елистратов, 1994], Т. Г. Никитиной [Никитина, 1998], О. П. Ермаковой, Е. А. Земской и Р. И. Розиной [Ермакова, Земская, Розина, 1999], а также «Словаря модных слов» Вл. Новикова [Новиков, 2016]. Помимо словарных помет, для выбора сниженных слов мы руководствовались собственной лингвистической интуицией и мнением других носителей языка.

Контактоустанавливающая функция сниженной лексики, являющаяся одной из наиболее значимых в рассмотренных нами ранее газетах [Матяшевская, 2014], закономерно присутствует и в материалах «Новой версии». Чтобы установить и укрепить доверие к себе читательской аудитории, журналисты издания активно используют слова и обороты разной степени сниженности. При этом действие риторической категории разговорности [Сиротина, 1998; Иванчук, 2004] многократно усиливается включением в текст статьи инклюзивных местоимений: *В чудные времена мы живём, господа. Времена, когда не сбываются любые прогнозы и обещания. А те, что сбываются, **приводят в оторопь** (разг.; 25.07.2016); *За что ж наказывать доставщиков товаров? Ведь они эту переплату в конце концов **повесят** (разг.) **на нас**, и оплатим все новые сборы именно **мы** – из собственного кармана!* (09.11.2015); *А вот если сократить штат чиновников, то можно прилично сэкономить и поднять пенсии и пособия. А если ещё развить производство, сельское хозяйство и обеспечить тотальную занятость... **Эх, заживём круче** (разг.) **Швейцарии!*** (08.02.2016); постоянных обращений к аудитории: *Претензии к Moody's, S&P и Fitch предъявляли и продолжают предъявлять многие страны. Ну а про оценки России уже и говорить нечего. Изменения в рейтингах почему-то всегда подозрительно совпадают по времени с громкими заявлениями Госдепа США. И это не рейтинги – это какая-то экономическая война. Так что все экономические **вздохи и сопли** (разг.) на тему «интегрированности в мировую экономику» **вы** лучше оставьте агентам. Тем, которые иностранные на нашей территории* (07.12.2015); *Новый**

усовершенствованный состав, закупленный, разумеется, за границей, будет добираться от Москвы до Берлина аж 19 часов! Справедливости ради отметим: это на несколько часов меньше, чем в данный момент. Но, **положа руку на сердце** (разг.), **признайтесь**: а так ли уж принципиальна подобная экономия времени для тех, кто готов потратить почти сутки на дорогу, занимающую на самолёте меньше трёх часов? (18.11.2015), а также возможных реплик читателей: Три рейтинговые компании так называемой большой тройки – Standard & Poor's (S&P), Fitch и Moody's – грозят существенно сократить бизнес в России или даже свернуть его. **Что это за звери такие?** (разг.) Это компании, которые на основании каких-то данных выставляют оценки странам и другим крупным фирмам (07.12.2015); Вместе со вздохом облегчения у публики родилось новое сомнение – уж больно объявление напоминало рекламу. **Не дураят** (разг.) ли **нашего брата** (разг.) ради повышения капитализации? Ответ пришёл на следующий день: **дураят** (разг.; 08.08.2016). При этом сниженная лексика в данном случае призвана убедить читателя в том, что автор прекрасно осведомлён в описываемой им ситуации и проблеме, и воззвать к здравому смыслу: Авторы этой инициативы считают несправедливым, что на домашний арест согласно действующему законодательству распространяются те же сроки зачёта наказания, что и на заключение в следственном изоляторе. **Ой, что делается?! А может, дойдём и до того, чтобы день в «крытке»** (жарг.), **то есть в камере**, как раньше, приравнивался бы к двум дням на зоне? (02.03.2016).

Колумнисты «Новой версии» постоянно подчёркивают то, что делятся с читателями своим собственным мнением: **Я слышу следующие вещи: вот ещё налог, ещё налог, потом ещё налог. Штрафы – с юридических лиц 100 тыс., а с тебя, дурака** (разг.), **всего 5 тысяч. А за это будут отнимать права. За это на год, а за это пожизненно. Не отдашь права – не выпустят за границу. То есть я чувствую, что я окончательный подонок** (груб. разг.) **и сукин сын** (груб. разг.; 30.11.2015); Экономика России может ежегодно расти на 10%. **Что смеётесь?** Это сказал омбудсмен по правам предпринимателей Борис Титов на заседании Столыпинского клуба. <...> **Я могу развить эту мысль. Рост 10% в год российской экономики возможен, если всё правительство брякнется** (разг.) **затылком о бетонный пол** (26.10.2015); **Остаётся недоумевать: почему у нас в регионах нет ни одного громкого уголовного дела по мошенникам-дорожникам, которые регулярно**

ещё и фонды на ремонт своего сделанного **тяп-ляп** (разг.) дорожного полотна **выбивают** (разг.)? И что, чиновники в администрации областей, выделяющие им деньги, тут ни при чём (разг.)? И прочие ревизоры и проверяющие тоже? **Боже упаси** (разг.), не призываю к репрессиям (11.07.2016).

Тем не менее иногда журналисты газеты готовы противоречить столь важным для них читательским убеждениям: *Сделала интервью с хорошим врачом из хорошей городской больницы. В редакции оборвали телефон: «Врачи с пациентов деньги дерут, а вы с ними в сговоре!» О взятках врачей сейчас модно рассуждать. **Дескать** (разг.), без денег с вами никто даже разговаривать не будет. Знаете, достало (разг.; 22.07.2015).*

В других случаях, используя вышеназванные риторические приёмы, журналисты пытаются заинтересовать читателей, сделать их участниками совместных рассуждений, часто при этом навязывая однобокое рассмотрение вопроса и заставляя следовать своей собственной логике: Мне кажется, у нас полный консенсус с властью. Мы хотим, чтобы Россия была клёвая (молод. жарг.), *чтобы её все уважали и чтобы у людей тоже всё было клёво* (молод. жарг.). *Больше нам ничего не надо* (07.12.2015); *С одной стороны, мы знаем, насколько мудры женщины по жизни* (разг.). *<...> Но, с другой стороны, мы видим, что многие женщины, оказавшиеся наверху, дуры* (разг.). *Они предлагают какие-то глупости, какие-то рюшечки* (разг.; 14.03.2016).

На страницах «Новой версии» сниженная лексика находит широкое применение и в качестве проявления коммуникативной категории «свой – чужой» [Хорошая речь, 2007]. Противопоставление честных людей (читателей и журналистов) и власти находим в следующих примерах: это и несколько пренебрежительное отношение руководства Центробанка и правительства к гражданам как к неразумным детям: *То есть на самом деле Банк России справедливо считает, что граждане Российской Федерации – дети. Не ведающие, что творят. А правительство – мудрые взрослые. И поэтому они должны следить за нами, как за детьми, чтобы мы не тянули в рот что попало, не брали всюду эти микрокредиты. Дети мы – неправомочные и недееспособные. <...> Значит, нам не надо давать денег, потому что мы **нашкодим** (прост.) что-нибудь не так. <...> Зачем нам деньги? От денег одна **школа!** (прост.; 11.07.2016); и разное исполнение законов для простых людей и состоятельных бизнесменов: *Оказывается, у нас банкротство банка вовсе не влечёт за собой неприятных**

последствий для его собственников и топ-менеджеров. Вот вы, например, задолжаете несколько десятков тысяч рублей по штрафам за нарушение правил дорожного движения – и **помажете ручкой** (разг.) всяким Таиландам, за границу вас просто не выпустят (01.02.2016); Следствие прекратили, уголовное производство закрыли, а Сердюкову даровали государственную охрану и машину с «мигалкой» (разг.). Пожизненно, как постоянному члену Совбеза, хоть и бывшему. «Несправедливо!» – бушевала общественность, да **что толку-то** (разг.)? **Как ни в чём не бывало** (разг.), уже не министр Анатолий Эдуардович, а просто **Толлик** (разг.) **рассекал** (разг.) по Москве на добротной машине со спецсигналами, и протесты широкой общественности были ему в целом **до лампочки** (разг.; 02.11.2015); и шокирующие население инициативы далёких от реальной жизни чиновников и членов правительства: Конкретно: отныне Минсельхоз «в целях предотвращения заразных болезней» требует ставить на учёт животных. <...> Например, фермеры уже интересуются, каким образом им надо будет идентифицировать и ставить на учёт кроликов. Ведь они, **мерзавцы** (груб.), плодятся быстро, так же споро растут и отправляются кто на котлеты к ужину, кто на воротники. По каждому **ушастому** (разг.) подавать свидетельство о безвременной кончине? Если нет, то к чему вся эта бумажная **катавасия** (разг.)? Если да – проще сразу забить весь выводок, потому что **утонешь** (разг.) в отчётах и справках. <...> В общем, вопросов много. В том числе и для чего вообще затевается всё это безумие, которое, неучтённому ежу понятно (разг.), работать не будет никогда и ни за что (20.06.2016).

Благодаря образности и ёмкости своего значения, разговорные выражения позволяют журналистам наиболее полно и ярко дать оценку описываемой ситуации: До выборов осталось полгода, но заявленное объединение несистемной оппозиции так и не состоялось. Каждый **тянет одеяло на себя** (разг.), а в итоге, как и раньше, **останутся у разбитого корыта** (разг.; 05.04.2016); Верховный суд Карелии признал не соответствующей действительности и обязал опровергнуть часть текста статьи местной газеты, которая содержала две русские пословицы. А именно: «Закон, что дышло, куда повернёшь, туда и вышло» и «Законы святы, да законники лихие супостаты». Та часть текста, где приведены эти народные мудрости, признана судом порочащей честь МВД. <...> На самом деле МВД получило судебное решение о том, что **рыльце у них в пушку** (разг.; 22.02.2016); Патриарх

Кирилл определил духовным покровителем Следственного комитета России архангела Михаила. <...> В этой новости меня смущает глагол. Патриарх Кирилл определил – и архангел Михаил берёт под козырёк? (разг.; 22.08.2016).

Оперируя разговорными лексемами, журналисты получают возможность говорить о сложном подчёркнуто просто, убедительно и авторитетно: *А во главе Америки может стоять **идиот** (разг.), потому что Америка – это как табуретка на множестве ножек, которую невозможно уронить, она стабильна. Есть страны стабильные, наполненные обществом, живым творчеством бизнеса, живой традицией, которая не искусственно прививается. Страны, наполненные сдержками и противовесами. Страны, подобные табуретке на множестве ножек – не на четырёх, а на 30, на 50 ножках табуретка. Вот этими странами могут управлять **идиоты** (разг.). А Россией может управлять только гений. Если её лидером окажется **идиот** (разг.), Россия станет как табуретка на одной ножке и попросту упадёт (18.07.2016).* Журналисты «Новой версии» нередко используют сниженность речи для критики власти как бы «от народа»: *Посыл сюжета таков: в Сирии у нас уже почти Афганистан, солдаты как мухи мрут (разг.), а в Кремле заврались (разг.) и пора бы уже россиянам восстать (15.08.2016).* Однако иногда такая подчёркнутая простота и обиходность выбранных слов не соответствует предмету обсуждения и может вызвать негативную реакцию читателей: *Креститься щепотью, как говорили старообрядцы – **кукишем** (прост.), это тоже решение, которое пришло из Греции вместе с украинскими священниками. Они **охмурили** (разг.) патриарха Никона в Москве. **Парень** (разг.) он был нижегородский, Никон, а пришли украинские священники после унии и ему **лапши повесили** (разг.), что надо как в Греции (18.01.2016).*

Журналисты «Новой версии» нередко злоупотребляют модными в настоящее время диффузами: *Ровно 20 лет назад в Минске вышла книга американского журналиста Петера Швейцера. Называлась она ехидно и коротко – «Победа». <...> Самая **фишка** (модн. разг.) в том, что любителям теорий заговоров вроде масонского следа и «плана Даллеса» «Победа» точно не понравится (30.11.2015); В Якутии отставнику возмещается среднерыночная стоимость жилья общей площадью не более 200 квадратных метров либо выплачивается компенсация за аренду. То есть, если он не купил квартиру, а просто снимает, администрация платит за аренду. <...> Но это же какая-то **жесть** (модн.*

разг.; 16.11.2015); *Вечером в понедельник 18 июля в Баварии 17-летний афганец напал с топором на пассажиров поезда и **порубал** (разг.) не менее 15 человек. Это не тот, который в Ницце – внимание, чтобы вы понимали! – а это уже новый. Это не тот, который переворот в Турции, нет. Это не тот, который переворот в Казахстане. И не тот, который переворот в Ереване. У нас каждый день какой-нибудь **прикол** (модн. разг.). Ни дня без **прикола** (модн. разг.; 25.07.2016).* При этом не всегда модный диффуз употреблён удачно – вряд ли можно назвать приколом ранение и гибель людей: в «Словаре модных слов» Вл. Новикова *прикол* определяется как «шутка, розыгрыш, комическая история, смешной речевой оборот, каламбур, хохма, пародия, неожиданный выпад, эпатаж» [Новиков, 2016: 218].

Рассматривая заголовки публикаций «Новой версии», можно сделать вывод о том, что включение в их состав сниженной лексики – явление довольно редкое; тем не менее подобные примеры всё же время от времени встречаются. Приведём лишь один из них, в котором считаем языковую игру (обыгрывание созвучия названия турецкой атомной станции и легко восстанавливаемого обценного глагола) для выражения возмущения неоправданной с точки зрения экологии языка: *Аккуеть! Атомную станцию «Аккую» в Турции построят на наши деньги* (22.08.2016).

Многие лингвисты (О. Б. Сиротина, Г. Я. Солганик, А. Мустайоки) говорят о возросшем субъективизме, усилении авторского начала публикаций как о глобальной тенденции в современном периоде развития медиатекстов. Сниженная лексика помогает журналистам вести непринуждённый, доверительный разговор с читателями, убеждая их в искренности авторских слов и неподдельном возмущении несправедливостью. Тем не менее постоянное тиражирование грубых сниженных слов в российской прессе, в том числе и в материалах «Новой версии», делает их модными среди читателей, что, в свою очередь, неизбежно ведёт к «обеднению, деградации русского языка» [Сиротина, 2013].

Библиографический список

Елистратов В. С. Словарь московского арга : материалы 1980–1990 гг. М. : Рус. словари, 1994. 700 с.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались : Толковый словарь русского общего жаргона : Ок. 450 слов / под общ. руководством Р. И. Розиной. М. : Азбуковник, 1999. 320 с.

Иванчук И. А. Риторическая категория разговорности в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры : её специфика и функции // Вестн. ТГПУ. 2004. № 1. С. 5–11.

Кормилицына М. А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 23–37.

Кузнецов 2004 – Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М. : Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.

Матяшевская А. И. Сниженная лексика в СМИ : классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 213 с.

Никитина Т. Г. Так говорит молодежь : Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 592 с.

Новиков Вл. Словарь модных слов : Языковая картина современности. М. : Словари XXI века, 2016. 352 с.

Сиротинина О. Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка : к 45-летию науч. деятельности Е. А. Земской. М. : Наследие, 1998. С. 348–353.

Сиротинина О. Б. Русский язык : система, узус и вызываемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.

Солганик Г. Я. Лингвистика речи в настоящем и будущем // Лингвистика речи. Медиастилистика : кол. монография, посвященная 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М. : Флинта ; Наука, 2012. С. 8–21.

Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

Шведова 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

2. ОТДЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.161.1'42+811.111'42

Е. Ю. Викторова

СПЕЦИФИКА РУССКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УПОТРЕБЛЕНИЯ В НЕЙ ДИСКУРСИВОВ (опыт сравнения русского и англоязычного научного дискурса)

В статье анализируются такие свойства научной речи, как персональность / анонимность, адресованность (диалогичность) и категоричность / некатегоричность сквозь призму употребления в ней дискурсивно-регулятивов. Делается вывод о меньшей персонализированности, интерактивности и адресованности русской научной речи по сравнению с английской, которая характеризуется подчёркнутой диалогичностью, толерантностью к адресату, сильным авторским началом.

Ключевые слова: научная речь, научный стиль, дискурсивные слова, дискурсивы, некатегоричность, русский язык, английский язык.

SPECIFICITY OF RUSSIAN ACADEMIC DISCOURSE THROUGH THE LENS OF DISCOURSE MARKERS' USE IN IT (a comparative analysis of Russian and English academic discourse)

E. Yu. Viktorova

The article presents the analysis of such properties of academic discourse as its personal / anonymous and hedging / boosting nature, addressee orientation through the lens of discourse markers' use with regulative functions in it. It is concluded that Russian academic style is less personalized, less interactive and addressee oriented than English academic style which is dialogical, tolerant to the addressee and possesses a strong personal / individual touch.

Key words: academic discourse, academic style, discourse markers, hedging, the Russian language, the English language.

Научная речь является, пожалуй, наилучшим материалом для изучения функционирования дискурсивов – единиц вспомогательного характера, основное предназначение которых состоит в оказании помощи адресату и адресанту на разных стадиях создания, реализации и восприятия дискурса. Дискурсивы передают информацию дискурсивно-прагматического характера, направ-

ленную на организацию дискурса и речевого контакта, самовыражение автора и взаимодействие его с адресатом [Дискурсивные слова, 1998, 2003; Сиротинина, 2005; Андреева, 2005; Викторова, 2016a и др.]. В современной лингвистике существуют и другие подходы к изучению подобных единиц (подробнее анализ разных подходов см. [Викторова, 2016a]), а также другие термины для их обозначения: например, метатекстовые единицы [Харламова, 2000; Кормилицына, 2008].

В дискурсивах в ёмкой и лаконичной форме реализуются все свойства научного стиля речи: отвлечённо-обобщённость (или абстрагизация), подчёркнутая логичность, нормированность, понятийная точность, ясность и объективность, а также последовательность, логизированная оценочность и некатегоричность изложения [Современная русская устная научная речь, 1985; Функциональные стили, 1993; Кожина, 1972, 2003; Котюрова, 2009; Котюрова, Тихомирова, Соловьёва, 2011]. Дискурсивы – особые вербализованные средства организации научного дискурса, которые используются как эксплицитные пометы примененных дискурсивных приемов и операций. Таким образом, они в полной мере соответствуют логически четкому и потому экономному, лаконичному построению научного дискурса, они сопровождают любое рассуждение, доказательство автора, любую логическую операцию или фрагмент научного текста. Использование дискурсивов является одним из неперемных условий создания хорошего научного текста [Хорошая речь, 2001].

В научной речи дискурсивы стереотипны и атематичны, их выбор практически не зависит от основного содержания информации, их состав не зависит от конкретной научной, терминологической или иной области знаний. Дискурсивы выступают в роли «универсальных коммуникативно-прагматических средств речевой организации научного знания» [Баженова, 2007]. Таким образом, своеобразие и индивидуальность использования дискурсивов в научном дискурсе значительно ограничены и стремятся к строгой регламентации [Хорошая речь, 2001] и инвариантности в своём употреблении [Большакова, Баева, 2004].

Несмотря на предельную системность и строгость научного стиля при использовании дискурсивов, мы можем наблюдать градуальный характер некоторых его стилевых черт (обобщённость, отвлечённость, подчёркнутой логичности, диалогичности и др.), характерный для всей системности научной речи, когда под воздействием некоторых факторов данные стилевые черты могут

быть выражены с разной степенью интенсивности [Котюрова, 2009; Чернявская, 2011]. Градуальность стиливых признаков научной речи очевидна не только в разных подстилях, жанрах научного дискурса, в видах и формах научной речи (устной / письменной, диалогической / монологической), но и при сравнении разных лингвокультур.

Данная статья посвящена исследованию специфики русского научного дискурса и проявления в нем указанных стиливых признаков с точки зрения использования в нем различных типов дискурсивов, напрямую связанных с этими признаками. Поскольку лингвокультурная специфика речи может быть лучше всего показана с помощью сравнения разных языков и культур, исследование проводилось на материале устной и письменной научной речи на русском и английском языках. Исследовались научные статьи по лингвистике, физике и медицине, тексты лекций по биологии, физике, химии, психологии, истории, литературе, интервью с учёными разных специальностей, научные обсуждения (обсуждение и защиты диссертации, заседание сектора).

В фокусе нашего исследования находятся проявляющиеся в той или иной степени в русском научном дискурсе следующие признаки научного стиля (некоторые из них представлены в виде антиномий): персональность / анонимность, адресованность (диалогичность), индивидуальность / коллективность, категоричность / некатегоричность.

Функции, которые выполняют дискурсивы, можно условно разделить на две большие группы. Первая группа функций ориентирована на обеспечение связности, логичности, целостности, последовательности дискурса, т. е. на его организацию; поэтому дискурсивы, выполняющие эти функции, называем дискурсивами-организаторами. Вторая группа функций нацелена на выражение мнения, оценки, отношения автора и на связь автора с адресатом. Дискурсивы, ориентированные на эти функции, относим к дискурсивам-регулятивам (подробнее см. [Викторова, 2016a]). Поскольку отобранные и заявленные выше признаки научного стиля связаны с регулятивными функциями дискурсивных единиц, то в данной статье речь пойдет в основном о дискурсивах-регулятивах.

Признак авторизованности, персональности речи мы связываем с использованием в ней авторизующих дискурсивов, содержащих самоупоминание автора и выражающих его мнение (естественно, этот признак реализуется и через использование основ-

ных коммуникативных единиц, передающих фактуальную информацию): *я думаю; я считаю; мне кажется; я убежден*. К авторизирующим синкретичным дискурсивам, одновременно передающим и основную (фактуальную) информацию, и вспомогательную (дискурсивно-прагматическую), относим авторизирующие конструкции с названием действия, совершенного или совершаемого автором. Действие может быть ментального характера (*считаем возможным; мы понимаем; попытаемся проследить*) или связано с описанием исследования: *мы исследовали; мы получили; мы применили; нами использовался*. Кроме того, действие может носить и перформативный характер, т. е. предварять совершаемые автором логические операции: *отмечу; приведу примеры; сравним; подведем итоги*. Авторизирующие конструкции могут быть и безглагольными: *на наш взгляд; с нашей точки зрения; по моему мнению*. Синкретичность авторизирующих конструкций проявляется в том, что, с одной стороны, они сообщают о совершённых в процессе исследования действиях ученых, а с другой стороны, усиливают личностную направленность научного изложения, подчёркивают не только личный вклад авторов статьи в проведенное исследование, но и их ответственность за свое исследование и за достоверность полученных результатов.

Приведем примеры использования авторизирующих конструкций из исследованных научных статей. Эксплицитное *мы* или *нам* (*нами*) в нашем материале чаще употребляются лингвистами: ***Мы предполагаем***, что на этапе замысла РД в сознании говорящего существует минимально расчлененный образ результата, который может быть описан как целевая установка; В целях систематизации описания ***мы*** условно ***выделяем*** в замысле РД программные блоки; ***Мы вынуждены*** отказаться от этого обозначения. В статьях физиков и медиков преимущественно употребляются авторизирующие конструкции определенно / неопределенно личного типа без *я / мы*: Кратко ***остановимся*** на случае, когда ...; Используя асимптотическое представление (5), ***запишем*** волновую функцию электрона <...> в виде (формулы); После интегрирования в (19) по углам ***находим*** ...; В линейном приближении в формуле (18) взаимно уничтожаются, и ***получаем*** ...; Итак, ***обратим*** внимание, что термин «полимер-диспергированный жидкий кристалл» неадекватно отражает наличие двух типов ПДЖК (из статей по физике); Для расчета индекса ***определяли*** дерматологический индекс качества жизни; Корреляционный анализ ***проводили*** с помощью критерия Спирмена (из статей по медицине).

Авторизующие дискурсивы содержат личное или притяжательное местоимение 1-го лица или форму глагола в 1-м лице. Условно назовем и конструкции с местоимением, и без него *я / мы*-конструкциями. В русском научном дискурсе это традиционно местоимение множественного числа *мы / наши* (в случае единичного авторства это в большинстве случаев так называемое *Pluralis modestiae* [Дённингхаус, 2003]). Превалирование *мы*-конструкций над *я*-конструкциями в русских научных статьях объясняется не только традицией, но и тем, что часто статьи пишутся коллективом автором, особенно у физиков и медиков. Однако *я*-конструкции в нашем материале тоже встречаются, например, в речи докторов наук, известных ученых: **Отмечу**, что...; **Приведу** еще одну сентенцию; **На мой взгляд**, здесь уместно сравнение ...; **Приведу** пример из статьи М. Соколова. Что интересно, в той же статье лингвиста, из которой взяты данные примеры, встречаются и конструкции мн. ч.: **Обратим** внимание на гендерную маркированность подобных реакций; **Отметим** в этой связи очень важное наблюдение И. Н. Горелова; **Приведём** примеры некоторых типов коммуникативной тональности; **Приведём** интерпретацию одного из афоризмов; **Подведём** основные итоги. Создаётся впечатление, что учёный не обращает особого внимания на число в глагольных конструкциях; с одной стороны, он, употребляя *мы*, следует научной традиции, а с другой, используя ед. ч., пытается рассуждать сам лично; и эти конструкции в тексте статьи перемежаются произвольно. Характерно, что и в случае *мы*-, и в случае *я*-конструкций местоимение как правило не употребляется, используются свойственные русскому языку односоставные определённо-личные предложения. В этой же статье нам встретились *мы*-конструкции инклюзивного типа, подразумевающие и автора, и читателя: **Представим** себе ситуацию...; **Всё, что мы воспринимаем** в конкретной коммуникативной ситуации, **мы трактуем** как обычную информацию; **Сравним**. Последняя форма (часто в виде аббревиатуры *ср.*) почти всегда инклюзивна.

Данные конструкции, как считает Е. А. Баженова, можно назвать мыслительно-активизирующими операторами: они управляют вниманием адресата, вовлекают читателя в научное изложение, активизируют его внимание на самых важных компонентах содержания и членят содержание текста [Баженова, 2007]. По мнению Н. К. Рябцевой, в инклюзивных *мы*-конструкциях субъектом ментальных рассуждений является не только автор, но и адресат. У

читателя создается ощущение, что он вместе с автором проходит все этапы научного повествования и принимает участие в описываемом исследовании [Рябцева, 1992].

В русских статьях вместо конструкций с *я* или *мы* для описания своих действий часто используются пассивные конструкции, безличные или односоставные предложения (редко с местоимением 1-го лица в косвенных падежах): *Все пациенты были разделены на 2 группы; Требуется уточнение клинической эффективности инвазивной тактики лечения; Для расчета индекса определяли дерматологический индекс качества жизни; Применяли методы описательной статистики с вычислением средней арифметической (M); Нами использовался режим работы аппарата с излучателем ЛК-6* (из статей по медицине). Именно такие «обезличенные» формы в русской письменной научной речи предпочитают и даже рекомендуются для использования, видимо, потому, что они напрямую реализуют отвлечённо-обобщённый характер научного стиля.

По сравнению с английскими, русские авторизирующие дискурсивы в исследованном материале являются **в два раза более редкими**, т. е. английская научная речь производит впечатление гораздо более персонализированной, чем русская. Русская научная речь чаще демонстрирует сознательную «анонимность», обезличенность передаваемой информации. В ней намного более частотными являются безличные конструкции (*представляется, предполагается, понимается, думается*), односоставные страдательные обороты (*исследовано, проанализировано, показано, доказано*) или обороты с предикативами (*надо / можно / следует сказать; уместно вспомнить; важно подчеркнуть*). Все эти конструкции не только обозначают различные стадии рассуждений автора, но и являются сигналами непрямого участия автора в речевом действии, косвенно свидетельствуют о желании автора уйти от ответственности за сказанное или создают (в случае безличных конструкций) впечатление объективной истины сказанного [Кожина, 1972; Лаптева, 1977; Дённингхаус, 2003], что из-за грамматических особенностей английского языка в английской научной речи передать невозможно.

Русские авторы редко упоминают себя; вероятно, это связано и с традициями русского менталитета, и с требованиями русской научной школы. В традиции русской научной школы приветствуется личная скромность, часто упоминать себя здесь не принято; тогда как в англо-саксонской традиции самоупоминания

вполне допустимы и даже желательны. Однако играют роль и свойственные русскому языку синтаксические возможности, отсутствующие в английском языке, в котором из-за отсутствия у глагола грамматических показателей лица (кроме глаголов в наст. врем. 3-го л. ед. ч.) и вытекающего отсюда обязательного использования для выражения лица подлежащего двусоставные предложения составляют абсолютное большинство всех синтаксических единиц [Прибыток, 2006]. Кроме того, известны и современные требования избегать употребления страдательных конструкций в англоязычной научной речи [Day, 1998]. Русский же язык имеет возможности образования односоставных предложений в действительном (*отметим следующее; применяли; приведу примеры*) и страдательном залогах (*исследовано; доказано; рассмотрено*) и безличных конструкций с глаголами (*представляется; отмечается; считается*) или модальными предикативами (*надо сказать; можно подумать*). Примечательно, что дискурсивы, выражающие мнение (*я думаю, мы полагаем, на наш взгляд*), типичны только для русской научной речи, в англоязычной они используются в единичных случаях.

Безличность как особая категория речи и научного стиля в частности становится специальным предметом исследований лингвистов. Так, Ю. А. Лобина определяет безличность как ценность русского письменного научного дискурса и считает, что это свойство письменной формы научного стиля входит в противоречие с присущей русскому национальному коммуникативному стилю персональностью [Дементьев, 2013]. Среди проявлений безличности Ю. А. Лобина видит «вывод» автора из текста: отказ от четкого разграничения результатов своих и чужих исследований, достигаемый введением цитат без соответствующих глаголов речи и нередко даже упоминания фамилий цитируемых и т. д. [Лобина, 2015].

Исследование О. А. Лаптевой показало, что отказ от «ячества» и становление неличной манеры изложения в русской стилистической традиции наблюдается примерно с конца 1920-х гг. [Лаптева, 1977], когда в научной модальности проявляется стремление к «объективированию» собственного я, сглаживание, приглушение личностного начала, выдвигание на первый план задачи раскрытия истины и объективированного изложения без опоры на авторскую личность [Солганик, 2010]. Однако в последнее время нормы письменного научного стиля становятся менее стро-

гими и более вариативными, и всё чаще авторское я начинает выражаться прямо (что мы видели и в нашем материале, но, правда, только в речи докторов наук): на смену безличности и анонимности в научном дискурсе вновь приходит более авторизованное, лично ориентированное изложение, когда фигура автора проявляется в тексте всё отчётливее [Хорошая речь, 2001]. И таким образом русская традиция письменной научной речи постепенно приближается к старым нормам и сближается с англо-американской традицией. В исследованных англоязычных статьях, написанных одним автором, конструкции с *we* и *I* используются примерно в равном количестве, тогда как в современных русских статьях я-конструкции зарегистрированы только у одного автора-доктора наука.

Наряду с признаком персональности / анонимности употребление авторизующих конструкций в единственном или множественном числе определенным образом отражает и категорию коллективности / индивидуальности. Наш материал подтверждает давно известный факт присутствия более сильного коллективного начала в русской речи и индивидуального в англоязычной.

Авторизующие дискурсивы ставят в непосредственный фокус речевой ситуации адресанта. Однако не менее важны дискурсивы, сфокусированные на втором участнике коммуникации – адресате (в ситуации письменного общения – читателе). Учёт фактора адресата и связанный с ним отбор, обработка и способ представления научной информации (как фактуальной, так и дискурсивно-прагматической) является необходимым компонентом любой научной коммуникации. Можно без преувеличения сказать, что на адекватное восприятие речи адресатом, на его ориентацию в пространстве дискурса нацелены все дискурсивы в целом. Но сейчас речь пойдет о тех единицах, которые управляют вниманием адресата непосредственным образом, реализуя категорию адресованности. В нашем исследовании они называются дискурсивами-адресациями. В исследованном письменном научном дискурсе адресации чрезвычайно редки, причём как в русском, так и английском. Это могут быть глаголы-императивы или инклюзивные конструкции: *Итак, по мысли Гумбольдта, язык (читай – дискурсивная деятельность людей) отражает «дух нации»; Обратим внимание на то, что в приведенных текстах представлены не все возможные компоненты фрейма «поездка на маршрутке»; Представим себе ситуацию, когда в кафе или на остановке троллейбуса должны встретиться двое, которые уже*

давно пришли заранее, замаскировались в тени и с огорчением отмечают, что человек, с которым хотелось познакомиться, неприятен внешне (из статей по лингвистике). В английских статьях были отмечены императив *suppose* и предложение *you will note*. Таким образом, ситуация с адресациями в русских и английских статьях одинаковая. Однако в исследованной устной научной речи (лекциях, интервью, научных обсуждениях) и на русском, и на английском языке адресаций намного больше, поэтому их уместно считать дискурсивами, специфическими для устной речи.

В качестве средств адресации используются сигналы коэмпирии, апеллирующие к памяти и знаниям слушателей (*если вы помните; (как) вы (хорошо / прекрасно) знаете; имя вам знакомо; вы понимаете сами*), к их опыту (*как вы видели; как видите; вы видите*), прямые вопросы (*известно ли вам, что ...?; помните?; знаете почему? правильно? хорошо? так я поняла?*), инклюзивные призывы к совместным действиям (*давайте напишем; давайте это изложим и запишем*), императивы (*не забудьте; обратите внимание на следующее; скажите, пожалуйста*), актуализаторы (*так?; да?; правда?; понимаете?*), обращения по имени-отчеству. Использование таких дискурсивов превращает монологические жанры устной научной речи в виртуальный или реальный диалог, в ходе которого говорящий устанавливает и поддерживает непосредственный контакт с аудиторией. Данные средства адресации выполняют очень важную роль в устном научном дискурсе – они создают благоприятную атмосферу, способствуют некоторой интимизации общения, повышают роль говорящего как индивидуума. В такой обстановке слушающий, получая подобные подбадривания и «поглаживания», чувствует себя более комфортно, что, например, в ситуации лекции необычайно важно. Такие дискурсивы, как и авторизирующие конструкции, по типу передаваемой ими информации являются синкретичными: помимо дискурсивной информации, регулирующей отношения говорящего с аудиторией, они передают и важную фактуальную информацию. Кроме того, наряду с ориентацией на слушающего некоторые дискурсивы-адресации выполняют ещё и акцентирующую функцию (*обратите внимание на следующее*), другие – функцию ссылки на знания слушающих (*как вы знаете; если вы помните*).

Приведём примеры использования адресаций разного типа из лекции по физике: *Но вы понимаете сами / что такой процесс / невозможен в природе; Можно ли применить вот это уравнение / и для этой цепочки? Можно / если под a / понимать //*

не только механическую работу / а работу всякого рода электрических сил; Молекулярная физика / как вы видели / определяет значение внутренней энергии; **Обратите внимание / на следующее** // Мы здесь пишем / дельта / а не дэ ку; В этой диаграмме / состояние / как вам известно / определяется точкой; **Еще раз обратите свое внимание / и посмотрите** эту демонстрацию. Из лекции по психологии: У него есть такое / специальная книга / «Walden two» // «Walden two» / **знаете почему? Да?** // **Помните** / была такая классическая книга в американской литературе?; Это очень с самого начала / была механическая концепция // Концепция / которая по существу / сводится к тому / ты есть то // как на тебя действуют / в общем-то / **Понимаете?**

В англоязычной устной научной речи адресации примерно в 1,5 раза более частотны и часто включают в себя не только отдельные глаголы или выражения, но и целые предложения: *you might have come across an example of the latter; I don't know if you've ever seen or heard people talking about ...; I am sure you know this already; let's just remind ourselves ...; which I guess many of you will be familiar with; What do you think is going to happen on that photographic plate? Believe me at this stage; I'd like to ask you to pay attention to ...* (примеры из лекций).

Следует сказать, что в исследованных английских лекциях ощущается особый уровень взаимодействия лектора с аудиторией. Приведём пример из лекции по физике, в котором очень ярко проявляется направленность на адресата: *I'm not quite sure how many of you feel / familiar with / Fourier analysis // Can you just / put your hands up the ones that feel comfortable with it // Have you heard of it before at all? You have // Anybody else? Is it totally new to you / Fourier analysis? Hands up to those that don't know anything about Fourier analysis // Ooh okay // Okay / now / because I wasn't certain / which of you know things and which don't.* Может показаться, что лектор слишком много времени тратит на выяснения, кто из аудитории знаком, а кто нет с анализом Фурье. Однако лектор заботится о том, чтобы его материал был лучше усвоен. Он так подробно выясняет степень подготовки студентов, в том числе и затем, чтобы самому понять, давать или не давать далее дополнительную информацию, как построить ход лекции. В этой лекции и дальше встречаются обращения к аудитории: *The important thing about Fourier coefficients is spatial frequency // **Have you heard that term before / spatial frequency?** Okay // So / now **let's forget the math / and see / in practice what we mean.*** В дискурсивах, выделенных в

этих примерах (выделены здесь не только адресации, но и все дискурсивы, направленные на установление контакта с адресатом), синкретично выражены и фатические значения, и фактуальная информация, и обращенность к адресату, и некатегоричность высказывания, и вежливость.

Большую роль в организации связи адресанта и адресата играют и дискурсивы-фативы. Фативы, ориентированные на контроль контакта с аудиторией и обеспечивающие его непрерывность, в русских лекциях, в нашем материале не зарегистрированы совсем, тогда как в английских их довольно много (*okay; right; oh; yeah; so; then; now*). Приведенный выше пример из лекции по физике, где лектор уделяет много внимания контакту с аудиторией и проявляет о ней заботу, не является единичным в нашем материале. Показателен также фрагмент лекции по литературе, в котором лектор убедительно просит студентов не стесняться и дать ей знать, насколько хорошо они её понимают, не говорит ли она о уже знакомых для них вещах, не говорит ли она слишком медленно и т. д.: *If you don't understand what I'm talking about / you want me to repeat things / or explain it / please wave your hand // Don't worry / if you think that nobody else may be sharing your concern // Just go ahead // Likewise / if I'm going much too slowly / and you think / yeah yeah / we know all of this / just let me know again*. Далее, через какое-то время лектор осуществляет проверку канала связи и уточняет, как идёт процесс восприятия, нормален ли для студентов темп её речи и может ли она продолжать в прежнем темпе: *Okay / how am I doing so far? // Am I going too fast or too slow? // Do you see where I'm going? // Shall I keep going or stop? // Yes / keep going // Okay // Yeah / okay*. В данных фрагментах мы специально не выделяем отдельные дискурсивы, потому что все фразы целиком без исключения ориентированы на контакт с аудиторией и проверку контроля её внимания и понимания.

Все эти средства, кажущиеся на первый взгляд избыточными, тем не менее являются не только типичными, но и обязательными для успешной коммуникации на английском языке. В русской культуре избыточная вежливость не принята, однако это не означает, что русские лекторы менее вежливы, чем английские, хотя в нашем русском материале подобных развернутых обращений к аудитории и настолько эксплицитно выраженного контроля понимания не отмечено. В английской и русской культурах разные уровни вежливости [Ларина, 2009], определяемые разными национально-культурными предпосылками.

Безусловно, приведенные выше примеры являются очень яркими показателями заботы адресанта об адресате и качестве восприятия им авторской речи, но в целом, как уже упомянуто, количественные данные показывают, что дискурсивы-адресации и фативы более типичны для англоязычной научной речи, что так или иначе свидетельствует о более сильно выраженной ее диалогичности и адресованности.

Обратимся еще к одному важному признаку научной речи, определяющему специфику национальной лингвокультуры, – неконфронтативности речи и проанализируем использование дискурсивов повышения / понижения категоричности. В целях более убедительной подачи научной информации ученые демонстрируют, с одной стороны, стремление снять категоричность высказывания, а с другой – стремление сделать его более определенным, несомненным, неоспоримым. Отсюда необходимость и правомерность принципа категоричности научного высказывания, который соотносится с убежденностью автора в верности своей научной деятельности и полученного им в ее процессе результата. Но поскольку любое знание относительно, то категоричность в научной коммуникации следует смягчать, что вызывает широту использования средств выражения митигации (некатегоричности) и их многообразия.

Неконфронтативность научной речи объясняется самой природой научного знания – его относительностью, сложившейся традицией, научным этикетом, а также психологией восприятия, когда читателю предоставляется возможность самому оценить факты, без давления со стороны автора. Научный дискурс имеет дело чаще с гипотезами и предположениями, научной дискуссией и т. д., а не с непреложными фактами, к тому же необъятными в принципе. Некатегоричность в научной речи способствует достижению объективности изложения и выражается во взвешенности оценок в отношении степени изученности темы, эффективности теории и действенности способов решения изучаемой проблемы, степени завершенности результатов исследования, в том числе в отношении упоминаемых в работе и цитируемых мнений других ученых и своих собственных наблюдений. В научной речи автор всегда предполагает возможность несогласия и даже отвержения, опровержения его теории оппонентом, высказывая свои суждения точно, но осторожно. Поэтому научная речь насыщена субъективно-модальными средствами преимущественно со значением допустимости, возможности, неуверенности, сомнения и некатегоричного долженствования.

Неудивительно, что сигналы понижения категоричности в исследованной нами русской и английской письменной научной речи употребляются в два раза чаще сигналов повышения категоричности, т. е. оба языка демонстрируют в научном стиле ярко выраженную тенденцию к некатегоричности. Однако в английских статьях и те, и другие дискурсивы используются **в полтора раза чаще**, чем в русских. Это доказывает, что в англоязычном научном дискурсе авторы особенно часто выражают свое отношение к сообщаемому, демонстрируют свою уверенность и неуверенность, используют разнообразные средства интенсификации и смягчения. Таким образом, более яркая субъективно-модальная составляющая дискурса проявляется в англоязычной научной речи и в употреблении дискурсивов повышения / понижения категоричности.

Некатегоричность подразумевает осторожность, предусмотрительность, заботу об интересах адресата, стремление к согласию, соблюдение принципов кооперативного общения. Дискурсивы, снижающие категоричность, – это единицы, выражающие неуверенность, предположительность, приблизительность, допущение, сомнение и тому подобные модальные значения. Это сигналы не столько неуверенности в чем-то, сколько именно некатегоричности и скромности, поэтому их использование является нормой для научного стиля речи, необходимой частью научной этики. Группа дискурсивов, специализирующихся на понижении категоричности высказывания, состоит в основном из модальных слов и выражений (*видимо; возможно; может быть; (мне) кажется; по-видимому*), модальных глаголов (*мочь*), модального предикатива (*можно*), аппроксиматоров (сигналов приблизительности – *примерно; приблизительно; около; порядка*), маркеров допущения (*пожалуй; допустим*), оценки меры (*в какой-то мере / степени*), сигналов некоторой неопределённости квалификации (*типа; своего рода; как бы; так или иначе*).

Приведём примеры их использования из статей по лингвистике: *В этом плане процесс общения представляет собой динамическое смысловое пространство, которое **можно** смоделировать с помощью шкалы интерпретативной свободы; В первом случае это **может** быть действительно огорчение либо упреждающая манипулятивная стратегия, по Д. Карнеги; **По-видимому**, это связано с тем, что именование дается в основном с точки зрения тех, кто подвергается судебному преследованию; Их характерная особенность заключается в том, что они распределены по всему*

текстовому пространству, **как бы** «разлиты» по нему ...; **Можно, пожалуй**, говорить даже о целом метатекстовом пласте структуры текста. Из статей по физике: **Формально нанотрубки можно** рассматривать как гигантские линейные фуллерены; ниже каждой пары целых чисел (n , m) указано число различных «шапочек», которые **могут** быть непрерывно присоединены к углеродной нанотрубке; Для них характерны более низкое сопротивление активной составляющей полупроводниковой структуры (ниже **примерно** на порядок, чем у одноструктурных аналогов); Однако такой генератор имеет **относительно** невысокие значения КПД (60–75%). В статьях по физике и медицине довольно частотными оказались дискурсивы-аппроксиматоры, являющиеся сигналами приблизительности: *в среднем; примерно; около; порядка; относительно; приближенно*, которые особенно часто встречаются там, где есть вычисления или какие-либо цифровые данные.

В какой-то мере некатегоричность пересекается с другой важной категорией научной речи – толерантностью, лежащей в основе правил ведения научной дискуссии. Главное правило научного общения – уважение мнения другого; отсюда вытекает также способность принять другую точку зрения.

Категоричность, как правило, означает догматичность, безапелляционность, чрезмерную уверенность в собственных словах и знаниях. Категоричность можно условно разделить на продуктивную и непродуктивную: продуктивная категоричность помогает автору эффективно воздействовать на адресата, демонстрирует глубокую убежденность автора в справедливости высказанных суждений и не воспринимается импозитивно. Непродуктивная категоричность рискогенна по своей сути и в науке грозит серьёзными последствиями. Случаи непродуктивной категоричности в исследованных материалах нами не зарегистрированы.

Дискурсивы-регулятивы, повышающие категоричность речи, имеют значение долженствования, обязательности, необходимости, достоверности, точности, определённости, очевидности, уверенности, невозможности, запрета и т. п. Как наиболее частотный во всех статьях выделяется модальный предикатив *должен*, все другие встречаются намного реже: *необходимо; очевидно; не может; утверждающее конечно; естественно; несомненно; безусловно; очень вероятно; достоверно*.

Приведём примеры из статей по физике, где этих дискурсивов больше всего: *Заметим, что, конечно, существуют и зачас-*

тую используются определенные классические способы улучшения времени переключения нематических жидкокристаллических ячеек; **Естественно**, можно пойти от простого к сложному; Понятно, что первым шагом в этом направлении **должна** стать разработка надежных методов контроля, идентификации и характеристики нанотрубок ...; При разработке и экспериментальном исследовании мощных импульсных генераторов <...> **необходимо** достоверное измерение малой неравномерности вершины коротких квазипрямоугольных импульсов высокого напряжения.

В английском материале средства повышения / понижения категоричности аналогичны русским, однако, в отличие от русского языка, в английском более частотны модальные глаголы (*can; could; may; would; might; seem; should; need; must; cannot; have to*), тогда как в русском языке – модальные предикативы и модальные слова. Это связано с особенностями языковых систем двух языков: в русском языке модальная лексика представлена в основном модальными предикативами (свойственными только русскому языку – *должен, можно, нужно, надо*) и модальными словами (*конечно, наверное, возможно, бесспорно, безусловно*); глагол *мочь* является практически единственным глаголом в этой системе. А в английском языке, наоборот, глаголов в системе модальной лексики, как видно из приведенного выше списка, очень много. Модальные слова (*perhaps; probably; presumably; likely; unlikely; clearly; necessarily; apparently; of course; evidently; obviously; surely*) в английской лексической системе представлены тоже довольно широко, но по количеству употреблений они намного уступают модальным глаголам.

Подведём некоторые итоги. Русская научная речь по сравнению с аналогичной англоязычной менее персонализирована, менее диалогична и интерактивна, в ней реже выражаются субъективно-модальные значения, уделяется меньше внимания адресату. Русская письменная научная речь по частотности употребления многих дискурсивов-регулятивов довольно сильно отличается от русской устной научной речи: в устной речи регулятивы намного более частотны (о специфике дискурсивов в устной и письменной научной речи подробнее см. [Викторова, 2014]). В англоязычном материале разница между частотой регулятивов в устной и письменной речи не так велика: английская письменная форма научного стиля характеризуется подчёркнутой диалогичностью, адресованностью, толерантностью к адресату, в чем она сближается с

научно-популярной разновидностью научного стиля, а также персональностью, высоким уровнем авторского присутствия, что выражается в особой личностной окраске текста. В нём сильнее ощущается связь автора с читателем и личное авторское начало. Прагматическая специфика англоязычного научного текста такова, что в отличие от, например, немецкого и в какой-то степени русского научного текста, в нем большое внимание уделяется способу, форме изложения. На первый план здесь выходит кооперативное взаимодействие автора с адресатом: автор берет на себя ответственность сделать свой текст понятным для адресата, прикладывает особые усилия быть адекватно понятым [Чернявская, 2011].

Учёт адресата, ориентация научного знания на дискуссию, обращённость автора к аудитории, открытость, толерантность – всё это определяющие свойства диалогового взаимодействия автора / говорящего и читателя / слушающего. От всех этих факторов зависит признание предлагаемых учёным гипотез научным сообществом.

В процессе исследования у нас сложилось впечатление, что когда в научной речи много разнообразно и целесообразно употреблённых дискурсивов, то стиль автора становится более живым, динамичным, читатель ясно ощущает и понимает развитие, движение мысли учёного, четко улавливает нить его рассуждений и доказательств. Кроме того, такой текст производит впечатление искренней увлечённости автора своим исследованием, в нём (и в авторе, и в его исследовании) чувствуется определённый азарт в стремлении как выразить себя и свою позицию, так и донести эту позицию наиболее доходчивым способом до читателя. Можно сказать, что количество и качество дискурсивов в речи учёного способствуют не только эффективности коммуникации, но и созданию его собственного индивидуального стиля.

В заключение отметим еще одно важное практическое значение проведенного исследования, в котором мы проанализировали лишь некоторые признаки русского научного дискурса. Знание рассмотренных особенностей русского научного стиля и сравнение его со стилем англоязычного научного дискурса даёт возможность осознать специфику научного дискурса каждой из лингвокультур и при необходимости участия в межкультурной научной коммуникации правильно, грамотно и уместно эту специфику учитывать [Викторова, 2016б], помогая тем самым избежать многих угрожающих социальных и профессиональных рис-

ков, возникающих при межкультурном взаимодействии. (О роли дискурсивов в снижении рискогенности коммуникации см. [Рискогенность, 2015].)

Важность данного знания не следует недооценивать в сложившейся в современном мире ситуации языкового неравенства, проявляющегося в доминировании в академической среде в качестве средства международного общения английского языка. Эту ситуацию в общемировой науке характеризуют как англо-американскую монокультурность (монолингвизм) [Чернявская, 2011]. Использование других языков, в том числе и русского, к сожалению, не способствует популяризации результатов научных исследований и их продвижению на мировом научном рынке. Отсюда вытекает неизбежная необходимость при участии в научном общении на английском языке не только знания самого английского языка, но и учета разнообразных прагматических нюансов его применения, в сферу чего входит и употребление дискурсивов, грамотное использование которых позволяет говорящему звучать аутентично на любом языке, способствует адекватному восприятию адресатом научной информации и является составляющей научной компетентности современного ученого.

Библиографический список

Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 192 с.

Баженова Е. А. Прагматические единицы научного. 2007. URL : <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2007/vol2/20.pdf> (дата обращения : 15.10.2012).

Большакова Е. И., Баева Н. В. Автоматический анализ дискурсивной структуры научного текста. 2004. URL : <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Volshakova.htm> (дата обращения : 15.08.2012).

Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи // Филология и человек. 2014. № 4. С. 15–27.

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса : проблемы выделения и специфики функционирования : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016а. 617 с.

Викторова Е. Ю. Употребление дискурсивов и межкультурные риски в научной коммуникации // Конфликты в современном мире : международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Международ. науч. конф. М. : Перо, 2016б. С. 149–153.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры : категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.

Дённингхаус С. «Прямая» ли научная коммуникация? // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 239–252.

Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое единство : сб. ст. / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 206 с.

Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 446 с.

Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими : учеб. пособие. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1972. 395 с.

Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта, 2003. С. 242–247.

Кормилицына М. А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 13–34.

Котюрова М. П. Стилистика научной речи : учеб. пособие. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. 361 с.

Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьёва Н. В. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. 394 с.

Лаптева О. А. Способы выражения авторского «я» в русской научной речи // Язык и стиль научной литературы. Теоретические и прикладные проблемы. М. : Наука, 1977. С. 123–138.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации : Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Лобина Ю. А. Коммуникативные ценности в письменном научном дискурсе // Германская филология : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. Н. Дубровская. Вып. 8. Саратов : Изд. центр «Наука», 2015. С. 29–36.

Прибыток И. И. Лекции по теоретической грамматике английского языка. Саратов : Научная книга, 2006. 408 с.

Рискогенность, 2015 – Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в её преодолении / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

Рябцева Н. К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопр. языкознания. 1992. № 4. С. 12–28.

Сиротинина О. Б. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // *Qameni si idei : Studii de filologie. Cluj – Napoca : Editura Risoprint, 2005. С. 342–348.*

Современная русская устная научная речь : в 2 т. Т. 1 : Общие свойства и фонетические особенности / под ред. О. А. Лаптевой. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 336 с.

Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М. : Флинта ; Наука, 2010. 136 с.

Функциональные стили и формы речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 168 с.

Харламова Т. В. Текстобразующие средства в устной речи : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 241 с.

Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 320 с.

Чернявская В. Е. Коммуникация в науке : нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 240 с.

Day R. A. How to write and publish a scientific paper. Phoenix : Oryx Press, 1998. 320 p.

УДК 811.161.1'38

А. В. Дегальцева

О НЕКОТОРЫХ РЕЧЕВЫХ РЕАЛИЗАЦИЯХ СОБЫТИЙНЫХ ПРОПОЗИЦИЙ

В статье рассматриваются некоторые речевые реализации событийных пропозиций. Исследование проводится на материале разных сфер общения: религиозных и светских публицистических периодических изданий, художественной прозы, записей разговорной речи, а также текстов разных жанров официально-делового и научного стилей.

Ключевые слова: семантический синтаксис, пропозиция, типы пропозиций, сферы функционирования пропозиций, смысл предложения.

A. V. Degaltseva

ABOUT SOME SPEECH REALIZATION OF EVENT PROPOSITIONS

The article studies some speech realization of event propositions. The research is performed on the different areas of communication: religious and secular journalistic periodicals, fiction, colloquial speech, texts of formal and scientific styles.

Key words: semantic syntax, proposition, types of propositions, areas of functioning of propositions, meaning of a sentence.

Анализ смысла высказываний и выделение семантических моделей предложений давно привлекают внимание ученых [Арутюнова, 1976; Белошапкина, 1979; Гак, 1972; Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004; Кормилицына, Новоженова, 1985; Кормилицына, 2011; Иорданская, Мельчук, 2007; Т. В. Шмелева, 1994 и др.], однако задача выявления и систематизации семантических моделей предложений остается актуальной до сих пор.

В отечественной и зарубежной лингвистике смысл предложения анализируется с точки зрения разных подходов. Так, суще-

ствуется ситуативная (денотативная, номинативная) концепция, при которой референтом высказывания выступает ситуация [Гак, 1972]. Это путь, предполагающий движение от смысла высказывания к форме его воплощения. Инструментом описания объективного содержания предложения (диктума) при таком подходе выступает пропозиция – «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации» [Т. В. Шмелева, 1994: 7]. Другая концепция, напротив, предполагает изучение семантической структуры предложения, основываясь на его формальном строении. Соотнесенность структурной схемы предложения с его семантикой анализируется в Русской грамматике-1980, а также в трудах Н. Ю. Шведовой, В. А. Белошапковой и др. [Русская грамматика, 1980; Современный русский язык, 1989; Белошапкина, 1979; Шведова, 1973]. Семантическая структура предложения при этом понимается как обобщенное типовое информативное содержание, свойственное целому классу однородных предложений [Современный русский язык, 1989]. Можно выделить и другие концепции изучения смысловой структуры предложения, так или иначе связанные с названными или базирующиеся на них.

О необходимости рассматривать смысл предложения в связи с семантикой и грамматическими особенностями его центра – предиката – говорит Т. П. Ломтев [Ломтев, 1972]. Подобные классификации семантических моделей предложения представлены в трудах В. Г. Гака [Гак, 1986], Ю. Д. Апресяна [Языковая картина мира..., 2006] и др. Так, Ю. Д. Апресяном анализируются такие семантические классы предикатов, как действие, деятельность, занятие, поведение, воздействие, процесс, проявление, событие, состояние, свойство, отношение, существование и некоторые другие [Языковая картина мира..., 2006].

Н. Д. Арутюнова, основываясь на логико-синтаксическом подходе к анализу смысла предложения, подробно рассматривает такие семантические отношения, как экзистенция, характеристика, номинация и идентификация. На основе этих отношений ею выделяются модели предложений: экзистенциальная, характеристика, именованная и тождества [Арутюнова, 1976]. Свой вклад в развитие семантического синтаксиса внесли Т. Б. Алисова, Г. А. Золотова, Р. Мразек, А. Мустайоки, З. Л. Новоженова, Е. А. Падучева и др. В данной работе хотелось бы подробнее остановиться на денотативном подходе к анализу смысла предложения в рамках концепции Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1994].

В рамках изучения курса «Современный русский язык. Синтаксис» при анализе семантической организации предложения

студентам Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского предлагается обращаться к концепции Т. В. Шмелевой, созданной в русле денотативного подхода и отраженной в ее учебном пособии «Семантический синтаксис...». Типология пропозиций, предложенная ею с опорой на труды предшественников, является, на наш взгляд, многоаспектной, логично и доступно выстроенной. Пропозиции подразделяются Т. В. Шмелевой на событийные и логические. При этом событийные «портретируют» события, а логические являются отражением ментальных операций говорящего над воспринимаемой им действительностью. Логические пропозиции не имеют временной протяженности, поскольку ментальные операции человека над фактами и объектами действительности являются вневременными, абстрактными. С опорой на семантику предиката и актантов, входящих в семантический минимум предложения, событийные пропозиции объединяются Т. В. Шмелевой в 5 типов: существование, состояние, действие, движение, восприятие. Данные типовые ситуации обобщенно распределяются между 4 сферами жизни и деятельности человека: социальной, ментальной, психической и физической. Как отмечает создатель этой типологии, «противопоставление сфер вполне очевидно с позиций обыденной логики» [Шмелева, 1994: 13].

Ориентация на области употребления языка является еще одним несомненным достоинством данной типологии, ведь интерес к изучению функционирования конкретных языковых фактов не только способствует накоплению материала, но и помогает лингвистической науке развиваться, хотя и увеличивает меру хаоса в ней [Алпатов, 2015]. Сейчас в лингвистике активно развивается именно такой подход, заложенный работами В. фон Гумбольдта. Современная лингвистика стремится к расширению рамок до междисциплинарных исследований, к постановке глобальных задач [Алпатов, 2015].

Классификация событийных пропозиций, предложенная Т. В. Шмелевой, бесспорно, является научно ценным и удобным в практическом применении инструментом квалификации объективной информации, заключенной в высказывании. Данная типология, как нам кажется, правомерно может быть использована не только в учебных целях (для которых она и была создана), но и в качестве научной базы для описания смысловой структуры предложения (благодаря ее ясности, стройности, компактности и, вместе с тем, многоаспектности). Однако во втором случае, как показывает опыт наблюдения над функционированием высказываний,

не всегда можно поместить все многообразие анализируемого материала в рамки пяти типов пропозиций, представленных в четырех сферах жизни человека.

Анализ семантической организации предложений, проводимый нами в рамках изучения процесса адвербиализации на материале художественной прозы, газет и журналов светского и религиозного содержания, текстов разных жанров официально-делового (ОДС) и научного (НС) стилей, а также записей разговорной речи (РР), позволил выявить некоторые особенности семантической структуры предложения.

Возрождение церкви как социального института и возрастающая роль религиозной составляющей жизни современного российского общества позволяет, на наш взгляд, правомерно дополнить перечень сфер общения еще одной составляющей – духовной. Конечно, духовность – понятие не только религиозное. Духовным называют такого человека, который способен понимать и тонко чувствовать произведения разных видов искусства, способен проявлять любовь (к ближнему, к окружающему миру) и милосердие. Духовную жизнь общества образуют нравственное, познавательное и эстетическое начала [Сапункова, 2014]. Исходя из этого, духовная сфера жизни, на наш взгляд, включает в себя ментальный (убеждения, определённый образ мыслей), психический (религиозные чувства и эмоции) и социальный (наличие традиций, обычаев, обрядов, а также выделение определённой социальной группы – людей, относящих себя к верующим) компоненты. Духовная сфера жизни, будучи одним из проявлений жизни социума, как бы достраивает социальную систему сверху [Крапивенский, 1996].

Таким образом, перечень сфер, в которых функционируют пропозиции, можно было бы дополнить духовной сферой. При отнесении той или иной ситуации к сфере духовной жизни необходимо обращать внимание не только на семантику глагола-предиката, являющегося ядром пропозиции, но и на «конвой изолированного высказывания, без которого по-настоящему понять его смысл невозможно» [Николаева, 2015: 16].

Основываясь на материале периодических изданий (светских и религиозных), текстов научного и художественного стилей (ХС), а также записей разговорной речи, представленных на сайте ruscorpora.ru (РР), приведем примеры разных типов пропозиций, функционирующих в духовной сфере:

а) *Но, может быть, есть и такой дар: как веришь, так и говоришь об этом – просто* (Фома, 2014, № 1); *Мы постигаем то, что Бог есть* (НС: О. Б. Березовская. Учение о Боге и возвращении...); *Я считаю, что нравственные ориентиры и ценности должны быть у всех* (МК Вологда, 15.08.2012). Выделенные фрагменты высказываний репрезентируют пропозицию существования в духовной сфере;

б) *Я не знала, что моя мама верит в Бога* (ХС: С. Алексеевич. У войны не женское лицо). В данном высказывании во второй предикативной единице реализуется состояние в духовной сфере. Приведем другой пример: *Поскольку дарования Духа различны <...>, то надобно каждому целомудренно и с благодарением пребывать в данном ему даровании* (Православная газета, 10.12.2012). Пребывать в даровании Духа значит находиться в определенном духовном состоянии (как именно – конкретизируется с помощью обстоятельств образа действия);

в) *Патриарх помолился о каждом из нас* (Фома, 2010, № 4). Здесь глагол-предикат *помолился* репрезентирует духовное действие. В следующем примере можно обнаружить пропозицию воздействия в духовной сфере: *Музыка лечит душу и тело* (РР);

г) *Мы <...> стараемся подавлять в себе это греховное движение души в сторону осуждения* (Православная газета, 2011, № 10); *Смерти в обычном значении после Его распятия и воскресения просто не существует: человек лишь переходит в другое состояние* (Фома, 2016, № 8). Движения в выделенных предикативных единицах, безусловно, носят метафорический характер и также могут быть отнесены к духовной сфере;

д) *И когда ты примешь это сердцем, искушения перенесутся гораздо легче* (Фома, 2011, № 4); *Человек, достигший этого (духовного) состояния, именно созерцает, но не мыслит в привычном понимании этого слова* (НС: Н. С. Рыбаков. Мысль и действие). Данные примеры могут иллюстрировать пропозицию восприятия человеком аспектов духовной жизни.

Подобные религиозные действия, процессы или состояния, которые нельзя однозначно классифицировать только как психические или ментальные, на наш взгляд, следует все же относить к сфере духовного.

При анализе диктума высказывания Т. В. Шмелевой, как уже было сказано, выделяется пять типов пропозиций: бытие, состояние, движение, действие и восприятие [Шмелева, 1994]. В качестве особых разновидностей действия в её учебном пособии

представлены воздействие и взаимодействие. Взаимодействие проявляется как «одновременное действие нескольких субъектов встречной направленности: *Они переписываются / обмениваются статьями / сообщают друг другу новости* или *Они дерутся / ссорятся / возражают друг другу*», а воздействие рассматривается в роли пропозиции, предполагающей наличие объекта и «изменение его состояния как результат осуществления ситуации» [Шмелева, 1994: 16]. Обе эти разновидности действия предполагают направленность на некий объект.

Некоторые глаголы, репрезентирующие пропозиции действия или состояния и относящиеся к несовершенному виду, не способны к актуальному употреблению и выражению конкретно-процессного значения. Среди них, по мнению Т. В. Булыгиной, можно рассматривать и глаголы отношения [Булыгина, 1982]. Исследователь отмечает невозможность таких предикатов иметь при себе приставки *по-* или *про-* с темпоральным значением: «**Поненавидит своего оскорбителя с недельку и простит его*» [Булыгина, 1982: 45]. Положения дел, описываемые глаголами отношения, в частности, постоянного отношения (*любить, увлекаться* и под.), являются длящимися, не ограниченными конкретными временными рамками и не склонными к изменению. Предикаты отношения обычно сочетаются с дуративными (*постоянно, непрестанно*) и темпоральными (*часто, обычно*) обстоятельствами, причем последние не имеют фреквентативного прочтения [Булыгина, 1982: 45].

Опираясь на взгляды Т. В. Булыгиной, нам представляется возможным считать, что грамматическое (частеречная принадлежность предиката, вид глагола) и лексическое окружение предиката (показатели повторяемости, неограниченной длительности) могут накладывать отпечаток на значения воздействия и взаимодействия, переводя их из сферы действия в сферу отношений: *Она приручила дикую собаку* (действие, результат) – *Она приручает дикого пса* (воздействие, отношение между субъектом и объектом); *Они обменялись приветствиями* (действие) – *Они регулярно обмениваются письмами / Они состоят в переписке* (отношение); *Они поссорились* (действие) – *Они постоянно ссорятся; Они в ссоре* (отношение). Иногда совокупность каких-либо регулярных действий субъекта по отношению к объекту может рассматриваться в подобном ключе. Например, в высказывании *Она всегда поддерживает и защищает меня* подразумевается, что субъект периодически совершает комплекс ментальных,

физических, возможно, и социальных действий по отношению к объекту. При этом такие действия становятся для субъекта уже определенным состоянием, связанным с объектом, а именно отношением. Мы считаем возможным рассматривать глаголы симпатии и антипатии (*любить, ненавидеть, завидовать*) в качестве глаголов эмоционального отношения, проявление которого связано с субъектом / объектом пропозиции.

Глаголы отношения, по справедливому замечанию Р. М. Гайсиной, могут быть двунаправленными, когда «характер отношения одного участника к другому совпадает с характером отношения этого другого к первому» (*общаться, дружить* и т. д.), и однонаправленными, если «характер отношения одного участника ситуации к другому не совпадает с характером отношения этого другого к первому» (*принадлежать, преклоняться* и т. д.) [Гайсина, 1981: 65]. Можно также выделить глаголы, которые выражают отношение участников речевой ситуации друг к другу (*стоять в переписке, общаться*), и глаголы отношения с одним участником (*ненавидеть, любить*) [Гайсина, 1981: 65–66].

Таким образом, исходя из задач и потребностей конкретного лингвистического анализа, мы предлагаем выделенные Т. В. Шмелевой типы событийных пропозиций дополнить пропозицией отношения. Под отношением мы понимаем: 1) регулярное или постоянное воздействие, направленное на одушевленный объект; 2) проявление чувства симпатии / антипатии к объекту (чаще всего, одушевленному); 3) связь или взаимодействие, которые устанавливаются между субъектом и объектом. Безусловно, при квалификации пропозиции в качестве пропозиции отношения необходимо опираться на семантику предиката, его грамматические свойства, а также контекст высказывания (прежде всего, лексические показатели регулярности или неограниченной длительности).

Слово «отношение» является многозначным. Во-первых, его можно применить к ментальным операциям (тождества, обусловленности, подобия и др.) над объектами действительности. В таком случае можно говорить о том, что выражение подобных отношений принадлежит к сфере логических пропозиций (прежде всего, релятивных и отождествления). Во-вторых, понятие «отношение» может служить для описания особой разновидности событийных пропозиций, тесно связанных с пропозициями действия или состояния. Р. М. Гайсина, перечисляя семы, определяющие возможность отнесения того или иного глагола к глаголам отношения, называет следующие: «отношение», «дружба», «совмест-

ность», «равенство», «отличие», «подобие», «сравнение», «соответствие», «контраст», «превосходство», «обусловленность», «принадлежность», «общение» и др. [Гайсина, 1981]. Нетрудно заметить, что глаголы с семами «равенство», «отличие», «подобие», «сравнение», «соответствие», «обусловленность», «принадлежность» и под., называющие умственные операции человека над объектами или фактами действительности, следует рассматривать в русле реализации ими логических пропозиций, тогда как глаголы с семами «отношение», «дружба», «общение», «совместность» – в русле событийных пропозиций (исходя из концепции Т. В. Шмелевой).

Безусловно, квалификация какого-либо предиката в качестве глагола отношения не может быть бесспорной и однозначной: семантическая структура некоторых глаголов позволяет рассматривать их в качестве единиц разных полей. Например, глагол *любить* можно рассматривать как процесс, состояние или отношение, поскольку глаголы эмоционального и рационального отношения являются зоной «пересечения нескольких лексико-семантических групп – глаголов поведения, чувства, речи – с семантическим полем глаголов отношения» [Гайсина, 1981: 104].

Введение такого типа событийной пропозиции, как «отношение», позволяет направить фокус внимания исследователя не только на субъект пропозиции, но, в том числе, и на ее объект. Выделение данной пропозиции связано с логико-философскими представлениями о реляционных суждениях, отображающих отношения между предметами (в широком смысле этого слова) действительности [Проблемы философии науки..., 2007]. Мы включаем высказывания, содержащие в себе пропозицию отношения, в состав релятивной модели предложения, но не отождествляем эти понятия, так как релятивные предложения, которые описывают отношения между субъектом и объектом (лицом или предметом), обычно понимаются гораздо шире (см. [Гайсина, 1981; Кострикина, 2011]).

Опираясь в некоторой степени на работу Р. М. Гайсиной [Гайсина, 1981], взгляды Т. В. Булыгиной, а также на идеографическое описание русских глаголов, представленное в «Толковом словаре русских глаголов...» под ред. Л. Г. Бабенко [Толковый словарь русских глаголов..., 1999], а также исходя из ситуации общения и «конволя изолированного высказывания» (по выражению Т. М. Николаевой), мы полагаем возможным включать в состав пропозиции «отношение» такие смыслы, как «влияние / воз-

действие» (*мотивировать, поддерживать, защищать, воспитывать, приучать* и др.), «межличностные или групповые отношения» (*избегать, сторониться, встречаться, обмениваться, ненавидеть, враждовать, завидовать* и др.), «эмоциональное отношение к объекту» (*любить, увлекаться (чем-то), преклоняться (перед чем-то)* и под.). В отличие от авторов названных выше трудов, мы исключаем из сферы отношений значения владения и утраты (относя их к сфере действия бытийной пропозиции), причинно-следственной взаимосвязи и зависимости, тождества, сравнения и под. (считая их логическими операциями, совершаемыми над фактами объективной действительности).

Следует также отметить, что в IV томе «Русского семантического словаря» отражено иное понимание глаголов отношения. В рамках причинно-следственных отношений рассматриваются глаголы логических операций (*вытекать, вызывать, обуславливать* и др.). Глаголы эмоций (*любить, ненавидеть, благоговеть* и под.), межличностных контактов (*дружить, ссориться* и др.), социальных отношений (*опекать, попечительствовать* и т. д.) и некоторые другие здесь помещены в обширный класс глаголов *собственного активного действия, деятельности, деятельностного состояния* [Русский семантический словарь, 2007].

Итак, приведем примеры пропозиций, которые можно было бы классифицировать как пропозиции отношения.

Отношение в социальной сфере: *Государство заботится о юных гражданах и печется об их нормальном воспитании* (МК, 27.09.2012); *Эти регионы <...> постоянно враждуют друг с другом* (ОДС: Из ответа на вопросы министра иностранных дел России С. В. Лаврова 27.08.2014). Комплекс общественно-политических действий приобретает постоянный характер, следовательно, может быть рассмотрен в качестве социального отношения.

Отношение в ментальной сфере: *Потом всегда обмениваемся мнениями о прочитанном* (АиФ, 25.12.2002); *Они давно состоят в переписке* (РР); *<...> Как известно, французский писатель Марсель Пруст никогда не разделял мнения Антона Чехова о том, что «краткость – сестра таланта»* (АиФ, 18.08.2015). В двух первых примерах представлены постоянные взаимонаправленные действия людей, которые можно считать уже проявлением неких установившихся отношений между ними (об этом свидетельствуют и наречия *всегда, давно*). В последнем примере, как нам кажется, можно увидеть отношение субъекта к предмету мысли, которое можно считать неким убеждением.

Отношение в психической сфере: *Этих всех, добрых, Катя ненавидела особенно* (ХС: Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *Меня раздражают суеверные люди* (РР); *Они завидуют другим меньше, чем другие завидуют им* (НС: Т. В. Бескова. Особенности «предметного поля» зависти). Приведенные примеры демонстрируют проявление эмоционально-оценочного отношения субъекта/-ов пропозиций к другим людям, которое можно считать постоянным и характеризующим.

Отношения в духовной сфере: *Родители <...> следили за чистотой души своих детей, оберегали от греха* (НС: С. М. Климова, Л. В. Хирьянова. Традиционные основы семьи как главный фактор формирования идентичности старообрядчества...). В высказывании говорится о роли, которая предписывалась родителям в старообрядческой семье. Отец и мать должны были постоянно следить за соблюдением детьми всех религиозных обрядов, а также блюсти их нравственность. В таком контексте подобные действия можно рассматривать как отношения, которые устанавливались в религиозной семье между родителями и детьми.

Рассмотрим другие примеры. *Она постоянно оказывает мне моральную поддержку* (РР). Семантика расщепленного сказуемого (*оказывать поддержку*) и уточняющего прилагательного *моральную* позволяют отнести данную пропозицию к духовной сфере. Наличие наречия, указывающего на постоянный характер действия, и грамматическая форма несовершенного вида глагола сказуемого делает возможным рассмотрение данной пропозиции в рамках *отношения*. В высказывании *Она преклонялась перед красотой* (АиФ, 19.09.2000) говорится об отношении музы писателя Г. Уэллса к красоте слова. Такое отношение можно считать определенной характеристикой субъекта.

Отношения в физической сфере: *Может, чей-то брат и защищает сестру от всех опасностей* (АиФ, 08.12.2000); *Он все время дерется с коллегами / такой беспокойный //* (РР). В выделенных пропозициях выражено отношение субъектов пропозиции к одушевленным объектам, которое можно отнести к сфере физических отношений, так как подразумевается, прежде всего, регулярно воспроизводимый (*всех, все время*) комплекс физических действий и движений.

Итак, обращение к трудам ученых, анализирующих семантику предложения, а также наши наблюдения над функционированием событийных пропозиций показали, что типология, предложенная в учебной классификации Т. В. Шмелевой, может быть

успешно использована и вне процесса обучения при решении конкретных лингвистических задач. Для адекватности анализа в определённых случаях перечень событийных пропозиций, представленных в данной типологии, может быть расширен включением в нее еще одной сферы жизни – духовной – и дополнен такой разновидностью событийных пропозиций, как отношение.

Безусловно, высказанные здесь предложения являются фрагментарными и носят дискуссионный характер в силу неизбежной субъективности, относительности или неоднозначности, поскольку все многообразие языкового материала затруднительно поместить в прокрустово ложе какой-либо единой всеобъемлющей классификации. Хотелось бы, однако, выразить надежду на то, что подобные размышления дадут пищу для более серьезного и глубокого анализа проблем семантической организации предложения.

Библиографический список

Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // *Вопр. языкознания*. 2015. № 3. С. 7–21.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 383 с.

Белошапкина В. А. Расширенные структурные схемы русского предложения // *Русский язык за рубежом*. 1979. № 5. С. 63–68.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов* / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М. : Наука, 1982. С. 7–85.

Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 195 с.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // *Проблемы структурной лингвистики* / отв. ред. С. К. Шаумян. М. : Наука, 1972. С. 349–372.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М. : Просвещение, 1986. 127 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М. : Языки славянских культур, 2007. 672 с.

Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Изд. 3. М. : УРСС, 2011. 149 с.

Кормилицына М. А., Новоженова З. Л. Семантическая структура предложения в русском языке : учеб.-метод. пособие. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 52 с.

Кострикина А. П. Современный русский язык. Семантический аспект простого предложения : учеб. пособие. Куйбышев : Новосиб. гос. пед. ун-т, Куйбышев. фил., 2011. 80 с.

Крапивенский С. Э. Социальная философия : учебник для гуманитар.-соц. специальностей высш. учеб. заведений. 3-е изд. Волгоград : Комитет по печати, 1996. 352 с.

Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 198 с.

Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // *Вопр. языкознания.* 2015. № 4. С. 7–20.

Проблемы философии науки : словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник ; отв. ред. О. Н. Дьячкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. 318 с.

Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М. : Наука, 1980. 789 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой : Т. 4. М. : Азбуковник, 2007. 944 с.

Сапункова В. И. Духовная жизнь в понимании подрастающего поколения XXI века // *Studia Humanitatis.* 2014. № 1–2. URL : <http://sthum.ru/content/sapunkova-vi-duhovnaya-zhizn-v-ponimanii-podrastayushchego-rokoleniya-xxi-veka> (дата обращения : 01.09.2016).

Современный русский язык : учебник / под ред. В. А. Белошапковой. М. : Высш. шк., 1989. 800 с.

Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. 698 с.

Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов.* Варшава, 1973. С. 458–484.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис : текст лекций из курса «Современный русский язык». 2-е изд. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1994. 46 с.

Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. 912 с.

УДК 811.161.1'27

Д. И. Яхина

**ОБРАЗНАЯ ОЦЕНКА ВНЕШНЕГО ВИДА ЧЕЛОВЕКА
В СФЕРЕ НЕОФИЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ
(на материале метафор и сравнений)**

В статье анализируются особенности использования образных средств, в частности, метафор и сравнений, характеризующих внешность человека в ситуации неофициального общения. Выявлены тематические зоны оценки, источники метафор и сравнений, наиболее частотные модели метафорических переносов, типы сравнительных конструкций, определены

риски нецелесообразного использования метафор и сравнений в ситуации оценки внешнего вида человека.

Ключевые слова: разговорная речь, неофициальное общение, образные средства, метафора, сравнение.

D. I. Yakhina

**FIGURATIVE ASSESSMENT OF HUMAN APPEARANCE
IN THE SITUATION OF INFORMAL COMMUNICATION
(based on metaphors and similes)**

The article deals with analysis of the different metaphors and similes describing the human appearance used in the situation of informal communication. Basic thematic groups of metaphors and similes are singled out, the source of metaphors and similes, most frequent model of metaphorical transfers and types of comparative constructions are found, the risk of speech conflict in the assessment of the situation of human appearance are considered.

Key words: colloquial speech, informal communication, figurative means, metaphors, similes.

Исследования образных средств в сфере неофициального общения выявили большую группу образных средств, в частности, метафор и сравнений, которые используются в ситуации оценки говорящим внешнего вида человека. Оценка внешности в большей степени связана с определенными стереотипами, которые бытуют в той или иной социальной сфере. Человек оценивает себя сквозь «призму общекультурных, групповых или индивидуальных ценностных представлений, усвоенных в течение жизни» [Маслова, 2007: 17]. Внешность человека – это носитель определенной информации, благодаря которой в сознании говорящих формируются субъективный портрет и эстетическая оценка окружающих.

В статье анализируются некоторые особенности использования метафор и сравнений в ситуации образной оценки внешности человека с целью выявления основных тематических зон оценки, источников метафор и сравнений, наиболее частотных типов метафорических переносов, сравнительных конструкций, а также выявления рисков нецелесообразного использования образных средств данной тематической группы.

В качестве материала исследования использованы разговорные тексты из сборника «Живая речь уральского города: Тексты» (Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1995) за период с 1985-го по 1993 г., реплики спонтанного диалога из книги В. К. Харченко «Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования,

электронная база высказываний» (М.: Изд-во Литературного института имени А. М. Горького, 2013) за период с 1982-го по 2012 г., а также блокнотные и диктофонные записи разговорной речи, собранные автором статьи в период с 2010-го по 2015 г.

По мнению Л. В. Балашовой, оценка внешности неразрывно связана с оценкой социальных, нравственных и других характеристик человека [Балашова, 2006]. В. М. Богуславский, в свою очередь, отмечает, что оценка внешности человека – это сложная многоаспектная система представлений, в которой выделяют собственно экзистенциальный, социальный, возрастной, психологический, эмоциональный и эстетический аспекты [Богуславский, 2004]. Положительная или отрицательная эстетическая оценка, которая вбирает в себя все вышеуказанные аспекты, может формироваться на основе любого элемента облика человека: деталей лица и тела, элементов одежды, характерных жестов, мимики, походки, внешних проявлений манеры поведения и т. д.

В основе любой образной оценки лежит принцип привлекательности / непривлекательности. Метафоры и сравнения широко используются в ситуации оценки говорящим тех частей тел, «которые отличаются качественным разнообразием, бросаются в глаза и влияют на общие впечатления от внешнего вида человека» [Богуславский, 2004: 220]. Так, например, в разговорной речи широко представлены метафоры и сравнения, которые характеризуют форму лица, головы, глаз, ушей, носа, губ, особенности волосяного и кожного покрова человека. При этом образно оцениваются прежде всего отступления от общепринятого идеала, то, что является непривычным и не соответствует современным эталонам красоты, например, нестандартная форма головы, длинные / оттопыренные уши, длинный нос, маленькие глаза, нездоровый цвет лица: (мужчина (м.) 20 л., студент) *Ты чё бухал? / чё серый такой / рожжа как у покойника*; (женщина (ж.) 47 л., учитель) *Я знаю ее / на мать похожа / такая же мордочка кошачья*; (ж. 56 л., преподаватель вуза) *Глаза злые / из орбит выкатываются / как у каймана*; (ж. 28 л., продавец) *Что ты купила ... / у тебя губы как пельмени ...*

Характеризуя лицо, говорящие чаще всего обращают внимание на его форму, ухоженность, возрастные изменения, «...фиксируется общее впечатление по шкале "красивое, приятное – некрасивое, отталкивающее"» [Богуславский, 2004: 222]. При характеристике волос говорящие обращают внимание на

цвет волос, их форму, длину, ухоженность и аккуратность причёски: (ж. 63 г., пенсионерка) ... *а она даже интересней была Фанки-то / ну только то что деревенская [деревенска] одежда / да [та] у этой волосы длинные [длинные] как у русалки ...*; (ж. 43 г., филолог) *Он был очень модный / у него была грива вот досюда // потом он рыдал и говорит / меня / весь свет смеяться будет надо мной // когда подстригли ...*

Оценивая глаза, говорящий обращает внимание, как правило, на цвет и форму глаз: (ж. 57 л., пенсионерка) *Она тоже смуглая / мама / а глаза зеленые-зеленые / как у тополя молодые листочки...* Взгляд может нести определенную информацию о внешнем облике человека. Психологи отмечают, что по взгляду можно определить характер, настроение человека, а также его отношение к собеседнику. Кроме того, неправильно истолкованный взгляд собеседника может стать причиной недопонимания и способствовать рискам в общении: (ж. 47 л., офис-менеджер) *Я с бумагами (захожу) / а она смотрит на меня / вот так / исподлобья / как волчица / орёт короче сразу / а на планерке чё творится / короче так и живём / выживаем ...*; (ж. 52 г., воспитатель) *Я с ней познакомилась когда (со свекровью) / она вот / не знаю / в глаза ей смотришь / а взгляд / как у прокурора / ничего не скроешь ...*

Образно в разговорной речи оценивается излишне высокий или низкий рост человека: (ж. 28 л., домохозяйка) *Он маленький как стрекоза ...*; (ж. 54 г., преподаватель языкового центра) *Вы в Интернете там поменьше были / как куколка на витрине / а вы оказывается прямо скажем не маленькая ...*; (ж. 35 л., лаборант) *А сына вы его знаете? Ну / он на планерке вчера был / куклёнок / вот бы так взяла эту куколку и в карман себе засунула ...* Несмотря на то, что современное общество стремится избавиться от стереотипов и клише, низкий рост, особенно у мужчин, до сих пор вызывает неоднозначную реакцию окружающих. Непременной чертой мужественности всегда был высокий рост, который ассоциировался с силой и бесстрашием. Интересно, что женщина ниже среднего роста оценивается в речи менее категорично, образная оценка часто сопровождается шуточной тональностью, тогда как мужчина низкого роста, напротив, отрицательно и с определенной долей иронии. В материалах исследования отрицательная образная оценка при номинации детей, чей маленький рост вызывает положительные эмоции, не встретилась ни разу.

В сфере обыденного общения комплекция человека также становится объектом образной оценки. Так, в речи оценивается из-

лишняя полнота / худоба человека, его стройность, подтянутая фигура, спортивное телосложение. Однако в большинстве случаев фиксируется отступление от нормы («чрезмерно полный» – «чрезмерно худой»): (ж. 38 л., продавец) *Машу развезло / видать на гормонах сидит / тумбочка полированная ...*; (ж. 43 г., лаборант) *Вы такая стройная / как барбариска ...*; (ж. 52 г., реализатор) *Он толстый / Пузо такое (показывает на себя) / как Колобок*. Оценка человека по полноте встречается преимущественно в речи женщин, так как именно в их речи часто встречаются разговоры на тему лишнего веса, всевозможных диет, фитнеса, ухода за собой.

Метафоры и сравнения могут использоваться с целью образной оценки позы, осанки, походки человека. Психологи отмечают, что по походке человека можно определить не только его пол и возраст, но и его настроение, характер, социальную принадлежность. Так, например, отрицательно может оцениваться сторбленная осанка, неуверенная, «перекатывающаяся / шаркающая походка»: (ж. 20 л., студентка) *Н перебежками ходит как тушканчик ...*; (ж. 64 г., медицинский работник) *Ну чё ты как шланг согнулась / выпрямись ...* (ж. 42 г., лаборант) *Чё стоишь как буква зю?*

Эталонной, как правило, считается походка легкая, плавная, грациозная: (ж. 40 л., продавец) *Идёт! / Плыёт! / Королева*; (ж. 59 л., профессор; о балерине) *Она только так и ходит / как фарфоровая кукла*. Положительно оценивается женщина или девушка, у которых правильная осанка и походка являются показателями здоровья и хорошего самочувствия. Положительную образную оценку можно встретить и в примерах, в которых оцениваются женщины преклонного возраста, сумевшие сохранить эталонную осанку: (ж. 64 г., преподаватель вуза) *Ей тогда уже за семьдесят было / она ходила / а ногти покрашены всегда / там прическа / плыла как лебедь белый / подражали там ей ...*; (ж. 45 л., сотрудник детского образовательного центра) *Я училась / у меня хореограф такая / ну / видно что у станка день и ночь / короче / по лестнице поднималась / как птица взлетала ...*

Образно в речи оцениваются и характерные особенности мимики, жестов, которые сопровождают человека в процессе общения. Отрицательно оцениваются излишне эмоциональная и интенсивная жестикуляция в процессе общения, медлительность, неуместность чрезмерно громкого и грубого смеха, особенно среди женщин: (ж. 34 г., преподаватель) *Блин ... / кобыла необъезженная / опять вон ржет / неужели тише нельзя / в конце кон-*

цов не одна здесь ... / мужики и те / не ржут так ...; (ж. 50 л., доцент) ... У неё такие холодные глаза как у кошки.

Недовольство говорящих вызывают те невербальные сигналы, которые, с их точки зрения, вызывают недопонимание, затрудняют восприятие информации, нарушают тишину, приводят к рискам в общении.

Образно оценивается и внешний вид в целом, когда говорящий оценивает общее впечатление от внешнего вида человека, например, его манеры одеваться. Стилисты отмечают, что фасон одежды, ткань, цвет, аксессуары могут рассказать об интересах, увлечениях, характере человека. Считается, что манера одеваться в определенной степени является визитной карточкой человека. На выбор образной оценки безусловно влияет и большое количество телевизионных программ, шоу, посвященных моде и стилю («Модный приговор», «Снимите это немедленно», «Это моя мама»).

Целевая аудитория подобных программ преимущественно женщины. Возможно, поэтому такая оценка встречается именно в их речи. Одежда оценивается с точки зрения аккуратности, скромности, опрятности, соответствия фигуре, последним модным тенденциям и ситуации (официальная / неофициальная): (ж. 59 л., профессор) *На конференцию в апреле она приехала вся такая металл / на заклёпках / кнопках ...; (ж. 29 л., преподаватель вуза) Приходит в университет / ну хоть в зеркало посмотри / как клубный жиголо / официальное учреждение / все-таки ...; неудачный с точки зрения говорящего выбор фасона одежды: (ж. 58 л., пенсионерка) Она в этой куртке как в бочке ...; (ж. 47 л., продавец) ... на ней брюки сидят как на барабане ...; (ж. 57 л., пенсионерка) NN как парткомовский работник / молодая еще / неужели повеселее одеться нельзя? В женском общении можно встретить оценку внешности в жанре комплимента, когда при помощи образных средств говорящий выражает восхищение человеком или пытается показать таким образом особое к нему расположение: (ж. 29 л., переводчик) Ты такая хорошенькая в этом пальто / как ромашка ...; (ж. 24 г., сотрудник университета) Платье классное / идет очень / как бабочка ...; (ж. 64 г., преподаватель) Ты эту куртку носи почаще / прям студентка-первокурсница. Отметим, что образная оценка-комплимент воспринимается в речи по-разному: одни говорящие, считают, что образная оценка несколько завышена и реакция в таком случае может выражаться следующим образом: «Ну, что вы ...», «Да ладно вам / тебе ...», «Скажешь тоже ...», либо ограничиться коротким «Спасибо» или ироничными «Спасибо ... усилия даром не прошли», «Спаси-*

бо ... старалась...». Возможно, это связано с самокритичностью русского сознания, стремлением оценивать чужое как интересное, хорошее, а о себе – говорить плохо, пренебрежительно, с осуждением [Прохоров, Стернин, 2006].

В материалах исследования встретились примеры, в которых говорящие при помощи метафор и сравнений оценивают внешний вид людей иной субкультуры отрицательно, полагая, что подобная одежда и аксессуары не соответствуют общепринятым нормам. Так, в речи преподавателей вузов отмечены образные номинации, характеризующие студентов, принадлежащих молодежным течениям эмо или готов: (м. 49 л., преподаватель вуза) *У него здесь любовь ... / вся наколотая в ушах и носу / **Робокоп** такой ...* По мнению преподавателей, подобный внешний вид не соответствует общепринятым нормам делового этикета и неуместен в учебных заведениях [Яхина, 2010].

Интересно, что собственные внешние данные говорящие оценивают редко, предпочитая оценивать внешность окружающих. При оценке собственной внешности говорящие часто самокритичны и недовольны своим внешним видом. Исследователи отмечают, что похвалу и комплимент в русской коммуникативной культуре поведения «... принято принимать скромно, умаяя свои достижения и положительные качества, а во многих случаях – отрицая их или даже извиняясь за них» [Прохоров, Стернин, 2006: 135]: (ж. 72 г., преподаватель вуза) *Я уже старая / **как деревенская печка** / пусть молодые уже там ...*; (А. – ж. 42 г., сотрудница детского образовательного центра; Б. – ж. 52 г., сотрудница детского образовательного центра) А: *И все-таки Вы у нас красотка / ...* – Б: *Перестаньте / **как загнанная мартишка** / в зеркало боюсь посмотреть ...*; (ж. 19 л., студентка) *Я в этих очках / **как Снежана Денисовна** / ужас / дай другие ...* (Снежана Денисовна – персонаже скетч-шоу «Наша Russia»).

Низкая самооценка, как отмечают исследователи, «предполагает неприятие, самоотрицание, негативное отношение к своей личности ...» [Маслова, 2007: 17]. Иногда даже положительная оценка собственной внешности сопровождается самоиронией и отчасти шутливым самоуничижением: (ж. 34 г., преподаватель; смотрит в зеркало) *Ну чем не сказочная **фея** / для дачи сойдет ...*; (ж. 32 г., преподаватель) *Хотела платье красное / купила вот / смотри / **кремлевская звезда** ...*; (А. – ж. 47 л., преподаватель; Б. – ж. 32 г., преподаватель) А: *Сапоги такие только таким ножкам как у Вас / на мне так не смотрятся ...* – Б: (смех) *Да / вот согласна / **французская топ-модель** / золотые слова.*

Важную роль в использовании метафор и сравнений играют источники образных средств, так как именно образ, положенный в их основу, во многом способствует более точной характеристике. При оценке внешности человека говорящие используют как стереотипные, так и индивидуально-авторские метафоры и сравнения. Стереотипные метафоры и сравнения характеризуются постоянством лексического состава и грамматической структуры, они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся по памяти как готовые формулы. Индивидуально-авторские метафоры и сравнения разнообразны по своему характеру и не поддаются определенной систематизации [Яхина, 2011]. Такие метафоры и сравнения разрушают устоявшиеся стереотипы ярким и необычным образом, создают благоприятную обстановку в общении, служат более выразительной передаче мысли говорящего.

Большая часть метафор и сравнений, характеризующих внешность человека, представлена зооморфными и фитоморфными метафорами и сравнениями. Такая частотность объясняется тем, что человек всегда чувствовал свою связь с природой, что нашло отражение и в языке. Человек и животные имеют сходные черты как во внешнем виде, так и в сфере речевой деятельности, характера, поведения, способа передвижения. В научной литературе активно изучается функционирование зооморфной метафоры в различных типах дискурса. Исследователи отмечают высокую степень оценочности метафор подобного типа: «Четкие и постоянные оценочные коннотации несут метафоры типа животное – человек. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия животных оценки не содержат ...» [Вольф, 1988: 59].

Источниками зооморфных метафор и сравнений при характеристике внешнего вида человека являются образы животного мира: (ж. 55 л., продавец) ... *Она у нас была как медвежонок! / мы её водили на танцы ...*; (ж. 34 г., преподаватель вуза) *У меня студент был / прикольный такой весь рыжий как таракан ...* Регулярными типами метафорических переносов при оценке внешности человека являются следующие группы: животные → человек (ж. 35 л., лаборант) *У нее руки такие страшные / как у динозавра*; (ж. 63 г., пенсионерка) ... *да тело-то у неё [ней] / да руки / да вся она такая как змея изящная*; часть тела животного → часть тела

человека (ж. 43 г., преподаватель) *Он был очень модный / у него была **грива** вот досюда // потом он рыдал и говорит / меня / весь свет смеяться будет надо мной;* (ж. 35 л., лаборант) *Маникюрше звонила / времени нет / **когти** надо подточить / лак хочу гелевый ...;* (ж. 44 г., продавец) *Размер (ног) у Саши дай боже / на эти **копыта** обувь еще найти надо ...;* часть тела животного → человек: (ж. 32 г., преподаватель вуза) *Она конечно барышня упитанная / типичный **курдюк** / все трещит по швам ...*

В разговорной речи подобные метафоры и сравнения обладают ярко выраженной негативной окраской, которая направлена и на дискредитацию собеседника. Подобная оценка появляется в речи обычно в отсутствие того, к кому она обращена. Однако встречаются и примеры, в которых метафоры и сравнения зооморфного типа используются в жанре комплимента, когда говорящий стремится подчеркнуть положительные изменения во внешнем виде, вкус в выборе одежды, умение следить за собой. Иногда это может быть высказано в целях поддержки, дружеского расположения или поднятия настроения собеседнику: (ж. 63 г., пенсионерка) */ Сама так это подчеркнула // а она даже интересней была Фанки-то / ну только то что деревенска одежда / та у этой волосы длинны как у русалки / да тело-то у ней / да руки / да вся она такая **как змея** изящная.* В материалах исследования подобные примеры встретились преимущественно в дружеском и семейном общении, в разговорной речи в целом они единичны.

Для характеристики внешнего вида человека довольно часто в разговорной речи используются фитоморфные метафоры и сравнения, источниками которых являются номинации растительного мира. С фитоморфными образами во многом связаны национальные стереотипы, отражающие многовековой опыт народа. Известно, что многие культовые обряды и ритуалы в Древней Руси были тесно связаны с жизнью растений. С древних времен растениям приписывались целебные свойства, они становились символами древнеславянских праздников, их использовали в магических ритуалах. Растения используются в государственной символике, они характеризуют природу, хозяйство, традиции, историю, политические и духовные ценности государства. «Из всего многообразия флоры источниками метафорической концептуализации чаще всего становятся обобщенные номинации растений (*растение, цветок, дерево, куст*) и их отдельные части (*корень, стебель, плод* и т. д.), реже – конкретные разновидности растений» [Кондратьева, 2014: 26].

Основанием для переноса служит, как правило, форма, размер, цвет растений: (ж. 35 л., лаборант) *NN **пря́м лимон** настоящий / так бы и разложила на дольки / да в чай заварила ...*; (ж. 29 л., переводчик) *Крем на / помажь / кожа **как апельсин** ...*; (ж. 24 г., сотрудник университета)... *что у тебя за **лук-порей** на башке / нацепи другую заколку ...* Нередко фитоморфные метафоры и сравнения помогают говорящему смягчить отрицательную оценку, сделать ее более нейтральной и менее обидной.

В качестве источника метафор и сравнений, например, при оценке внешности человека в нашем материале встретились номинации духовного лица. Подобные номинации вызывают в сознании говорящих определенные устойчивые ассоциации, которые связаны со сферой религиозных представлений. При описании внешнего вида человека в качестве источников метафор и сравнений обычно используются известные большинству людей наименования священнослужителей: (ж. 56 л., продавец) *Ну чё ты все в длинном да в длинном / **как монашка** / можно и покороче / чай не старушка ...*; (ж. 67 л., медицинский работник) *Дядя Валера мам совсем перестал за собой следить / живот **как у попа** себе отрастил*; (м. 63 г., водитель) *Жора ведь сам по себе неказистый / приземистый **как дьячок** / маленький / сутулый*; (ж. 74 г., профессор) *Не люблю я это пальто / оно тяжелое / я в нем **как попадьё** ...* При помощи подобных образных средств характеризуется комплекция, рост человека, а также внешний вид в целом, скромность в одежде, её аккуратность, удобство / неудобство. Отметим, что в сфере обыденного общения религиозные метафоры и сравнения не представлены так широко, как, например, в текстах СМИ или поэтической речи.

Номинации предметов мебели также становятся источником индивидуальных сравнений в ситуации оценки внешнего облика человека. Основанием для переноса служит, как правило, форма и размеры мебели. Подобные сравнения характеризуют человека крупной комплекции, нерасторопного и медлительного: (ж. 43 г., повар) *Развезло её страшно / **как тумба** / уже вон / в три объёма*; (ж. 58 л., воспитатель) *Дима тяжеловесный / **как шкаф дубовый** / да / в принципе здоровенный*; (ж. 57 л., пенсионерка) *У него живот / **диван-книжка** / того и гляди разложится*.

Источниками индивидуальных метафор и сравнений при характеристике внешности человека являются и номинации продуктов питания. Основанием для переноса служат форма, размер,

запах, цвет пищевого продукта: (ж. 21 г., студентка) *Ой ... / кошмар ... / крем-безе вообще / под шапкой всё испоганила ...*; (ж. 21 г., студентка; разговор о фасоне платья) *... блин / я в нем как сливовый пудинг / даже не уговаривай / лучше синее померяю ...*; (ж. 54 г., преподаватель) *Да меня посадили / там рука одна / подбородок у меня не юношеский / это они / молодые / все как изюм на пряничке ...* Подобные метафоры и сравнения, как правило, сразу привлекают внимание и настраивают собеседников на дружеское, зачастую шутливое общение.

Имена телеведущих, спортсменов, журналистов, политиков, бизнесменов, общественных деятелей также нередко становятся источниками метафор и сравнений: (ж. 47 л., сотрудник детского образовательного центра) *Она высоченная такая / ну как Танька из О.С.П. / ну она еще квнищица бывшая ...*; (ж. 47 л., сотрудник детского образовательного центра) *Сашка / видела / вылитый Харламов ...*; (ж. 32 г., преподаватель вуза) *Светка моя первый раз хвостик сделала (на волосах) / знаешь / как у Юльки Липницкой ...*; (ж. 32 г., преподаватель вуза) *Очки снимми / как Розка Сябитова блин / те старые лучше были.* Современные медийные лица часто становятся источником образной оценки, так как их внешность, жизнь, поступки, отношение к окружающим нередко становятся темой разговора в неофициальном общении. Выбор источника образной оценки может зависеть от ситуации, когда с медийным лицом связано какое-то нашумевшее событие или оно является «ньюсмейкером» дня или недели (как, например, в случае с чемпионкой Олимпийских игр *Юлией Липницкой*).

При образной оценке внешности человека преобладают преимущественно сравнения следующих типов: *как N, прям / прямо (прям-таки) N*, реже встречаются сравнения с *N* и *типа N* (ж. 55 л., реализатор) *Я его на второй день в роддоме увидела / как крючок / пелёнка дырявая / калачиком выгибается / кряхтит ...*; (ж. 32 г., преподаватель вуза) *Помою / и волосы / как щетка / бальзам пробовала / парикмахер говорит травяной надо ...* В материалах исследования встречаются примеры, в которых сравнение выражено при помощи конструкций *похож / похожий на N вылитый N* и *типичный N*, которые вместе с *прям / прямо (прям-таки) N* выражают высокую степень уверенности в выбранной оценке, отчасти подчеркивают и безапелляционность этой оценки, которая может быть как положительной, так и отрицательной: (ж. 35 л., лаборант) *... шубка вообще / меня смех разбирает / ты в ней на тушканчика похожа / копия ...*; (ж. 21 г., преподаватель вуза) *Че вот*

заладили на кого похож да на кого похож / **на пингвина он похож** / **нашли мне принца**; (ж. 32 г., преподаватель вуза)... *еще каракулевою шапку и вылитый Чапаев...*; (ж. 38 л., продавец) *Ну ты посмотри / **вылитая свинья в корыте** / лежак скоро треснет ...* Конструкция *типичный N* встречается преимущественно при оценке характера человека, его интеллектуальных способностей, профессиональных качеств. При оценке внешности человека подобная конструкция в речи встречается редко: (ж. 57 л., преподаватель вуза) *Пришел первый раз к нам / в аудиторию / мы ахнули / как тебе сказать / **типичный Максим Горький** / и усы и шевелюра / как с картинки ...*

Метафора и сравнение могут сопровождаться в речи факультивным элементом, который усиливает экспрессивную оценку и выражает личностное отношение говорящего к человеку: (ж. 21 г., студентка) ... *ей бы похудеть не мешало / **слониха вонючая** / не развернешься ...*; (ж. 28 л., преподаватель вуза) *У N глаза как у **дохлой собаки** / вечно мутные ...*; (ж. 42 г., сотрудник детского образовательного центра) *Она же / **старая** / **беззубая кляча** ... / все молодится ...* Использование нарочито негативной оценки позволяет выплеснуть эмоции, заручиться поддержкой окружающих, сделать эту оценку ещё более убедительной.

При использовании метафор и сравнений невозможно избежать коммуникативных рисков. Нередко говорящие используют яркие и необычные языковые средства для того, чтобы выделиться и обратить на себя внимание [Кормилицына, Сиротина, 2015]. Однако подобное речевое поведение может вызвать негативную реакцию со стороны окружающих и восприниматься как оскорбление. В разговорной речи образная оценка внешности произносится обычно при отсутствии того, к кому она обращена. В свой адрес люди довольно остро воспринимают негативную оценку внешности, так как считают эту сферу единоличной, не подлежащей обсуждению. Даже в речи близких людей может появиться негативная реакция: (А. (мать) – 58 л., учитель, Б. (дочь) – 23 г., студентка) А. *Мелировалась-то зачем / как будто седины кругом / **как бабка старая** ...* – Б: (раздраженно) *Мам / блин / как хочу так и крашусь ...*; (младший брат обращается к сестре; А. (брат) – м. 15 л., школьник, Б. (сестра) – ж. 18 л., студентка) А: *Танька / сколько не крась / все равно ты **бублик рязанский** ...* – Б: *Мам / если он сейчас рот не закроет / алгебру свою долбаную сам делать будет ...*; (А. – ж. 24 г., продавец, Б. – ж. 21 г., студентка; А. и Б. подруги) А: *Да / что ни говори / ноги у тебя от бедра /*

французский багет ... – Б: *Завидно? / На себя посмотри ...* Негативная реакция может возникнуть и в ситуации, когда образная оценка не является столь категоричной и отрицательной. Однако недовольство собеседника может вызвать грубая или насмешливая тональность, сопровождающая эту оценку, которая воспринимается говорящим как оскорбление.

Отметим, что кроме метафор и сравнений для оценки внешности человека используются и другие выразительные средства. Однако нельзя не согласиться с тем, что именно метафоры и сравнения наиболее точно и ёмко способны передать наиболее тонкие оттенки характера образной оценки.

Итак, в сфере неофициального общения метафоры и сравнения наиболее часто используются для оценки внешнего облика человека. Образные средства позволяют дать яркую, образную оценку внешности человека, способствуют выразительности речи, ее эмоциональности и оригинальности. Часто они передают личностное отношение говорящего к субъекту оценки. Основными источниками метафор и сравнений в ситуации оценки внешности человека являются зооморфные и фитоморфные образы, реже используются прецедентные имена, номинации профессий, образы предметного мира. Образной оценке подвергается всё, что имеет отклонения привычного для человека представления о красоте. Наиболее часто образной характеристике подвергаются черты лица, рост человека, его комплекция, поза, осанка, походка, а также общее впечатление, которое производит человек своим внешним видом. Образная оценка внешности встречается преимущественно в женском общении, так как разговоры на тему выбора фасона и формы одежды, ухода за собой характерны именно для женщин. В мужской речи подобная оценка встречается не так часто, может сопровождаться шутливой тональностью и самоиронией. Выбранный для оценки образ нередко становится причиной конфликта, даже между знакомыми людьми, так как негативную оценку собственной внешности человек нередко воспринимает болезненно и расценивает как вторжение в личное пространство.

Библиографический список

Балашова Л. В. Контрастивное описание метафорического поля «внешний вид Человека» в лингвокультурологическом аспекте (на материале русского и польского языков) // *Stylistyka. Poland : OPOLE university, 2006. Вып. XV. С. 219–235.*

Богуславский В. М. Оценка внешности человека. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. 254 с.

Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 52–64.

Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI–XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2014. 46 с.

Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Риски нецелесообразного использования выразительных (экспрессивных) средств // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 16–17.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М. : Гнозис, 2007. 320 с.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские : коммуникативное поведение. М. : Флинта ; Наука, 2006. 238 с.

Яхина Д. И. Образные средства как составляющие коммуникативной компетенции в речи преподавателей вузов (на материале метафор и сравнений) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 75–81.

Яхина Д. И. Индивидуально-авторские образные средства как реализация одной из составляющих коммуникативной компетенции в разговорной речи // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 11. С. 67–74.

УДК 811.161.1'233'27

Е. В. Наумова

ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ОДНОЙ НЕОРДИНАРНОЙ ЖЕНЩИНЫ РОССИИ

В статье рассмотрены особенности лексикона и выразительных средств языка, в основном художественной (поэтической) и публичной устной речи женщины-астронома.

Ключевые слова: речевое поведение, речевая культура, речевой портрет, полнофункциональный тип речевой культуры.

E. V. Naumova

FEATURES OF A SPEECH EXTRAORDINARY WOMEN OF RUSSIA

The article describes the features of vocabulary and expressive means of the language, mainly the artistic (poetic) and public speech female astronomer.

Key words: verbal behavior, speech culture, speech portrait, full-functional type of speech culture.

Далеко не все жители России являются носителями литературного русского языка. Из тех, кто говорит и пишет на литературном русском языке, далеко не все владеют всеми его функциональными стилями. Человек, речь которого исследуется в данной статье, явно неординарная личность: по образованию она астроном, работала в ракетном центре, не только любит поэзию, но и сама пишет стихи. Более 25 лет занимается исследованием четвёртого измерения – времени, его влияния на человека. Речь идёт о Е. Д. Лучезарновой – учёном, путешественнике, поэте и писателе, члене Союза писателей России, а также члене Международной ассоциации писателей, члене-корреспонденте Академии поэзии, матери троих детей, бабушки семерых внуков.

Е. Д. Лучезарнова совершила экспедиции на Северный и Южный полюсы, облетела Землю вокруг экватора и вдоль меридианов. За большой вклад в развитие и сохранение русской культуры и русского языка она награждена Золотой Есенинской медалью Союза писателей России, Золотой медалью «Василий Шукшин», удостоена Всероссийской литературной премии «Традиция». Награждена орденом медалью Леонардо да Винчи Европейского комитета по наградам и премиям при ООН «За выдающиеся заслуги перед народами».

Судя по этим данным, Е. Д. Лучезарнова, вероятно, является носителем полнофункционального типа речевой культуры. Автору этой статьи уже приходилось анализировать речь носителя полнофункционального типа речевой культуры – врача [Наумова, 2009, 2010, 2013]. Одним из показателей такого типа является выход языковой личности за рамки своей профессии, владение всеми функциональными стилями русского языка [Сиротинина, 2003]. Так, в анализируемом ранее нами речевом поведении Д. А. Морозова – врача по образованию, проявляются концепты языкового сознания учёного, политика и медика. Кроме того, Д. А. Морозов – поэт, композитор и исполнитель своих песен, что ещё больше расширяет его языковые возможности как человека, владеющего полнофункциональным типом речевой культуры.

Материалом данного исследования послужили книги Е. Д. Лучезарновой: «Звёздная симпатия» (2001), «Эксклюзивное право на жизнь» (2001), «Звёздная прозрачность» (2004), «Приглашение времени» (2004), «Сокровище» (2005), «Используй силу солнечного света» (2005), «От ума до разума» (2005), «Достойный

выбор» (2005), «Широта мышления» (2006), «Жар жизни» (2006), «Сила слова» (2006), «Дар» (2006), «Молчание мудрого» (2006), «Власть времени» (2008), «Запас здоровья» (2009), «Из бесконечности в вечность и обратно» (2009), «Ликование» (2009), «Ритмы нового века» (2009), «Любовь» (2010), «Время России» (2011), «Русские» (2011), «Звёздное питание» (2011), «Данное возрастом» (2011), «Живая книга» (2012), «Государственное устройство» (2012), «Звёздные ритмы времени» (2015), «Размышления и афоризмы» (2015), «Живой ритм» (2016); выступления на телевидении в программах «Занимательная наука. Светлая голова» (канал ОТР), «Женские откровения» (телевизионный канал Маххі TV, Украина), «Новости» на канале «Эра ТВ» (Украина), фильмы «Улитка. Вселенная смыслов», «Вода. Вселенная смыслов», «Ключ. Вселенная смыслов», её выступления перед интересующимися временем на встречах в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Астане.

Прежде всего в её речи поражает огромный объём активно используемого лексикона, в котором чуть ли не на первые места по частотности используемых слов выходят такие слова, как *время, ритм, разумность мироздания, вечность, бесконечность, Вселенная, космический разум, космические потоки, звёздная прародина, гармонизация сознаний, преобразование сознаний*. Активно используется лексика, характеризующая Е. Д. Лучезарнову как мыслителя, выходящего за рамки одной профессии: *представители жизни на планете Земля, разум типа человеческий, тайна жизни существа на этой планете, вселенский разум, планетарный разум, экспедиция на Землю и в человечество, планета любви, покров всеместимости, тайны мироздания, вселенская мера, Световая Вселенная, Лучевая Вселенная*.

Часть этих слов явно связана с её профессией астронома (*созвездия, светила, звёзды, квазары, обсерватория, телескоп, затмение, метеориты, кометы, болиды*), часть – с её философскими размышлениями (*время, разумность мироздания, вселенский разум*), часть – с её путешествиями (*экспедиция, маршрут, точка вылета, полёты, азимут*). Но особенно поражает не это, а неординарность, необычность мышления Е. Д. Лучезарновой. Её произведения разрушают стереотипы, а образность и парадоксальность мысли делают её язык нестандартным.

Так, Е. Д. Лучезарнова называет русский язык *огненным языком*, потому что именно на нём возжигаются великие мысли, рождаются идеи, открытия и озарения. Сравнивая русский язык с

другими языками, она отмечает его сложность и глубину: *Латинский язык – язык биосферы, язык обслуживания тела. Английский язык – язык обслуживания этнического, через этот язык общаются люди разных стран на конференциях, в бизнесе. Русский язык – язык ноосферы – сферы человеческой мысли, человеческого слова. Это единственный язык оформленной памяти. Он очень сложный, он очень красивый, и только на нём можно описать то, что происходит внутри тебя. Ни по-английски, ни по-испански, ни по-японски, ни по-китайски ты этого не опишешь. Ты опишешь этими языками только то, что вокруг тебя, но никогда не опишешь всю глубину проживания внутри собственного сердца («Из бесконечности в вечность и обратно»).*

Размышляя о русских как нации, Е. Д. Лучезарнова сравнивает все остальные народы со звёздами, а русских – с межзвёздным пространством, говорит о том, что русские ближе всего к космосу: *Если мы сравним себя со звёздным небом, то все остальные народы есть звёзды, а русские – это то, что между звёздами. Поэтому из любого русского можно всё сделать; он будет прекрасным актёром, может сыграть такое количество ролей. Согласитесь, что сколько русские играют, как они быстро перевоплощаются, нигде больше на Земле не способны так быстро выходить из одного состояния и входить в другое состояние, в третье состояние; как они могут друг к другу относиться бережно, как быстро входят в проблемы другого, как пытаются помочь другому.*

С другой стороны, за русских мне всегда радостнее, чем за какой-либо народ, потому что они ближе всего к космосу, а больно, потому что они дальше всего от Земли. И их цель сейчас – как-то приземлиться, пусть на мгновение, пусть ненадолго, пусть они дерево посадят, дом построят, пусть они ребёнка вырастят, но сделают хоть что-то земное. А они никогда не хотят даже это до конца доделать, всегда отдают в коллектив.

Предназначение России – быть очень избирательными и от каждого народа вбирать лучшее. Если же русские становятся неразборчивыми, они, к сожалению, берут совсем не то. Так что основное предназначение русских – от каждого народа взять самое-самое главное и всё это состыковать вместе в красивую гармонию светил, чтобы каждому было место, у каждого было какое-то пространство свободное. Как небо, оно же прекрасно, и ни одну звезду нельзя оттуда изъять, ни одну нельзя вставить. Это великий космический разум так красиво всё создал («Русские»).

Эта необычность мышления проявляется и в её книгах, стихах, и в устной речи, в выступлениях, ответах на вопросы. Только огромным объёмом активного лексикона Е. Д. Лучезарновой можно объяснить быстроту её ответных реакций, выбора самого точного (но вовсе не модного в современной речи) слова. Она способна очень долго, логично строить свою устную монологическую речь (без опоры на написанный текст). Легко и свободно использует выразительные средства современного русского языка. В её речи активно употребляются индивидуально-авторские тропы:

метафоры: *звёздный букет; слов волшебная вязь; мои слова с небес прольются, омойся ими; горизонталит жизнь без слов моих, подставь всё лучшее в себе под их полив; сладким мёдом истины покроется Земля; огнём космоса вечно палимая; кислородный коктейль русского огненного языка; хочется укрыться в одиночество; кружится сказкой голова; сражение с безмолвием; хрустальными оденет лес; изумрудные скрижали; сгусток любви; игра судьбы началась; нить жизни; беспечной шелковистости межпальцевых касаний; исследовать глубину судьбоносного начала; душа поэта к истине летала; словесный полив; революция сердца, революция разума; оплодотворение души; иначе там звёзды плачут, с неба стекая огнём; радуга ласковой радости; дворцовое прозябанье; величие свободы;*

эпитеты: *неземная чистота; поэт руссколикий; живородящим символом; беспредельной эпохи, несмелая жизнь, чистая мысль;*

сравнения: *мои стихи – таблетки для землян; мои слова, как звёздный дождь; жизнь короткая модницей; они осознали, что их изречения гораздо сильнее, чем все бомбы мира; слова – снаряды, ракеты, бомбы, мины; каждый стих, как разрешение от бремени; погода – царь, бог, распределитель движений; тебя, как Золушку, отпущу на бал к Солнцу;*

оксюморон: *аномалия счастья, память будущего, жестокая прелесть, величие мрака;*

перифраза: *небесные холодные огоньки (о звёздах); город мостовых, мостов (о Санкт-Петербурге).*

Умело используются риторические приёмы сообщения информации:

вопросно-ответные построения: *Что же такое имя? Имя – это солитон; Разница в чём? Худоба убирает вес, а стройность убирает объёмы;*

вопросы, направленные на стимуляцию к размышлению

слушающих: *Так что же такое аномальная зона? Что же происходит и почему? Почему всё так ускоряется?*

Для синтаксиса характерны необычные противопоставления, свидетельствующие об особом образе её мышления. Например, в парцелированных конструкциях: *Он и эгрегор. И их взаимосвязь. Эгрегор активен. Йог пассивен* (Эгрегор – энергетическое и информационное поле, которое складывается из мыслей и эмоций больших групп людей, объединенных общей идеей. – Е. В.).

Излюбленным средством выразительности автора является **повтор**, позволяющий сконцентрировать внимание слушателя на самом важном, создать необходимое впечатление у читателя или слушателя: *Конечно, максимум своего внимания, максимум своего ритмовремени, максимум потока я даю на вашу личную траекторию; Мужчина – это всегда начало, мужчина – это всегда старт, мужчина – это всегда толчок; огромный-огромный след; падают и падают болиды; вот она тайна аномальной зоны, вот она тайна Бермудского треугольника.*

Обращает на себя внимание разнообразие тематики устной и письменной речи Е. Д. Лучезарновой. Её публичная монологическая речь и стихотворные и прозаические произведения наполнены размышлениями о вечном и бесконечном, о разумности мироздания и несовершенстве человека: *Этот мир очень разумно устроен, надо только грамотно и разумно им пользоваться; Чтобы жить дольше, надо правильно и красиво говорить; Улыбка мозга – единственное, что спасает от глубочайшего разочарования; Люди должны прижиматься друг к другу мозгами, а не телами; Работающий мозг – это огромное чудо.*

*Земля – очаг, и я – её хранитель,
Семья моя приемлет человека
Любого цвета кожи и мечты.
Границам – «нет», «нет» – нациям,
Народы по всей Земле должна соединить.
И человек любой – моё дитя,
Мой флаг посильный – знамя мира.
Я – мать мира, я – любви душа.*

(«Звёздные ритмы времени»)

*Объявить о конце насилия
во всех видах и формах знания.
Страна истины Петербургская*

*в цельности мироздания
Воспоёт гимны славы русской.*

(«Время России»)

*Эти странные люди.
Чем живут и чем дышат?
Все подвластные моде,
Миров высших не слышат.*

(«Ритмы нового века»)

*Сделайте разумными
клетки тела,
клетки сердца
и клетки мозга.
На нашей планете должно идти
автоматическое
сердечное самоочищение.*

(«Время России»)

Государственное устройство, религии, национальности, русский язык, добро и зло, мужчина и женщина, любовь, здоровье, жизнь и смерть, поэзия – на эти и самые разные другие темы размышляет автор в своих произведениях: *Уникальность данной эпохи в том, что любой победитель является заведомо побеждённым, а любой побеждённый является заведомо победителем, поскольку любая война, любое противоборство абсолютно бессмысленно* («Государственное устройство»); *Умение наслаждаться собственным возрастом, умение им гордиться приходит не сразу* («Данное возрастом»); *При соответствии своему возрасту уходят различные эмоциональные и понятийные перегрузки* («Данное возрастом»); *Ум может быть природный, а мудрость всегда звёздная* («Звёздное питание»); *Звёзды есть ворота во время* («Звёздное питание»); *Земля есть не что иное, как планета любви, и любой разум сюда проникает только для познания любви* («Любовь»).

В речи Е. Д. Лучезарновой можно выделить особый вид институционального дискурса, который назовём *космическим*. Видимо, это связано с профессией астронома, концепты и термины языкового сознания которого и проявляются в её речи довольно часто: *Каждому сейчас звёзды просто необходимы. И не только*

напитаться звёздами через глаза, но и знать саму жизнь звёзд, обратиться к этой жизни и сначала провести внутри себя то, что в своё время провёл Коперник, и собственное «я» переместить на Солнце и понаблюдать за своей жизнью с этого расстояния. Затем перевести себя в центр Галактики Млечный Путь и оттуда рассмотреть свою жизнь («Звёздное питание»);

*Границ переход нам позволяет
вверх уходит звёздным букетом.
Каждый – звезда
по своей красоте и насыщенности –
Открывает свои секреты
владения этим миром.
Спокойное к нему отношение
даёт возможность
расцветать во всей красе...*

(«Звёздное питание»)

Одна из глав «Живой книги» Е. Д. Лучезарновой так и называется «Среди звёзд», в ней проявляются концепты языкового сознания астронома, так, например, все люди с точки зрения отношения к звёздам, по её мнению, делятся на: 1) астрономов, живущих под девизом «Perasperaadastra» (через тернии к звёздам); 2) астрологов, которые примеряют звёзды на себя; 3) астролатров, сочетающих качества двух предыдущих типов; 4) тех, кому не до звёзд (все силы уходят на добычу хлеба насущного); 5) тех, кто сам звезда (эстрады, политики, бизнеса и др.). Приведём начало главы, в которой ярко проявляется космический дискурс: *Ясная, звёздная, тихая, тёплая ночь. Масса глаз, устремлённых к небу, купается в звёздном свете. Знающие названия созвездий с удовольствием их произносят. Пальцы вычерчивают очертания, помогая совместить имена с видимой картиной. Поэты придумывают свои названия звёздам. Влюблённые одаривают звёздами возлюбленных. Я тихо бреду по берегу океана, слушаю обсуждение звёздного неба и думаю: «Почему они не слышат, не слушают голос звёзд?» Звёзды произносят свои собственные имена. Я с детства в себе обнаружила эту странность – в желании закрыть глаза, открыть уши и слушать звёзды. Откуда-то из глубин мироздания зазвучало: «Умение слушать звёзды чрезвы-*

чайно редкое. Оно присуще созданным из времени. Созданные из пространства способны только видеть, видеть, видеть...» («Живая книга»).

В речи Е. Д. Лучезарновой наблюдается и проявление концептов языкового сознания путешественника: *экспедиция, маршрут, точка вылета, полёты, азимут*; учёного-психолога: *вектор течения времени, душа, эмоции, понятия, чувства, эмоциональный цикл, психологический цикл*.

Важнейшей чертой представителя полнофункционального типа является лингвокреативность, то есть способность языковой личности к речетворчеству. В поэтических произведениях Е. Д. Лучезарновой особое значение придаётся ритму, свою поэзию она называет ритмами и вообще придаёт ритмам не только в стихах, но и в космосе огромное значение: *Моя задача была описать весь этот мир через ритмы* («Звёздные ритмы времени»). Говорит о ритме каждой планеты Солнечной системы, зодиакальных знаков, звёздных объектов, что также характеризует её речевое поведение с точки зрения профессии астронома-солнечника. Более того, она считает, что каждый человек рождается как живой ритм, и важно суметь сохранить этот ритм – свою уникальность.

То, что обычно осуждается: повторы как слов, синтаксических построений, так и частей слов (*зарубежья рубежи*), у неё не ошибки речи, а сознательно формирующие нужный смысл и нужный ритм выразительные средства. По мнению одного из белгородских филологов, «участвуя в любом событии, в путешествиях, она собирает время, а затем упаковывает его в слова ритма. Читатели получают время этого события. Ритм, в отличие от стиха, не хранит в себе даже памяти конфликта, внешнего или внутреннего, но содержит пустоты, вмещающие каждого человека без нарушения его целостности. Поэтому прочтение одного ритма разными людьми раскрывает индивидуальность каждого в его космической неповторимости. Этот процесс напоминает рождение, возможно, поэтому автор называет свои книги живыми» [Кичигина, 2015: 8]. Приведём примеры ритмов из книг автора:

СЕМЯ НЕБЕС

*Любимый мой мальчик – сыночек небесный,
С какого пространства явился, чудесный?
Откуда примчалось на зов огнесемья?
Какое ты время, какое ты племя?*

*Вселенная шире известных размеров
В тебе поселилась безудержной верой,
Дозволь прикоснуться к уставу творенья
С тобой разделившей всю тайну рожденья!*

(«Звёздные ритмы времени»)

ДВОРЕЦ ЛЮБВИ

*Русскоязычная мощь,
Русскоязычная ширь,
Русскоязычная щедрость,
Русскоязычная высь,
Рванулась на помощь
Из небыли – быль,
Сотворчества ось,
Лучистая мысль.
Разумное сердце
В порыве слилось,
Любви и мудрости
Дворцом назвалось.*

(«Ритмы нового века»)

Сборник ритмов «Время России» посвящён родине, каждое произведение наполнено любовью к родной земле: «*Я ощущаю время России ритмами и приглашаю читателя насладиться его течением*».

ПЛАЦДАРМ

*Софийским храмом Петербург
звучит мостами в небо,
Соединяя быль и небыль,
о правде жизни говорит.
Здесь истина сама звучит,
и муза сердце посещает.
История плацдарм даёт
и никого не утишает,
Готовит тех, кто ввысь идёт –
на взлёт.*

(«Время России»)

ПОВЕЗЛО ТЕБЕ С РОССИЕЙ

*Повезло тебе с Россией,
Повезло родиться здесь,
Где эгрегор голосистый
Венерою колосится,
Степь есть,
Слоистость есть,
И руно наполовину
Здесь расчёсанным лежит:
Одиссеи одиссею
Могут славно пережить.*

Языком

*русским
засею
Зарубежья рубежи,
Повезло мне жить в России:
переводом непосильным
не гублю мозги свои.*

*Я по-русски судьбу сею
и по-русски ниву жну,
Остальные в мой строй встанут,
Я ж с дороги не сверну.*

(«Время России»)

Одна их ярких ораторских особенностей Е. Д. Лучезарновой – бережное отношение к адресату, постоянная забота о слушателях. Она стремится так распределить внимание адресата, чтобы сообщаемое было понятным и доступным для слушателя или читателя. В её речи много контактоустанавливающих, метатекстовых высказываний, позволяющих сделать речь максимально доступной и понятной адресату: *Я так спешу писать понятно; Я, как всегда, говорю понятным языком; Расскажу, что было вчера, потому что это очень важно; Одно можно сказать в завершение; Единственное, к чему сразу призываю...; Итак, ещё раз повторю; Чтобы было понятнее, я расскажу о своей жизни; Напоминаю.*

Речь Е. Д. Лучезарновой словно льётся потоком, ей присущи чистота и правильность, при этом в ней нет ничего лишнего: даже заполнителей пауз в поисках нужного слова. Всё соответствует

замыслу речи и сообщению нужной информации. Ошибки речи ей не свойственны, единственное, что я смогла заметить, ударение в слове *новорожденный*, которое фактически сейчас является узуальной нормой.

Все перечисленные качества речи Е. Д. Лучезарновой свидетельствуют о её вероятной принадлежности к группе носителей полнофункционального типа речевой культуры. Образцовая речь, какой является речь представителей полнофункционального типа речевой культуры, сохраняет литературный русский язык в его чистоте, красоте и соразмерности, и такое речевое поведение, несомненно, должно быть ориентиром для остальных.

Создание галереи речевых портретов современников, обладающих высоким типом речевой культуры, имеет глубокий культурологический смысл и особенно актуально в наше время, когда даже среди писателей, а тем более журналистов, мало авторитетов в речевом поведении.

Библиографический список

Кичигина В. В. Звёздные ритмы времени // Академия поэзии. Альманах. М. : ИПО «У Никитских ворот», 2015. С. 8.

Наумова Е. В. Речь врача в официальной обстановке // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 147–154.

Наумова Е. В. Некоторые особенности речевого портрета современного врача // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 81–88.

Наумова Е. В. Проявление высокого уровня коммуникативной компетенции в речи врача // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 64–78.

Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 3–20.

ВСЕГДА ЛИ ЧАСТИЦА ЖЕ ТЕМАТИЧНА?

В статье рассмотрены особенности функционирования частицы *же*, которая в лингвистической литературе не получила еще достаточного освещения с точки зрения роли в выражении актуального членения. Показано, что частица *же*, вопреки общепринятому мнению, может быть связана и с темой, и с ремой высказывания.

Ключевые слова: частица *же*, тематическая частица, рематическая частица, тематическая функция, рематическая функция.

IS THE PARTICLE «ZHE» ALWAYS THEMATIC?

In article features of functioning of the particle «*zhe*» which in linguistic literature have not received sufficient coverage yet from the point of view of a role in expression of functional sentence perspective are considered. It is shown that the particle, contrary to the standard opinion, can be connected both with a subject, and with a statement rheme.

Key words: particle «*zhe*», thematic particle, rheme particle, thematic function, rheme function.

В рамках учения об актуальном членении, созданном пражской лингвистической школой еще в 20–30 годах XX века, исследователями принимались во внимание роль частей речи в выражении актуального членения и возможности отдельных слов входить в тот или иной компонент актуального членения либо быть темой или ремой. Было установлено, что одни части речи (существительные, местоимения, особенно личные) выступают преимущественно в роли темы, другие (глаголы, прилагательные, наречия) – в роли ремы. В пределах частей речи изучались коммуникативные свойства отдельных слов. Оказалось, выполнение словами русского языка либо функции темы, либо функции ремы и вхождение слов в эти компоненты актуального членения является несвободным. Например, составные прилагательные, образуемые слиянием формы на *-ым* с краткой формой на *-о*, *-а* от одной и той же основы, типа *темным-темно*, *черным-черна*, по мнению Ю. Д. Апресяна, могут выполнять только рематическую функцию, что должно фиксироваться в их словарных статьях [Апресян, 1988]. В парах *изредка* и *редко*, *вдали* и *далеко*, согласно Е. А. Падучевой, И. М. Богуславскому, Т. Е. Янко, первые сло-

ва легко занимают положение темы, а вторым оно противопоказано [Падучева, 1989; Богуславский, 1998; Янко, 2001], а такие выражения, как *жил-был*, *как-то раз*, *однажды*, как отмечает И. М. Богуславский, не допускают положения ремы [Богуславский, 1998] (некоторые лингвисты высказывания с такими выражениями рассматривают как нерасчлененные).

Считается, что подобные ограничения коммуникативных свойств имеют и некоторые частицы, способные усиливать сигнализацию компонентов актуального членения. В соответствии с этим в свете теории актуального членения частицы принято рассматривать как дополнительное средство его выражения (дополнительное, поскольку тема-рематическое членение высказывания с частицами и без них, как правило, совпадает) и классифицировать на тематические, выделяющие тему или усиливающие ее выделение, и рематические, связанные с ремой высказывания. Однако стоит ли их разделять?

Такой вопрос возникает, поскольку, во-первых, тематических частиц значительно меньше, чем рематических. Несмотря на отсутствие единого мнения по вопросу распределения частиц по этим двум группам, большинство отечественных лингвистов к тематическим частицам относят *же*, *-то*, отдельные употребления *вот* и некоторые другие, тогда как рематическими называют *только*, *лишь*, *один*, *даже*, *и*, *не*, *как раз*, *хоть*, *зато*, *будто*, *якобы*, *именно*, *особенно*, *просто* и другие (К. Г. Крушельницкая, И. И. Ковтунова, Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Г. Е. Крейдлин, Е. А. Стародумова и др.).

Во-вторых, как верно заметил В. М. Алпатов, новые факты, увеличивая «хаос» в науке, показывают несовершенство многих классических положений и необходимость их пересмотра [Алпатов, 2015]. Существуют контексты, в которых и тематические и рематические частицы могут быть привязанными к компонентам актуального членения в несоответствии с указанными их функциями. И если способность таких частиц, как *только*, *даже*, *именно*, выделять не только рему, но и тему высказывания (контрастную тему) уже обсуждалась в лингвистической литературе (к примеру, Т. М. Николаевой, Т. Е. Янко, которая дала им название «слова контраста»), то практически без внимания остались коммуникативные функции частиц, традиционно относящихся к тематическим, хотя они тоже могут выполнять коммуникативные функции, противоположные закрепленным за ними в работах отечественных исследователей.

Бесспорно, частица *же* чаще выступает в роли дополнительного средства выделения темы (здесь и далее будут приводиться примеры из НКРЯ и современной художественной литературы): *До него об этом же говорили древние поэты и мифы всех народов; Из этой же пропорции выйдет кулич вершков 9-10 в диаметре; На другой день вынуть / опрокинуть на решето / дать соку стечь / ягоды же протереть сквозь сито; Подлинность же самой песни доказывается духом древности / под которую невозможно подделаться; Если не надо подавать в щак говядину / то можно ребра от толстого или тонкого края / вырезку же употребить на бифштекс или жаркое.* Однако рассмотрение частицы *же* как тематической может вводить в заблуждение о коммуникативном составе высказывания, так как коммуникативные свойства данной частицы не ограничиваются лишь этой ролью.

В работе украинского филолога О. Г. Межова упоминается, что в отличие от повествовательных высказываний, где частица *же* прикреплена к теме, в вопросительных, располагаясь после местоименного вопросительного слова в функции субъекта, объекта, адресата, орудия, локатива, частица *же* становится усиленной и выделяет рему [Межов, 2012]. Многочисленные примеры из НКРЯ это подтверждают: *И кто же говорит? Но кто же еще мог звонить? Кто же мне это напечатает? И к кому же она была добра? Так кому же выгодно? К кому же он должен был привезти? Ну а чем же оно удивительно? Что же сказать в заключение обо всем этом ужасном происшествии? Кому же из нас вы делаете предложение?*

Никак не связано с тематическим компонентом употребление частицы *же* в высказываниях с десемантизированным местоименным словом типа *Где же мне с ним тягаться?*, в которых, как отмечает А. В. Канафьева, утрачены вопросительность и исходное значение местоимения [Канафьева, 2009] (в данном примере – пространственное). Образованное новое разговорное сочетание частиц *где же* (по образцу *где уж*) оформляет, как нам представляется, нерасчлененные высказывания (коммуникативно-односоставные, по терминологии О. Б. Сиротининой, или высказывания без данного, по К. Г. Крушельницкой).

В других высказываниях с *же* (*ж*) (невопросительных) тоже может быть реализована нетипичная, с точки зрения устоявшегося мнения, для этой частицы коммуникативная функция: *Эй, ты чего, больно же!* (Л. Улицкая); *Правда, здесь я все обыскала уже не по разу... Но есть же где-нибудь!* (Л. Улицкая); *Да я ищу. Должно же быть где-то* (Л. Улицкая); *Ты ж по этим делам*

главная (В. Пелевин); *Гнать Надьку ни у кого не подымается рука. Гнать как нагнаться, как ронять себя же, как упасть до самого подлого уровня* (Л. Петрушевская); *Выясняется, что женщина ждет ребенка от ребенка же* (Л. Петрушевская); *И наконец входят в бедняцкую, загаженную, холодную квартиру, и там, в запроходной комнате, лежит под зеленым одеялом Надька, чистая (только из больницы же) <...>* (Л. Петрушевская); *Но нельзя же не есть* (Л. Петрушевская); *Да сильнее же надо* (В. Пелевин).

Во всех приведенных примерах слова, входящие в сферу действия частицы *же*, представляют собой информацию, важную для говорящего в момент речи, что отождествляется с понятием ремы.

Функции показателя темы или ремы связывают с семантикой конкретных частиц [Стародумова, 2002: 30]. Одним из признаков частиц, входящих в группу тематических, называют неспособность вносить дополнительную информацию в значение выделяемого компонента [Стародумова, 2002: 77]. Частица *даже* вносит значение неожиданности, включения факта в определенный ряд, множество; частица *только* – ограничительное значение. А какое дополнительное значение может вносить частица *же*? В связи с этим Е. А. Стародумова приходит к выводу, что тематические частицы только способствуют отделению выделяемого компонента от рематической части высказывания [Стародумова, 2002: 77]. При этом общепризнанным является тот факт, что сферой действия тематических частиц *же* и *-то* всегда оказывается слово, контактно расположенное слева от них.

В таком случае, что выделяет частица *же* в следующих высказываниях, если учитывать, что ее сфера действия совпадает со сферой действия рематических частиц? *Вот именно куда же она уехала и хотел знать генерал Лунин, который сердцем ревнивца давно уже чувствовал дыхание измены* (Л. Улицкая); *Стесняясь самих себя, бабы идут по указанному адресу, как-то неловко, не подружку же навещают, а кого: большой вопрос* (Л. Петрушевская); *Кармен же хочет коротко и приглушенно, не слишком явно, не двадцать же человек собирать, и так многовато уже* (Л. Петрушевская).

Частицы *и*, *да* (см. предыдущие примеры), *именно*, *не*, за которыми традиционно закреплена функция сигнализации рематической части высказывания и для которых нормой является расположение перед этой частью, вместе с частицей *же* обрамляют

рему. Частица *же* не может выступать здесь в роли показателя темы, если, конечно, не считать ее прикрепленной к следующему за ней слову, что противоречит общепринятому мнению и сохранившемуся еще, согласно А. А. Зализняку, в сочетаниях с этой частицей закону Ваккернагеля [Зализняк, 2008].

Очевидно, что в приведенных высказываниях частица *же* и не отделяет выделенный ею компонент от рематической части. Роль отделения темы от ремы не всегда применима к частице *же* даже в тех случаях, когда в ее сферу действия входит тематический компонент. Так, возможны случаи расположения *же* между синтаксически связанным целым, выступающим в роли темы: *Советский же Союз развалился / мне кажется / не по этой причине; Здесь власть все определяет и всему довлеет. И вдруг институты же власти рассыпались. И страна оказалась бесхозной.*

Таким образом, критерий тематичности является недостаточным. Частица *же*, которую относят к тематическим, может выполнять обе коммуникативные функции: не только тематическую, но и рематическую.

Среди условий, оказывающих влияние на выполнение частицей *же* той или иной коммуникативной функции, можно отметить форму и стиль речи, окружение частицы в высказывании (частеречная принадлежность слов, попадающих в ее сферу действия; наличие / отсутствие других вспомогательных лексических средств выражения актуального членения) и некоторые другие.

В письменной (стилистически нейтральной) речи устойчиво выполнение частицей *же* тематической функции. При характерном для письменной речи прямом порядке следования компонентов «тема – рема» в сфере действия *же* как частицы, которая преимущественно занимает позицию, близкую к началу предложения или началу части сложного предложения, оказывается тематический компонент. Реализация рематической функции в устной речи, вероятнее всего, связана с акцентирующими способностями частицы. Как правило, в момент речи говорящий не задумывается над тем, какие лексические средства можно использовать для выделения коммуникативно важной информации. Он употребляет те частицы, которые способны акцентировать внимание слушателя на каком-то элементе сообщения, а *же* к таким частицам, как известно, относится.

Рематическая функция *же* имеет некоторые стилистические ограничения, к примеру, недопустима в официально-деловом

стиле, причем для письменной формы нехарактерно и само ее употребление. Судя по данным НКРЯ, использование частицы *же* в деловых, законодательных, правовых, судебных документах бывает связано с непониманием различий сочетаний *же* с местоимением *так* и союза *также*: *Лучшие и оригинальные работы будут размещены в газете и на сайте редакции газеты «Астра-вецкая правда», а так же в местах общественного пользования, на контейнерах и т. д.* В устном деловом общении *же* привязано к теме.

Рематическое *же* возможно в художественном стиле, но, как показывает материал современной прозы, только в художественном диалоге или несобственно-авторской речи, где используется с целью стилизации.

Употребление рематического *же* в разговорной речи связано с категорией эмоциональности. Эмоциональное состояние говорящего способствует, во-первых, самому использованию частиц, во-вторых, инверсии, в результате которой *же* располагается при коммуникативно важном компоненте: *У Ленки же фотоаппарат / я же свой не взяла / я все думала уеду / не уеду; Он охранником же работает; Не в песок же зарыли?; Тогда же не было президента. У нас же был / как / один... Советский Союз же был тогда; Вообще Москва же руководила тогда; Придите ко мне сюда / посмотрите / полочки свои одобрите / Ваш же шкафчик будет!* Эмоционально окрашены и высказывания, в которых рематическое *же* находится в конце: *Уволю всех к чертовой матери! Завтра же!; Нечего тут толпиться / идите на свои места! Идите / вам сказали же!; Так это приятно же!; Дык я не учусь / практика же!; А нее / в воскресенье ты чё / я тоже не могу работать // праздник же!; Не знаю / навряд ли... Ну вот смотри / мы в России же...; – Я так и думал / что экстремал что-нить загонит такое / жуткие вещи такие. – Ну экстремал же; Если ты знаешь там кого-нибудь по этой части / найди его и приезжай с ним сегодня же* и другие.

На уровне высказывания важным условием для реализации рематической функции *же*, как отмечалось выше, является наличие дополнительных лексических средств – рематических частиц (если опираться на традиционную классификацию). Не все из них способны функционировать совместно с *же*. К примеру, не представляются контексты, в которых к рематическому компоненту примыкают с одной стороны *же*, а с другой – *даже*. Самым «на-

дежным партнером» в этом отношении, по нашим наблюдениям, является рематическое *не*: *Ну подумаешь там три полоски белые идут / ну на рукавах там три полоски / ну как бы это ж полосочки / не весь же сам он белый; Ну не круглосуточно же; Не видно же его / он же маленький; Можно было хотя бы встать ну в семь / ну в восемь часов / но не в пять же утра* и другие.

Выполнение частицей *же* одной из двух коммуникативных функций в некоторой степени взаимосвязано с частеречным составом ее сферы действия. Часто в сфере действия *же* оказываются слова, которые по семантическим критериям очень редко бывают ремой, а именно местоимения (за исключением вопросительных): *Дорога на десятилетие / она же всегда начинается с первого шага; Я же сказал / сейчас помою; Мы с ним же еще пионерами вместе были / дружили; И эту же цифру можно найти в исторических хрониках Ставрополя...; Этот же принцип потом использовал его современник / почти ровесник / Холдер / и дальше этот принцип используют уже и другие авторы; Опять тот же жест и такой шум в зале* и другие.

Сфера действия рематического *же* может быть выражена любым знаменательным словом, даже местоимением (в очень редких условиях конситуации); здесь нет никаких закономерностей: *Да оно и... по качеству же получается еще надо смотреть; Ну и напугал же ты нас / Дмитрий Василч; Так миллион триста тысяч же стоит / как выяснили; Купчино далеко же...; Ну нам с тобой придётся что-нибудь купить! Не с пустыми же руками идти...; А поставит энергичного / деятельного / настоящего премьер-министра / он потребует полномочий. А президент скажет / «А зачем тебе? Я же хозяин».*

Возможно, коммуникативная функция частицы *же* зависит от реализованного в высказывании ее значения. Усилительное значение *же* в большей степени, чем отождествительное, противительное или присоединительное, способствует сочетанию частицы с рематическим компонентом и его выделению.

Опора на данные устного корпуса НКРЯ позволяет отметить в качестве еще одного фактора функционирования *же* пол говорящего. Речь женщин, как правило, более эмоциональна, поэтому женщинам употребление *же* в рематической функции более свойственно, чем мужчинам.

Итак, выделение коммуникативно однозначных тематических частиц как группы слов, сигнализирующих только тему, оказывается спорным, как и предложенные критерии для их выделе-

ния. Существуют контексты, в которых тематические частицы могут выделять ремы, что было показано на примере частицы *же* и может быть продемонстрировано на примере следующих высказываний с частице *-то*: *Поверь моему слову, уж я-то знаю* (Л. Улицкая); *Хоть с Лехой-то у нас в этом плане нет проблем – другом и близким по интересам человеком его трудно назвать, но нет проблем в общении, и тема «бывший» не вызывает никаких неприятных ассоциаций* (пример из НКРЯ); *А Миша-то в курсе?* (пример из разговорной речи).

Применительно к данным частицам в рамках теории актуального членения, на наш взгляд, следует говорить о двух коммуникативных функциях (тематической и рематической), дальнейшее изучение которых может быть связано с их конкретизацией (в работах лингвистов встречается упоминание о таких формах рематизирующих способностей, как рематизатор, приречный элемент, показатель дополнительной ремы и другие [Стародумова, 2002]) и выяснением отношения таких частиц к типу информации с точки зрения данности-новизны, с учетом общепризнанного факта, что понятия *тема* и *рема*, *данное* и *новое* не всегда тождественны.

Библиографический список

Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // *Вопр. языкознания*. 2015. № 3. С. 7–21.

Апресян Ю. Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // *Язык : система и функционирование*. М. : Наука, 1988. С. 10–22. URL : <http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-88.htm/> (дата обращения : 08.10.2016).

Богуславский И. М. Сфера действия начинательности и актуальное членение : втягивание ремы // *Семиотика и информатика*. М. : Языки рус. культуры ; Рус. словари, 1998. Вып. 36. С. 8–18. URL : <http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/36/36BOGUSL.pdf/> (дата обращения : 08.10.2016).

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М. : Языки славянских культур, 2008. 280 с.

Канафьева А. В. Частицы как репрезентаторы модально-эмоциональных значений рематического высказывания // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : Русская филология*. № 2. М. : Изд-во МГОУ, 2009. С. 37–41. URL : <http://www.vestnik-mgou.ru/Issue/IssueFile/146/> (дата обращения : 25.08.2016).

Межов О. Г. Формально-синтаксичні та комунікативні варіанти субстанційних синтаксем // *Studia Linguistica*. 2012. Вып. 6. С. 153–159. URL : http://www.philology.kiev.ua/library/zagal/Studia_Linguistica_6_1/153_159.pdf (дата обращения : 08.10.2016).

Падучева Е. А. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // *Вопр. кибернетики. Семиотические исследования.* М. : АН СССР. Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1989. С. 18–29.

Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 292 с.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М. : Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Викторова Елена Юревна – доктор филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Вороновская Ирина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Поволжского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

Дегальцева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Кормилицына Маргарита Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Матяшевская Ангелина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Милёхина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета иностранных языков Харбинского политехнического университета.

Мякишева Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Санджи-Гаряева Зоя Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Наумова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и классической филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреж-

дения высшего образования «Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского Минздрава России».

Сиротинина Ольга Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Сорокина Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, эксперт Экспертно-криминального центра МВД Саратовской области.

Шестак Лариса Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогический университета.

Яхина Диляра Инсановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Межвузовский сборник научных трудов

ВЫПУСК 16

Под редакцией профессора **М. А. Кормилицыной**

Отв. за выпуск *М. Н. Дегальцева*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Корректор *Т. Н. Сиротинина*
Оригинал-макет подготовила *Т. Н. Сиротинина*

Подписано в печать 03.12.2016. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 8,60 (9,25). Тираж 150 экз. Заказ .....

Издательство Саратовского университета. 410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография ИП Волков В. В. 410056, Саратов, Рабочая, 105.